

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 4 (29) / Елец, 2021

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4
<https://hisfas.elpub.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, **Воронеж**)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, **Тамбов**)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, **Ставрополь**)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, **Москва**)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, **Москва**)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет), **Ростов-на-Дону**)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, **Веллингтон, Новая Зеландия**).

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, **Познань, Польша**).

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**) – зам. главного редактора.

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, **Капошвар, Венгрия**).

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**).

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**).

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор Института археологии РАН, **Москва**).

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**).

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, **Москва**).

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**).

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**).

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, **Брянск**).

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доцент РГГУ, **Москва**).

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Клевцова О. В. (Елец)	ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В XIX ВЕКЕ ПО ДАННЫМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	7
Меркулов П. А., Букалова С. В. (Орел)	СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ ВОЙНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОЙ КОМИССИИ ПО ПРИЗРЕНИЮ ВОИНСКИХ ЧИНОВ И ДРУГИХ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ В ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ, А ТАКЖЕ ИХ СЕМЕЙ.....	16
Чернышева Н. В. (Москва)	ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И ТРУДОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941-1945 гг.).....	23

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Меркулов А. Н., (Воронеж) Мягкова Ю. Я., (Ростов-на-Дону) Белая Н. Н., (Москва) Ковалев Д. А. (Воронеж)	РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА БОЛЬШОЕ СТОРОЖЕВОЕ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	36
--	---	----

XVII ВЕК

Мельникова А.Р. (Елец)	СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КРЕПОСТЕЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ ПО ДАННЫМ НА 1678 г.....	43
---------------------------	---	----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Амбарцумян К.Р. (Ставрополь)	ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ АРМЯНСКИХ ВИЛАЙЕТОВ ТУРЦИИ В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В 1908-1914 гг.....	51
Долгих А. Н. (Липецк)	ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.	61
Жиров Н. А. (Елец)	ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТЕРРИТОРИЙ БЫВШЕЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ.....	72

Захаров А.В. (Челябинск), Ляпин Д.А. (Елец)	СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ И ПОМЕЩИКИ АЗОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИ ПЕТРЕ I: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПО МАССОВЫМ ИСТОЧНИКАМ 1710–1723 гг...	83
Ерин П. В. (Мичуринск), Николашин В. П. (Тамбов)	ТАМБОВСКАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПОРЕФОРМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	99
Парахин С. А., Безгин В. Б. (Тамбов)	РАССТРЕЛЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ И СЕЛЬСКИХ ЗАЛОЖНИКОВ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1918-1921 гг.	113
Редин Д. А. (Екатеринбург)	«ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ УКАЗЫ» ПЕТРА I В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	125
Сень Д. В. (Ростов-на-Дону)	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШПИОНОВ АТАМАНА И. НЕКРАСОВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1708 – 1720-е гг.)	134
Чориян С. К. (Ростов-на-Дону)	ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ.....	144

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Иванов В. В. (Комсомольск-на-Амуре)	ДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ США И ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА НА «ТРОПЕ ХО ШИ МИНА» В 1961-1967 гг. ПО МЕМУАРАМ АМЕРИКАНСКИХ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ.....	151
--	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ряполов В. В. (Елец)	ИСТОРИЯ АНГЛИИ И США В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КАРАБУЩЕНКО П. Л., ВАРТУМЯН А. А. «АНГЛОСАКСЫ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ)». 2021. 338 с.....	162
-------------------------	---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	164
------------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	167
-------------------------------------	-----

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY**

Klevtsova O. V. (Yelets)	CHOLERA EPIDEMIC AND SOCIO-ECONOMIC REASONS OF THEIR DISTRIBUTION IN THE XIX CENTURY ACCORDING TO TAMBOV PROVINCE.....	7
Merkulov P. A., Bukalova S. V. (Orel)	ESTABLISHMENT OF A SYSTEM OF ASSISTANCE TO WAR DISABLED IN THE ACTIVITIES OF A SPECIAL COMMISSION FOR THE APPOINTMENT OF MILITARY OFFICERS AND OTHER PERSONS AFFECTED IN THE PROCEEDING OF THE WAR, AS WELL AS THEIR FAMILIES	16
Chernishova N. V. (Moscow)	REPRODUCTION OF LABOR RESOURCES AND LABOR MOBILIZATION OF THE POPULATION OF THE USSR UNDER WAR TIME (1941-1945).....	23

ARCHEOLOGY AND ISSUES OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

Merkulov A. N., (Voronezh) Myagkova Yu. Ya., (Rostov-on-Don) Belaya N. N., (Moscow) Kovalev D. A. (Voronezh)	RESULTS OF ANALYSIS OF OSTEOLOGICAL MATERIALS OF SCYTHIAN TIME FROM THE HILLFORT BOLSHOE STOROZHEVOE: LATEST RESEARCH.....	36
---	--	----

XVII CENTURY

Melnikova A. R. (Yelets)	SOCIAL COMPOSITION OF FORTRESSES OF THE BELGOROD LINE AS OF 1678	43
-----------------------------	--	----

.TOPICAL ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Ambartsumyan K. R. (Stavropol)	THE PROBLEM OF REFORMING THE ARMENIAN VI-LAYETS OF TURKEY IN THE POLITICS OF THE LEADING POWERS IN 1908-1914.....	51
Dolgikh A. N. (Lipetsk)	THE PROBLEM OF PROPERTY IN THE CONTEXT OF THE LEGAL STATUS OF THE OWNER PEASANTS OF RUSSIA XVIII - FIRST HALF OF XIX CENTURIES.....	61
Zhirov N. A. (Yelets)	INFORMATION CAPABILITIES OF THE STATISTICAL DOCUMENTS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY FOR THE SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF THE FORMER TERRITORIES BELGOROD DEFENSE LINE	72

Zakharov A. V. (Chelyabinsk), Lyapin D. A. (Yelets)	NOBLES AND LANDOWNERS OF THE AZOV PROVINCE UNDER PETER I: ON THE ISSUE OF SOCIAL IDENTITY ACCORDING TO MASS SOURCES OF 1710-1723.	83
Erin P. V. (Michurinsk), Nikolashin V. P. (Tambov)	TAMBOV GOVERNING ELITE IN THE CONDITIONS OF POST-REFORM TRANSFORMATION.....	99
Parakhin S. A., Bezgin V. B. (Tambov)	EXECUTION OF PEASANT REBELS AND RURAL HOS- TAGES IN TAMBOV PROVINCE 1918-1921.....	113
Redin D. A. (Ekaterinburg)	"PROHIBITATIVE DECREES" OF PETER I IN THE CON- TEXT OF THE RUSSIAN ECONOMY OF EARLY MODERN TIME	125
Sen D. V. (Rostov-on-Don)	ACTIVITIES OF THE SPIES OF ATAMAN NECRASOV ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN STATE (1708-1720s) PART 2.....	134
Choriyan S. K. (Rostov-on-Don)	EKATERININSKAYA WOMEN'S GYMNASIUM OF NAKHICHEVAN-ON-DON.....	144

HISTORY OF THE EAST

Ivanov V. V. (Komsomolsk-on- Amur)	ACTIONS OF THE US AND SOUTH VIETNAM SPECIAL DIVISIONS ON THE "HO CHI MINA TRAIL" IN 1961-1967. BASED ON THE MEMOIRS OF AMERICAN WAR PARTICIPANTS	151
--	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Ryapolov V. V. (Yelets)	HISTORY OF ENGLAND AND THE USA ASSESSED BY MODERN RESEARCHERS. MONOGRAPH REVIEW KA- RABUSHCHENKO P. L., VARTUMYAN A. A. "ANGLO- SAXES: FALSIFICATION OF POLITICAL HISTORY (EXPERIENCE OF HISTORICAL HERMENEUTICS). 2021. 338 p.".....	162
----------------------------	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	164
--	------------

INFORMATION FOR AUTHORS.....	167
-------------------------------------	------------

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Клевцова О. В.
(Елец)

УДК 93/94

ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В XIX ВЕКЕ ПО ДАННЫМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассмотрена слабоизученная тема влияния социально-экономических причин на возникновение и распространение массовых инфекционных заболеваний на примере эпидемий холеры. Географические рамки исследования ограничены территорией Тамбовской губернии, как типично аграрной с преимущественно сельским населением. В качестве основных источников были взяты статистические материалы, представленные различными сборниками по здравоохранению и медицинскому обслуживанию населения, а также обзоры Тамбовской губернии и отчеты Тамбовской городской управы. Комплексный анализ источников был произведен при помощи как традиционных научных способов исследования (системный анализ, ретроспективный метод, метод историзма и т.д.), так и современных методик, например, метода математической статистики. В ходе работы была дана характеристика системы здравоохранения исследуемого региона и определены основные факторы, негативно влиявшие на распространение холерных эпидемий в исследуемый период. Автором была установлена связь между санитарно-гигиенической обстановкой и распространением инфекций в сельских и городских населенных пунктах Тамбовской губернии. В качестве основного вывода исследования автор указывает на сочетание двух основных факторов, негативно влиявших на санитарную обстановку в губернии. Это низкий уровень грамотности и культурного развития населения в сочетании с экономической необеспеченностью. При недостатке врачей и неотлаженной земской медицинской помощи эти факторы способствовали быстрому распространению эпидемий в регионе.

Ключевые слова: эпидемия, холера, карантинные меры, крестьянство, земство, Тамбовская губерния.

The article examines the poorly studied topic of the influence of socio-economic causes on the occurrence and spread of mass infectious diseases on the example of cholera epidemics. The geographical scope of the study is limited to the territory of the Tambov province, as a typically agrarian with a predominantly rural population. Statistical materials presented by various collections on public health and medical services, as well as reviews of the Tambov province and reports of the Tambov City Council were taken as the main sources. A comprehensive analysis of the sources was carried out using both traditional scientific methods of research (system analysis, retrospective method, method of historicism, etc.) and modern methods, for example, the method of mathematical statistics. In the course of the work, the characteristics of the healthcare system of the studied region were given and the main factors that negatively affected the spread of cholera epidemics during the study period were identified. The author established a connection between the sanitary and hygienic situation and the spread of infections in rural and urban settlements of the Tambov province. As the main conclusion of the study, the author points to a combination of two main factors that negatively affected the sanitary situation in the province. This is a low level of literacy and cultural development of the population combined with economic insecurity. With a shortage of doctors and unsettled zemstvo medical care, these factors contributed to the rapid spread of epidemics in the region.

*Keywords: epidemic, cholera, quarantine measures, peasantry, zemstvo, Tambov province.
DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-7-15*

Инфекционные заболевания и связанные с их распространением эпидемии на всем протяжении существования человеческого общества имели сильное воздействие на социально-экономическое развитие стран и народов. В истории есть много примеров, когда вспышка какой-либо эпидемии приводила к упадку отдельно взятых территорий и целых регионов. Вспышка COVID-19 в Китае в 2019 г. и последующая за ней пандемия, охватившая весь мир, заставляют исследователей обращаться к событиям прошлых лет, к поиску положительных примеров борьбы с массовыми инфекциями и способами решения экономических последствий в пострадавшем от эпидемий социуме.

В последние десятилетия в отечественной историографии появилось достаточное количество работ, посвященных изучению смертности населения в Российской империи, в том числе в ракурсе распространения массовых инфекционных заболеваний (Н. А. Жиров, С. С. Смирнова, В. В. Канищев, Р. Б. Кончаков, С. Л. Хок). Основная часть трудов носила чисто демографический характер изучения структуры смертности населения и не ставила перед собой задачи изучения социально-экономических предпосылок и итогов бушевавших эпидемий. Таким образом, в настоящее время ощущается недостаточное количество работ, акцентирующих свое внимание не на самих эпидемиях, а на причинах их распространения.

Холерные эпидемии на протяжении многих веков для жителей не только России, но и многих стран мира являлись настоящим бичом, а демографические и экономические последствия неоднократно носили катастрофический характер.

Первая волна эпидемии холеры в 1817 г. охватила почти всю Азию и распространилась до Астрахани. Вновь эпидемия холеры прокатилась с 1826 по 1837 гг. от Индии до Оренбурга. Новая волна пришла вслед за торговцами, военными действиями в различных южных направлениях (военные конфликты с турками, персами). В России в этот период холерой заразилось 561,1 тыс. чел.

Третья холерная пандемия прокатилась с 1846 по 1862 гг. от Индии до Афганистана. В России эпицентрами заболевания стали Астрахань и Ростов-на-Дону. Инфекция достигла Центральной России, Поволжья, Украины и Белоруссии. Инфицированными считались 2,6 млн. чел, а умерло около 1,03 млн. чел.

Четвертая холерная пандемия возникла в Индии и свирепствовала с 1864 по 1872 гг. От инфекции в России погибло 327 млн. чел. из 884,8 тыс. заболевших.

Пятая пандемия возникла в 1883 г. и длилась до 1896 г. и охватила территорию до Дальнего Востока. От инфекции погибло 227 тыс. чел. из 505 тыс. инфицированных.

Интересен тот факт, что заражениям были подвержены не только представители низших и средних слоев населения, но и вполне обеспеченные граждане. Таким образом, борьба с распространением эпидемий на протяжении веков являлась важным общественным явлением и волновала все слои населения.

Анализируя данные по вспышкам заболеваний в России в XIX в. можно заметить, что было зарегистрировано 44 холерных года. Помимо этого страшного заболевания, периодически наблюдались вспышки крупных эпидемий всех видов тифов, дизентерии и оспы. Малярия, не зная границ, поражала огромные пространства, подлинным бичом для России были туберкулез и сифилис. В Поволжье, на Урале, в Башкирии свирепствовала трахома, а население Средней Азии к тому же было поражено многими тропическими болезнями.

Причинами столь масштабного распространения заболеваний были активные торгово-экономические отношения, особенно с Индийским регионом, а также военные конфликты, внутренняя и внешняя миграция населения. Анализируя статистические данные только по одному заболеванию, можно заметить, что число погибших от пандемии холеры с 1817 г. по 1876 гг. составило 2,4 млн. чел. [19, с. 55-57].

Эпидемии в России принимали угрожающий характер. До отмены крепостного права сельские обыватели в основном обращались за помощью к помещику, а не к знахарям. Они

могли относиться ответственно к своим крепостным и прилагали усилия для их лечения или брали с крепостного «деньги и разстраивали без того больной организм» [5, с. 9]. После уничтожения крепостного права и до создания системы земских учреждений крестьяне оставались один на один с болезнями. Лишь после 1864 г. вся тяжесть борьбы с эпидемией падала на плечи рядовых земских врачей. В одном из писем земского врача А. П. Чехова, который обслуживал 25 деревень, 4 фабрики и монастырь, читаем: «Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по значным местам... Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота, ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры...» [1, с. 7].

В медико-топографических описаниях уездов Тамбовской губернии можно встретить риторический вопрос составителя: «Что мог сделать один врач на 224-х квадратно-верстовом пространстве? Мог ли он в действительности оказать пособие всем заболевшим тяжелою болезнью по донесению фельдшеров?» [10, с. 5].

Военно-статистическое обозрение Тамбовской губернии определило основные причины распространения заболеваний: «Летом 1848 г. все огородные овощи, исключая арбузы и дыни, погибли от жары. Неумеренное употребление арбузов и дыни помогло холере. Недостаток прочих овощей и хлеба вызвал в следующую зиму цингу. Лишь немногие удачно посолили арбузы и дыни впрок, чтобы заменить капусту, огурцы и прочее». Помимо этого, автор обозрения сообщал о массовых отравлениях вредными растениями и лесными ягодами [16, с. 152].

Непосредственно в Тамбовской губернии до 1867 г. лечением государственных крестьян занимались в общественных домах под наблюдением окружных врачей ведомства государственных имуществ [3, с. 165].

Основатель Тамбовского краеведения и архивоведения, свидетель событий XIX в. И. И. Дубасов писал о появлении первой русской холеры в Тамбовской губернии. Он сообщал, что нерешительность со стороны приказа общественного призрения многие оправдывали неимением средств на проведение противоэпидемиологических мероприятий. Но, по свидетельству Дубасова, в начале XIX в. Тамбовский приказ общественного призрения имел значительное число наличных денег. Жители губернии активно играли в карты и проигрывали целые состояния, имения и крестьян.

В 1830 г. на границе губернии были зафиксированы первые случаи заболевания холерой, завезенной из Астрахани. На границах Тамбовских уездов вскоре стали возводить кордоны из числа гарнизонных, инвалидов и отставных солдат. На границах сел создавали мирские караулы из местных сельских обывателей. Всю поступающую почту, тюки с товаром окуривали хлорным газом с целью дезинфекции, а все въезжающие в губернию отправлялись на двухнедельный карантин. Находившихся на карантине ежедневно омывали раствором хлора [3, с. 49].

Крестьянское сословие отказывалось признавать наличие эпидемии и всячески препятствовало карантинным мерам. Так, например, жители села Никольское Тамбовской губернии, узнав о распространении холеры, отказывались верить в наличие эпидемии. Жители села выпустили всех из больницы, сломали ограждения и разогнали кордоны, а врача Гоффа приковали к трупу умершего от холеры. Для подавления бунта в Никольское отправился сам губернатор И. С. Миронов во главе военной команды.

С распространением эпидемии помогала бороться церковь. 14 сентября 1830 г. во круг города Тамбова был совершен крестный ход по распоряжению епископа Евгения. Но некоторые священники из-за низкого уровня образования призывали бороться с холерными госпиталями. Например, в селе Озерки Козловского уезда два священника Захаров и Фролов угрожали прихожанам отлучением от церкви, если они не начнут бороться с больницами [3, с. 50]. Епископ Евгений строго боролся с паникерами и с призывами к бунтам с цер-

ковного амвона. Зачинщиков осуждали, лишали сана. Процедура разстрижения проводилась публично. Многих штрафных церковников епископ передал в солдаты [3, с. 53].

Распространять элементарные знания стремились через средства массовой информации. Так, епархиальные ведомости в 1861 г. сообщают о начале издания врачебной газеты «Гомеопатический листок». Издатели обратились к Феофану епископу Тамбовскому и Шацкому с просьбой посодействовать в распространении данного издания в среде сельского духовенства. В листке содержались простые и дешевые способы лечения, которые были бы доступны человеку, умеющему читать и владеющему элементарными понятиями о медицине. Все эти способы лечения были полезны для простого народа [17, с. 134]. Владыка рекомендовал священникам своей епархии выписывать эту газету и читать ее прихожанам.

Встречались случаи превышения полномочий в противохолерной борьбе. В разгар эпидемии Тамбовский холерный комитет отдал распоряжение вылавливать не только людей, чувствующих легкое недомогание, но и пьяных. Всех пациентов холерных больниц сажали в горячие ванны, пускали кровь. При этом процедуру часто совершали пьяные фельдшера и цирюльники. Именно поэтому процент смертности в больницах был слишком высок. Жуткое отношение, нетрезвый персонал, тяжелая обстановка в больнице спровоцировали народное негодование. 17 ноября 1830 г. толпа требовала признать, что в Тамбове нет холеры. Бунт мещанства продолжался три дня [3, с. 51].

Но были случаи замалчивания и утаивания вспышек заболеваний. Так, например, известны случаи, когда сельская полиция старалась скрыть больных, «чтобы избежать хлопот с письменным извещением земской управы в случае появления эпидемии, и местных оповещений по домам крестьян о приезде врача или фельдшера» [9, с. 21].

В городе Козлове в 1866 г. были приняты меры, разработанные врачом Арнольди. Он определил, что каждое село, где встречаются случаи холеры, делится на два участка. Их два раза в день посещал фельдшер, больной осматривался врачом или фельдшером 4 раза в день. Испражнения больных засыпали купоросом, общение между людьми ограничивалось. Священникам раздавали брошюры, разработанные Арнольди, содержавшие рекомендации по уходу за больными [5, с. 14].

Сложным оставалось и санитарно-гигиеническое положение. В городах отсутствовала система центрального водоснабжения. До 1834 г. население города Тамбова использовало воду из реки Цны. Качество ее воды было плохим, так как в нее стекали нечистоты через грунтовые воды из города, помимо этого, все население активно купалось в реке. Из-за этого происходили частые вспышки различных заболеваний. Есть упоминания о том, что по реке Цне в 1771 г. распространилась в губернии эпидемия чумы и затронула Шацкий и Тамбовский уезды [20, с. 84]. В 1834 г. по инициативе Тамбовского губернатора Гамалея началось бурение артезианского колодца [6, с. 29]. И лишь в 1883 г. был построен водопровод для 55 тысячного населения города. Источниками водоснабжения стали лесные родники и пруды. Проект водотрубной системы был разработан Шуховым, вода циркулировала за счет насосов Вортингтона [2, с. 122-123].

Строительство водопровода сыграло положительную роль и уже в 1892 г., когда в губернии вновь была зафиксирована эпидемия холеры, сам город Тамбов отличался низким уровнем распространения заразы. Было зафиксировано лишь 26 случаев. «Превосходное водоснабжение» посредством водопровода способствовало уменьшению очага распространения. В 1871 г. вспышка холеры имела большой размах из-за активного пользования водой из реки Цны, которая не отвечала санитарно-гигиеническим требованиям. Значительная часть заболеваний была связана с привозными случаями «из Козлова 2, из села Донского 3, из других окрестностей Тамбова 6; из других зараженных в то время городов и местностей» [16, с. 574].

Сложная экологическая обстановка наблюдалась и в других уездах. Так, в Усманском уезде «главной причиной нечистоты воды речек...служит загрязнение их разного рода выбросами и нечистотами (навозом), который ... зимою свозится на лед». По предположе-

нию автора медико-топографического описания вода в половодье «унесет с собой эти нечистоты». Речная вода загрязнялась от массовых купаний людей, животных, мочения конопля, запруживания и так далее.

Не отличались чистотой и места общей торговли: «от многолетнего удабривания навозом, оставляемым торговцами и приезжими поселянами ... разлагающимися остатками не проданных овощей..., от недостатка стока дождевой воды ...» с почвы поднимались удущающие запахи, вредные для здоровья людей [9, с. 17].

В Усманском уезде в условиях эпидемии местные власти отдали распоряжение о бесплатном отпуске медикаментов для бедных людей, запретили звонить в колокола по умершим, чтобы не провоцировать панику [9, с. 9]. И такая практика была повсеместной. В 1880 г. в Тамбовской губернии земство имело право бесплатно отпускать лекарства по полицейскому свидетельству или по удостоверению земского врача о бедности больного [13, с. 1689].

Несмотря на усилия местных органов власти и населения в регионе элементарно не хватало койко-мест в больнице. По данным за 1892 г. квалифицированную стационарную врачебную помощь могли оказать 56 больниц из них 13 городских, 12 тюремных и 35 сельских. При этом распределение койко-мест было следующим: в городских больницах – 1042 кровати, в тюремных – 122, а в сельских 544 кровати. В этот же год число больных в губернии составило 1.035.739 человек, а услугами больницы воспользовались 17.803 человека [11, с. 49]. Из отчетных списков по эпидемиологической обстановке в регионе видно, что случаев Азиатской холеры было выявлено 19.699 из них скончалось 8.855 человек. Таким образом, учитывая количество больничных кроватей в губернии (1.701) и число инфицированных только холерой стоит заметить, что больницы с трудом справлялись с эпидемиями.

Материально-техническое положение приемных покоев в рассматриваемый период было слабое. Так, например, анализируя доклад врача Карташева из Козловского уезда Тамбовской губернии, можно встретить характеристику условий содержания больничного фонда: «Белья одна мена... дома старые, холодны и грязны... Их следует улучшить или уничтожить» [5, с. 26].

Снижение платы за лечение в больнице Козловского уезда спровоцировало формирование дефицита в бюджете, который достиг 2.000 руб. и способствовало скорейшему переходу из коммерческого предприятия на земскую почву [5, с. 27].

По данным за 1890 г. состояние богадельни г. Тамбова было крайне плачевным. Население богадельни живет скученно, тесно, а помещение содержится грязно. Недавно построенное здание приюта для сирот также не отличалось чистотой. Дети болели чесоткой, ветряной оспой и другими болезнями [12, с. 32].

Сложно обстояло дело с кадрами. В рассматриваемый период повсеместно наблюдался дефицит врачей, фельдшеров и другого персонала. Среди описаний медицинской части в Тамбовской губернии можно встретить характеристику качества работы фельдшеров. Так, например, в описаниях пригородного медицинского участка Усманского уезда есть предложение «уничтожить все фельдшерские участки», оставив по одному фельдшеру при каждом участковом враче и по три фельдшера при больницах. Мотивировали данное предложение тем, что «фельдшера не удовлетворяют требованиям земства: одни из них, проводя время в пьянстве, отказывая больным в помощи; другие... по недостаточности знаний, тратят больше лекарств, чем приносят пользы» [9, с. 11].

Большую негативную роль в масштабном распространении инфекционных заболеваний играло элементарное невежество крестьянской среды. Земский начальник 9 участка Козловского уезда, общественный деятель и публицист Александр Иванович Новиков особое внимание в своих «Записках» уделял крестьянскому быту. Автор сообщает о сложной гигиенической обстановке в сельских поселениях, о плачевном состоянии крестьянских изб, о скудности пищевого рациона.

Касательно вопроса распространения земской медицины в крестьянской среде Новиков говорит, что даже при наличии средств на данное направление само крестьянское сословие не готово воспринимать нововведения. В этот период практически полностью отсутствовала детская гигиена. Матери использовали соску из перемятого черного хлеба, которая переходила «из рта в рот и разносила сифилис». Крестьянство не принимало даже азы гигиены. Так, при рекомендациях земского врача не давать ребенку, страдающему от поноса, огурец, возвращаясь домой, крестьяне сразу забывали об этом. В случае наличия женских болезней любые попытки уговорить обратиться к акушерке заканчивались безрезультатно. Женщине было стыдно. Крестьянское сословие больше доверяло знахаркам и их методике врачевания [10, с. 217].

Невежественными оставались и жители городов. Многие не знали простых правил здравоохранения. После проведения обследования городских дворов 1 участка города Тамбова в 1890 г. были получены следующие результаты: «вывоз нечистот совершается редко». При осмотре трактиров постоянно делались замечания и составлялись протоколы: «грязные скатерти, дурной воздух, тараканы ...». Сложная обстановка наблюдалась в единственной бане 1 участка «в парильном отделении производится мытье белья ... вентиляции ни какой». В местных колбаснях «царит тоже неряшество, посмотрев которое вряд ли станешь употреблять колбасу в пищу» [12, с. 22].

На совещании губернских врачей и представителей Тамбовской губернии подчеркивалось, что «низкое культурное развитие население, при его экономической необеспеченности, при недостатке врачей и местами неправильной постановке земской медицинской помощи по уездам» [10, с. 6] способствовало быстрому распространению эпидемий в регионе. Единственный способ в борьбе с вышеперечисленными проблемами общество видело в развитии системы просвещения граждан о мерах борьбы с заразой через народные школы.

В соответствии с разработанной земской управой инструкцией для приглашенных врачей, медики на вверенных им участках должны проводить разъяснительные беседы о пользе лечебных трав среди крестьянского населения. Их рекомендовали разводить на участках, собирать, а управа закупала лекарственные травы и передавала фельдшерам [9, с. 3].

В условиях эпидемии местные власти обращались к земским врачам с просьбой составлять краткие сведения о холере, понятные удобные в использовании наставления для крестьян. Эти листовки раздавали исключительно в условиях эпидемии. При этом запрещалось распространять преждевременные слухи о грядущем бедствии, чтобы не создавать панику [5, с. 6-7].

Составитель «Медико-типографического описания медицинского участка Усманского уезда» Буховцев И. подчеркивает, что «большая часть болезнетворных причин» напрямую связана с постройкой новых изб для крестьян. Земские врачи практически ничего не знали о крестьянском быте, о том, что «вредит в принимаемой пищи и питье... и в их одежде» [9, с. 8].

Крестьянские избы в губернии ставились прямо на землю, «нижняя их часть на зиму засыпалась навозом», иногда он оставался лежать и летом. Полы в избах были деревянные «из накатника». Хозяйка не успевала следить за чистотой крестьянской избы, так как была обременена сельскохозяйственными работами, шитьем и рукоделием, приготовлением пищи, присмотром за детьми, скотиной. Именно поэтому большинство крестьянских жилищ находилось в антигигиенической обстановке.

Распространению инфекции и частых случаев простудных заболеваний способствовала нищая крестьянская одежда. Семье не хватало теплой одежды, одну обувь носило несколько человек, тряпки «для заворачивания ног ... в дождливое время пропитываются грязью». Все это провоцировало распространение язвенных болезней, ревматизма и других заболеваний [9, с. 8].

Жилищные устои также способствовали ухудшению санитарно-гигиенической обстановки. Не только в крестьянской семье, но даже у зажиточных купцов встречались слу-

чай антигигиенических условий. «Со дворов имеют обыкновение свозить только тот навоз, который выброшен из конюшни», а мусор из домов, нежидкие нечистоты складировали во дворах, где они, «разлагаясь, заражают воздух» [9, с. 19]. Местные органы власти стремились бороться с антигигиеническими условиями. Мировые судьи назначали штрафы, но для богатых обывателей они были слишком ничтожны и санитарные условия не изменялись.

Таким образом, анализируя санитарно-гигиеническую обстановку на территории Тамбовской губернии, можно заметить, что основными причинами массовых распространений эпидемий были нищета, отсутствие элементарных гигиенических знаний и нежелание общества активно бороться с заболеваниями. Еще одной глобальной проблемой было отсутствие доброкачественной воды, ее неудовлетворительная очистка и халатное отношение к массовому складированию нечистот вблизи жилых построек и источников пресной воды.

Список источников и литературы

1. Гаджиев, Р. С., Османова, Ф. М. (2014). *К 150-летию земской медицины в России* // *Земский Врач*. № 3-4 (24). С. 7-8.
2. Данилов, Ф. А. (1911). *Водопроводы русских городов. Краткое описание, составленное по данным, собранным в 1910 г. Постоянным Бюро русских водопроводных Съездов*. М. 215 с. URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/2069-danilov-f-a-vodoprovody-russkih-gorodov-m-1911>
3. Дубасов, И. И. (1883). *Очерки из истории Тамбовского края*. М.: Типография Елисаветы Гербек. 263 с.
4. Жиров, Н. А. (2016) *Микродемографический анализ крестьянской смертности в Орловской деревне в начале XX в.* // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. Т. 16, № 1. С. 16-21.
5. *История развития земской медицины в Козловском уезде Тамбов. губ. 1866-1901 гг.* (1903) / Составитель доктор медицины В. Горбатовский. Козлов: Товарищество и К типо-литографии «Козловская газета». 136 с.
6. Ильин, А. Ю. (2016). *Возникновение и развитие систем водоснабжения российских провинциальных центров в XVIII-XX вв. (на материалах Пензы, Рязани и Тамбова)* // *Социально-экономические явления и процессы*. Т. 11, № 10. С. 28-34.
7. Канищев, В. В. (2011). *Кластерный анализ демографического поведения сельского населения Европейской России в начале XX в. и в начале XXI в. К постановке вопроса* // *Internum*. № 2. С. 50-51.
8. Кончаков, Р. Б. (2001). *Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: дис ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кончаков Роман Борисович*. Тамбов. 216 с.
9. *Медико-типикографические описания пригородного медицинского участка Усманского уезда* / Составитель доктор медицины И. Буховцов. Тамбов, 1877. 48 с.
10. Новиков, А. (1899). *Записки земского начальника*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 240 с.
11. *Обзор Тамбовской губернии за 1892 год*. (1893). Тамбов: Типография губернского правления. 62 с.
12. *Отчет Тамбовской городской управы за 1890 г.* (1891). Тамбов: Типография Губернского правления. 247 с.
13. *Перечень Думы Губернского земства: сборник постановлений*. С. 1251-1698. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=9083>
14. Смирнова, С. С. (2002). *Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.: К вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг)* // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. Материалы VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. № 30. М. С. 196-199.

15. Суворин, Р. В. (2015). *Эпидемические заболевания в Тамбовской губернии в первой половине XIX в.: причины, проявления, меры по преодолению* // Вестник Тамбовского государственного университета, выпуск 8 (148). С. 151-156.
16. Тамбовская губернская земская больница. Тамбовская губернская земская больница в 1892 год / отчет сост. Врачами больницы. Тамбов: Губернская земская типография, 1893. 585 с.
17. Тамбовские епархиальные ведомости. 1861. № 19.
18. Требушков, И. Е. (2019). *География мировых эпидемий холеры* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. №1. С. 53-64.
19. Хок, С. Л. (1999). *Голод, болезни и структура смертности в приходе Борщевка. Россия, 1830-1912* // Социально-демографическая история России XIX-XX вв. Тамбов. С. 3-30.
20. Черменский, П. Н. (1926). *Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии*. Тамбов: тип. «Пролетарская свеча». 86 с.

References

1. Gadzhiev, R. S., Osmanova, F. M. (2014). *K 150-letiyu zemskoj mediciny v Rossii* [To the 150th anniversary of Zemstvo medicine in Russia] in *Zemskij Vrach*, 3-4 (24), 7-8. (in Russian).
2. Danilov, F. A. (1911). *Vodoprovody russkih gorodov. Kratkoe opisanie, sostavlennoe po dannym, sobrannym v 1910 g. Postoyannym Byuro-russkih vodoprovodnyh S"ezdov* [Water pipelines of Russian cities. A brief description compiled from data collected in 1910. Permanent Bureau-Russian Water Supply Congresses]. Moscow, 215 s. URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/2069-danilov-f-a-vodoprovody-russkih-gorodov-m-1911> (in Russian).
3. Dubasov, I. I. (1883). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja* [Essays from the history of the Tambov region]. Moscow, Tipografiya Elisavety Gerbek. (in Russian).
4. Zhiron, N. A. (2016) *Mikrodemograficheskiy analiz krest'yanskoj smertnosti v Orlovskoj derevne v nachale XX v.* [Microdemographic analysis of peasant mortality in the Oryol village at the beginning of the twentieth century] in *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya, t. 16, 1, 16-21. (in Russian).
5. *Istoriya razvitiya zemskoj mediciny v Kozlovskom uezde Tambov. gub. 1866-1901 gg.* (1903) [The history of the development of zemstvo medicine in the Kozlovsky district of Tambov. Gubernia 1866-1901.] / Sostavitel' doktor mediciny V. Gorbatovskij. Kozlov, Tovarishchestvo i K tipo-litografii «Kozlovskaya gazeta». (in Russian).
6. Il'in, A. Yu. (2016). *Vozniknovenie i razvitie sistem vodosnabzheniya rossijskih provincial'nyh centrov v XVIII-XX vv. (na materialah Penzy, Ryazani i Tambova)* [The emergence and development of water supply systems of Russian provincial centers in the XVIII-XX centuries . (based on materials from Penza, Ryazan and Tambov)] in *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, t. 11, 10, 28-34. (in Russian).
7. Kanishchev, V. V. (2011). *Klasternyj analiz demograficheskogo povedeniya sel'skogo naseleniya Evropejskoj Rossii v nachale XX v. i v nachale XXI v. K postanovke voprosa* [Cluster analysis of demographic behavior of rural population of European Russia at the beginning of the XX century and at the beginning of the XXI century. To the formulation of the question] in *Ineter-num*, 2, 50-51. (in Russian).
8. Konchakov, R. B. (2001). *Demograficheskoe povedenie krest'yanstva Tambovskoj gubernii v XIX – nachale XX v. Novye metody issledovaniya* [Demographic behavior of the peasants of the Tambov province in the XIX - early XX century . New research methods] (doctoral dissertation). Tambov. (in Russian).

9. *Mediko-tipograficheskie opisaniya prigorodnogo medicinskogo uchastka Usmanskogo uezda* (1877). Medical and typographic descriptions of the suburban medical area of Usmansky district / Compiled by Doctor of Medicine I. Bukhovtsov. Tambov, 48. (in Russian).
10. Novikov, A. (1899). *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes of the zemstvo chief]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha. (in Russian).
11. *Obzor Tambovskoj gubernii za 1892 god.* (1893). [Review of the Tambov province for 1892]. (1893). Tambov: Printing house of the provincial government, 62. (in Russian).
12. *Otchet Tambovskoj gorodskoj upravy za 1890 g.* (1891). [Report of the Tambov City Council for 1890]. Tambov: Printing house of the Provincial Government, 247. (in Russian).
13. *Perechen' Dumy Gubernskogo zemstva: sbornik postanovlenij.* (1894). [List of the Duma of the Provincial Zemstvo: a collection of resolutions]. 1251-1698. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=9083> (in Russian).
14. Smirnova, S. S. (2002). *Smertnost' v Oloneckoj gubernii v XIX – nachale XX vv.: K voprosu o fiksacii prichin smerti (po materialam metriceskikh knig)* [Mortality in the Olonets province in the XIX - early XX centuries: On the issue of fixing the causes of death (based on the materials of metric books)] in *Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter»*. Materialy VIII konferencii AIK, iyun' 2002 g., 30. Moscow, 196-199. (in Russian).
15. Suvorin, R. V. (2015). *Epidemicheskie zabolevaniya v Tambovskoj gubernii v pervoj polovine XIX v.: prichiny, proyavleniya, mery po preodoleniyu* [Epidemic diseases in Tambov province in the first half of the XIX century: causes, manifestations, measures to overcome] in *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vypusk 8 (148), 151-156. (in Russian).
16. *Tambovskaya gubernskaya zemskaya bol'nica. Tambovskaya gubernskaya zemskaya bol'nica v 1892 god* (1893). [Tambov provincial zemstvo hospital. Tambov provincial zemstvo hospital in 1892] / report comp. Hospital doctors. Tambov: Provincial Zemskaya Printing House, 585.(in Russian).
17. *Tambovskie eparhial'nye vedomosti.* (1861). Tambov diocesan statements, 19. (in Russian).
18. Trebushkov, I. E. (2019). *Geografiya mirovyh epidemij holery* [Geography of world cholera epidemics] in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennyye nauki*, 2019, 1, 53-64. (in Russian).
19. Hok, S. L. (1999). *Golod, bolezni i struktura smertnosti v prihode Borshchevka. Rossiya, 1830-1912* [Hunger, diseases and mortality structure in Borshchevka parish. Russia, 1830-1912] in *Social'no-demograficheskaya istoriya Rossii XIX-XX vv.* Tambov, 3-30. (in Russian).
20. Chermenskij, P. N. (1926). *Kul'turno-istoricheskij ocherk Tambovskoj gubernii* [Cultural and historical sketch of the Tambov province]. Tambov, tip. «Proletarskaya svecha». (in Russian).

Меркулов П. А.,
Букалова С. В.
(Орел)

УДК 94(47) «1914/19»

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ ВОЙНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОЙ КОМИССИИ ПО ПРИЗРЕНИЮ ВОИНСКИХ ЧИНОВ И ДРУГИХ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ В ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ, А ТАКЖЕ ИХ СЕМЕЙ¹

Особенностью Первой мировой войны стали массовые армии и широкое применение артиллерии, что приводило к появлению значительного количества искалеченных солдат. Актуальной задачей государственного управления стало создание системы помощи инвалидам войны. Данная тема принадлежит к актуальной проблематике модернизации государства и развития его социальных функций, мощным стимулом чего послужили обстоятельства Первой мировой войны. Статья посвящена организационным основам помощи инвалидам войны, центральным звеном которой была Особая Комиссия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну. Исследование основано на применении структурно-функционального подхода и базируется преимущественно на использовании исторических источников, как периодических изданий, так и архивных фондов организаций, осуществлявших поддержку инвалидов войны. Первоначально осуществление мероприятий в пользу инвалидов войны возлагалось на местные отделения Елизаветинского комитета, однако масштаб проблемы потребовал привлечение к помощи военно-увечным местного самоуправления. Земский Союз и Союз Городов включили инвалидов войны в сферу своих интересов, и Особая Комиссия вынуждена была взаимодействовать с ними в разработке общероссийского плана призрения военно-увечных. Таким образом, формировавшаяся в России система поддержки инвалидов войны характеризовалась преобладанием общественных элементов, преемственностью с традиционной частной благотворительностью и одновременно появлением черт централизации, единообразия и расширения социальных гарантий.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, социальная политика, инвалиды войны, Ксенинская комиссия, Елизаветинский комитет.

The article is devoted to the organizational base of assistance to WWI invalids, the central link of which was a Special Commission of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war. Initially, the implementation of measures to the war invalids was entrusted to the local branches of the Elizabethan Committee, but the scale of the problem required the involvement of local self-government in helping the military-disabled. Zemsky Union and Union of Cities included war invalids in the sphere of their interests and a Special Commission was forced to cooperate with them in developing an all-Russian plan for the care of the military-disabled.

Keywords: The Russian Empire, the World War I, social policy, war invalids, the Grand Duchess Ksenia's Commission, the Elizabethan Committee.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-16-22

Небывалый размах Первой мировой войны не мог не оказать трансформирующего воздействия на все стороны общественной жизни, обусловив изменения в направлениях и формах государственного управления, потребовав создания принципиально новых структур, решавших актуальные общественные задачи. Одной из та-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00494

ких задач стала организация общегосударственной системы социальной помощи военным инвалидам, чьё число к концу войны по предварительным оценкам могло насчитывать до миллиона человек. По завершении первого военного года, когда выявился масштаб и тяжёлый характер боевых действий, стало очевидным, что характерная для России система благотворительной помощи не соответствует выраженному общественному запросу на оказание гарантированной помощи тем, кто пожертвовал своим здоровьем во имя Родины и лишился вследствие полученных увечий своего привычного места в социальной структуре.

Центральным органом, регулировавшим решение разнообразных социальных вопросов жизни тыла, был Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов под председательством императрицы Александры Федоровны. Верховный Совет осуществлял общее руководство деятельностью учреждений, ведающих призреванием пострадавших от войны и распределением между ними средств государственного казначейства, а также изысканием мер к совершенствованию способов призрения. Деятельность Верховного Совета протекала в трёх постоянных комиссиях: Подготовительной, Финансовой и Распорядительной. В начале 1915 года в структуре Верховного Совета было выделено новое подразделение, получившее название Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей. Особую Комиссию возглавила родная сестра императора Николая II – великая княгиня Ксения Александровна; сама комиссия нередко именовалась Ксенинской в её честь. Августейшая председательница принимала непосредственное участие в работе комиссии, заседания которой назначались в её дворце на набережной Мойки.

Согласно императорскому указу Сената, на основании которого начала свою работу Особая Комиссия Верховного Совета, критерием для отнесения к объекту её заботы служила утрата трудоспособности вследствие ран, увечий или болезни, вызванных условиями военного времени, а также их семьям и семьям погибших на войне. Как показала практика, внимание Особой Комиссии было сосредоточено на организации помощи «увечным воинам», как именовали тогда инвалидов войны в официальных документах.

Французский исследователь Александр Зумпф (Alexandre Sumpf) относит эти структуры, возглавляемые женщинами, принадлежавшими к императорской фамилии, к правительственным институциям социальной мобилизации [4, с. 58]. Однако Верховный Совет нельзя считать государственным учреждением. Его создание следовало, скорее, российской традиции организации социальной помощи «сверху» как филантропической инициативы царской семьи [17, с. 25]. Такой взгляд позволяет преодолеть противопоставление деятельности общества и деятельности правительства, бинарную оппозицию спонтанной частной благотворительности и гарантированной законом социальной помощи – к чему призывала известная американская исследовательница российской благотворительности А. Линденмайер [6, с. 97].

Указ о создании Особой Комиссии был издан 10 января 1915 г., а Ксения Александровна была назначена её высочайшей председательницей двумя неделями позже – 23 января [9, с. 1]. Указ распространял компетенцию Верховного Совета на мероприятия по приисканию работ и оказанию других видов призрения утратившим трудоспособность вследствие ран, увечий и болезней, вызванных условиями военного времени, а также семьям – как погибших, так и утративших работоспособность в связи с обстоятельствами войны [5, с. 153]. Решение этих задач возлагалось на Особую Комиссию. Наказ Особой Комиссии, определявший порядок её деятельности, был разработан при участии Ксении Александровны, рассмотрен Верховным Советом и одобрен в начале июня 1915 г. [7, с. 8].

Особая Комиссия только в редких случаях предоставляла пособия самим нуждающимся. Предполагалось, что в провинции непосредственное исполнение её задач будет осуществляться сетью местных отделений Московского Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну; Наказ предусматривал также возможность субсидирования учреждений и обществ,

осуществлявших отдельные виды призрения. Таким образом, местные отделения Елизаветинского комитета становились одновременно органами, как Комитета, так и Особой Комиссии, действуя в каждой из отведённых им областей самостоятельно согласно п.10 Положения о Комитете и п.14 Наказа Особой Комиссии.

Ее императорское высочество великая княгиня Елизавета Федоровна также была вице-председателем Верховного Совета. При этом отношения между августейшими председательницами были далеки от сердечности: Елизавета Фёдоровна не разделяла восхищение своей сестры-императрицы Распутиным; она была воспитательницей одного из его будущих убийц – великого князя Дмитрия Павловича. Ксения Александровна разделяла прохладное отношение своей матери к молодой императрице; её единственная дочь Ирина была замужем за другим убийцей «старца» - Феликсом Юсуповым [3]. Ирина и Феликс состояли членами Особой Комиссии.

Особая Комиссия в пределах своих задач и полномочий действовала автономно, входя в сношения с Верховным Советом по вопросам, требующим правительственных распоряжений; вопросам координации правительственной, общественной и частной помощи; приобретения недвижимого имущества и ходатайства об отпуске средств из фонда Верховного Совета. Каждые три месяца Особая Комиссия отчитывалась перед Верховным Советом о произведенных расходах отпущенных ей средств.

Указывалось, что ни Верховный Совет, ни Особая Комиссия не были наделены статусом центрального органа, объединяющего и организующего всю помощь военно-увечным [13, л. 147-148]. В этом отношении губернские отделения и уездные комиссии Елизаветинского комитета также сохранили самостоятельность. Предпринимались усилия по разграничению деятельности внутри местных комитетов: Наказ предусматривал, что в отношении семей воинских чинов Особой Комиссии предоставляется финансировать лишь те виды помощи, которые пока не осуществляются Елизаветинским комитетом и другими учреждениями. В свою очередь, Елизаветинский комитет разъяснял, что к его ведению относится помощь семьям призванных - как солдат, так и офицеров, а также семьям убитых, умерших от ран и утративших трудоспособность. К ведению же Особой Комиссии принадлежит помощь самим увечным офицерам и нижним чинам, а также другим лицам, перечисленным в Высочайшем Указе правительствующему сенату от 10 января 1915 г. и их семьям, а также семьям умерших воинских чинов, чья смерть не связана с войной. В той части деятельности местных отделений Елизаветинского комитета, в которой на них возлагалось решение задач Особой Комиссии, они должны были объединять начинания отдельных благотворительных организаций в призрении увечных.

Средства местных отделений Комитета Елизаветы Фёдоровны, имевшиеся к моменту начала деятельности Особой Комиссии, не могли быть обращены на цели Особой Комиссии. Этим средствам следовало вести отдельные счета и представлять отдельную отчетность. Комитет Елизаветы Фёдоровны оговаривал возможность принять финансовое участие в тех случаях, когда одно и то же благотворительное учреждение преследует обе цели – помощь самим увечным и их семьям [18, с. 5-6]. В свою очередь, Наказ Особой Комиссии требовал от местных отделений Елизаветинского комитета регулярно предоставлять отчет об их деятельности в отношении военно-увечных и ежеквартально отчитываться о расходовании отпущенных им Особой Комиссией средств.

Отмечалось, что основной заботой Елизаветинского комитета и его местных отделений была помощь семьям мобилизованных, тогда как помощь военно-увечным стала дополнительной задачей и стояла несколько особняком. Предполагалось и в дальнейшем сохранять такое обособление, как в организационном, так и в финансовом отношении. Вместе с тем, Елизаветинский комитет видел необходимость ради придания всей деятельности в данной сфере централизации и планомерности, закрепить роль центра сосредоточения всей активности в местных отделениях Комитета, не только поддерживая возникающие инициативы, но и выступая инициаторами различных мер, равно как и реализовывать их самостоя-

тельно [8, с. 28]. Руководство Комитета Великой Княгини ходатайствовало перед Особой Комиссией о включении губернских отделений Комитета в общероссийский план помощи военно-увечным. Признавалось, что от решения по этому вопросу будет зависеть и дальнейшая деятельность Комитета в данном направлении [2, с. 51, 55].

Важной вехой во взаимодействии Особой Комиссии и Елизаветинского комитета стал циркуляр Особой Комиссии Верховного Совета губернским отделениям Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны №6067 от 17 июня 1915 г. об осуществлении различных мероприятий по призрению увечных воинов [14, л. 20]. Управляющий делами Особой Комиссии просил местные отделения Елизаветинского комитета «прийти в соображение мероприятий» по осуществлению задач Особой Комиссии на местах. Местные комитеты должны были обсудить, какие мероприятия по призрению увечных могли бы быть осуществлены в каждой губернии, в каком порядке очередности, а также представить подробные денежные сметы.

Отмечалось, что мероприятия в пользу инвалидов организовывались провинциальными отделениями Елизаветинского комитета и до создания Ксениинской комиссии, однако и спустя более года эта деятельность всё ещё не приобрела сколь-нибудь заметного размаха: обращения в Особую Комиссию с мест были единичными, а возникающие на местах общественные объединения, стремящиеся помочь инвалидам войны, действовали разрозненно и независимо от структур Елизаветинского комитета [2; 8]. Представители местного самоуправления, как городского, так и земского, указывали, что Елизаветинский комитет поглощён помощью солдатским семьям и не уделяет должного внимания увечным воинам, а работа Особой Комиссии сводится к раздаче отдельных, иногда случайных ассигнований [13, л. 147-148]. Глава Земского Союза князь Г. Е. Львов летом 1916 г. заявлял, что до сих пор государство не приняло должных мер по планомерной организации дела помощи и призрения увечных воинов [10, л. 6]. В октябре 1916 г. Главный Комитет Земского Союза запросил у губернских комитетов ВЗС сведения по данному вопросу, из которых стало ясно, что принятые ими на местах меры также носят случайный характер, сводясь к выдаче пособий [10, л. 4]. Также и губернаторы, запрошенные во второй половине 1916 г. Верховным начальником санитарной и эвакуационной части о состоянии дела помощи увечным воинам, дали неутешительные сведения по этому поводу [11, л. 40].

Очевидно, что вплоть до падения самодержавия структура помощи военно-увечным в Российской империи находилась на этапе становления, организационного и правового оформления. Губернские и уездные отделения Елизаветинского комитета и частная благотворительная инициатива были не в состоянии создать единую надёжную систему попечения об инвалидах войны. Необходимым и важным элементом этой системы выступили органы местного самоуправления, объединённые во всероссийские союзы. Их участие в помощи военно-увечным не было прямо предусмотрено, но подразумевалось Наказом Особой Комиссии, который, прямо возлагая реализацию её функций на местные отделения Елизаветинского комитета, допускал в п.15 непосредственное выполнение отдельных видов призрения на локальном уровне общественными учреждениями, деятельность которых соответствует целям Особой Комиссии.

В свою очередь, призрение военно-увечных не входило и в компетенцию Союзов, которая изначально ограничивалась помощью раненым. Однако Собрание уполномоченных губернских земств, прошедшее в середине марта 1915 г., признало желательность участия Земского Союза в этом деле. Собрание руководствовалось тем соображением, что по своему масштабу это дело не под силу отдельным земствам и будет выполнено с большим успехом общими силами земств, объединённых в Земский Союз. Во исполнение этого решения Главный Комитет разрабатывал план участия Союза в деле помощи неспособным к труду воинам [15, л. 9]. В августе того же года к подобным выводам пришел и 3-й съезд Союза Городов. В октябре 1915 года в Петрограде состоялось заседание Особой Комиссии при участии представителей ВЗС и ВСГ. На заседании Комиссия была признана централь-

ным органом, утверждавшим и финансировавшим общероссийский план помощи увечным солдатам, разработанный Союзами, а также осуществлявшим контроль за его исполнением. При этом признавалось (в порядке п.15 Наказа), что на периферии помощь военным инвалидам оказывается местными органами самоуправления, объединёнными во всероссийские организации. В декабре 1915 г. Особая Комиссия признала желательным участие представителей центральных органов Земского и Городского Союзов – их Главных Комитетов – в своей деятельности [10, л. 39]. Тем не менее, отношения между Верховным Советом, Особой Комиссией и Главными Комитетами Союзов были неоднозначными, конкурентными и потенциально конфликтными. Союзы, обоснованно упрекая Верховный Совет и его институции в отсутствии планомерности работы, претендовали на роль «хозяев увечного дела», что вело к политизации деятельности по организации помощи жертвам войны [1].

В 1916 г. Союзы были заняты разработкой общероссийского плана помощи инвалидам войны, необходимость которого видели как общественные деятели, так и чиновники Ксенинской комиссии. На совещании врачей и представителей комитетов Союза Городов по вопросу об организации помощи увечным воинам 22-23 февраля 1916 г. М. В. Челноков заявил, что Особая Комиссия Верховного Совета обратилась к Союзам с предложением совместно выработать план помощи увечным, для чего было созвано настоящее совещание. Результаты его работы должны быть доложены Съезду ВСГ 12-14 марта 1916 г. [12, л. 29].

В октябре 1916 г. Ксенинская комиссия одобрила подготовленный проект организации помощи военно-увечным с ассигнованием на его реализацию 15,6 млн. рублей. Окончательное решение по этому вопросу должен был вынести Верховный Совет [11, л. 77].

Вскоре, после Февральской революции, дела Особой Комиссии Верховного Совета были переданы Временному общегосударственному комитету помощи военноувечным, а осуществление помощи инвалидам войны на местах постановлением Временного Правительства было возложено на органы земского и городского самоуправления, которые должны были образовать специальные комитеты помощи военноувечным, включающие представителей самоуправления и самих военных инвалидов [16, л. 2].

Таким образом, особенности формировавшейся в имперский период системы помощи инвалидам Первой мировой войны состояли в отсутствии специализированного бюрократического аппарата, реализующего задачи социальной помощи этой категории. В качестве центрального органа системы выступала Особая Комиссия Верховного Совета. В отличие от прочих структурных подразделений Верховного Совета, на нее была возложена не разработка общих правил и требований, а организация осуществления мероприятий в сфере ее полномочий. Впрочем – так как собственной организации на местах у Особой Комиссии не предусматривалось – реализация сводилась к экспертизе предлагаемых проектов и их финансированию.

Исполнение задач, возложенных на Особую Комиссию в провинции, осуществлялось местными отделениями Московского Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны; также предусматривалась возможность осуществления отдельных видов призрения общественными учреждениями, частными обществами и отдельными лицами – например, церковью или земствами. Приходится признать, что на протяжении двух с половиной лет войны усилия были сосредоточены в основном на организации на локальном уровне отдельных видов помощи военным инвалидам, вопрос централизации и координации этой деятельности был поставлен на повестку дня, но так и не был решен.

Список источников и литературы

1. Букалова, С. В. Щербинин, П. П. (2020). *«Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны* // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Т. 25. № 187. С. 148-159.
2. *Деятельность Губернских Отделений Комитета в деле призрения увечных воинов* (1916). // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы

ты Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну. № 7-8. С. 51-55.

3. Жалнина, З. С. (2016). *Елизавета Федоровна Романова: правила жизни* // Православный портал о благотворительности «Милосердие.ru». URL: <https://www.miloserdie.ru/special/elizaveta-fedorovna/> (дата обращения: 21.07.2021).

4. Зумпф, А. (2014). *Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России* // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение. С. 58-78.

5. Керзум, А. П. (2016). *Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов* // Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703-1918. СПб: ООО «Информационно-издательская фирма-журнал "Лики России"». С. 153.

6. Линденмайер, А. (2008). *Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности* // Благотворительность в России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История. С. 95-107.

7. *Наказ образованной в составе Верховного Совета Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей* (1915). Казань: б/и. 13 с.

8. *Обзор годовой деятельности Елизаветинского комитета* (1915) // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. № 2. С. 28-30.

9. *Отчет состоящего под Августейшим председательством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны образованной в составе Верховного Совета Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжении настоящей войны, а также членов их семей за 1915 год* (1916). Пг.: Государственная типография. 191 с.

10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12564. Оп. 1. Д. 430.

11. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 987.

12. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 119.

13. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 272.

14. РГВИА. Ф. 16323 Оп. 1. Д. 82.

15. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 5.

16. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 133.

17. Соколов, А. Р. Зимин, И. В. (2015). *Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX века*. М.: Центрполиграф. 603 с.

18. *Циркуляр о разграничении компетенции Комитета Елизаветы Фёдоровны и Особой Комиссии при Верховном Совете от 7 мая 1915 № 24000* (1915) // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. № 1. С. 5-6.

References

1. Bukalova, S. V. Shcherbinin, P. P. (2020). «*Hozyaeva uvechnogo dela*»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny [“The masters of the crippled case”: the formation of the system of assistance to military invalids in the Russian Empire during the First World War] in Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki, 25(187), 148-159. (in Russian).

2. *Deyatel'nost' Gubernskih Otdelenij Komiteta v dele prizreniya uvechnyh voinov* (1916). [The activities of the Provincial Branches of the Committee in the cause of the care of crippled soldiers] in Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisave-

ty Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic prizvannyh na vojnu, 7-8, 51-55. (in Russian).

3. Zhalnina, Z. S. (2016). *Elizaveta Fedorovna Romanova: pravila zhizni* [Elizaveta Fyodorovna Romanova: the rules of life] in Pravoslavnyj portal o blagotvoritel'nosti «Miloserdie.ru». URL: <https://www.miloserdie.ru/special/elizaveta-fedorovna/>. (in Russian).

4. Zumpf, A. (2014). *Invalidnost' i ekspertiza vo vremya Pervoj mirovoj vojny v Rossii* [Disability and expertise during the First World War in Russia] in Bol'shaya vojna Rossii: Social'nyj poryadok, publichnaya kommunikaciya i nasilie na rubezhe carskoj i sovetskoj epoch. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ, 58-78. (in Russian).

5. Kerzum, A. P. (2016). *Verhovnyj Sovet po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov* [The Supreme Council for the Care of the Families of Persons called up for war, as well as the families of wounded and fallen soldiers] in Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge, 1703-1918. Saint Petersburg, OOO «Informacionno-izdatel'skaya firma-zhurnal "Liki Rossii"» Publ., 153. (in Russian).

6. Lindenmaer, A. (2008). *Otkryvaya Atlantidu: tendencii i perspektivy izucheniya istorii rossijskoj blagotvoritel'nosti* [Discovering Atlantis: Trends and prospects for studying the history of Russian Charity] in Blagotvoritel'nost' v Rossii: Novye dokumenty i issledovaniya. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 95-107. (in Russian).

7. *Nakaz obrazovannoj v sostave Verhovnogo Soveta Osoboj Komissii po prizreniyu voinskih chinov i drugih lic, postradavshih v prodolzhenie vojny, a tak zhe ih semej.* (1915). [Order of the Special Commission formed as part of the Supreme Council for the care of military ranks and other persons who suffered during the continuation of the war, as well as their families]. Kazan: b / and. 13. (in Russian).

8. *Obzor godovoj deyatelnosti Elizavetinskogo komiteta (1915).* [Review of the annual activity of the Elizabethan Committee] in *Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po oka-zaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic prizvannyh na vojnu* [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness, Grand Duchess Elisabeth Feodorovna, on the provision of charitable assistance to families of persons called to war]. 2, 28-30. (in Russian).

9. *Otchet sostoyashchego pod Avgustejskim predsedatel'stvom ee imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Ksenii Aleksandrovny obrazovannoj v sostave Verhovnogo Soveta Osoboj Komissii po prizreniyu voinskih chinov i drugih lic, postradavshih v prodolzhenii nastoyashchej vojny, a takzhe chlenov ih semej za 1915 god* (1916). [Report of the Grand Duchess Xenia Alexandrovna, which was under the August chairmanship of Her Imperial Highness, a Special Commission formed as part of the Supreme Council for the care of military ranks and other persons who suffered in the continuation of this war, as well as members of their families in 1915]. Pg. : State Printing House. 191. (in Russian).

10. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* (RGVIA). [Russian State Military Historical Archive], f. 12564. Op. 1. D. 430. (in Russian).

11. RGVIA. F. 12564. Op. 1. D. 987. (in Russian).

12. RGVIA. F. 12593. Op. 1. D. 119. (in Russian).

13. RGVIA. F. 12593. Op. 1. D. 272. (in Russian).

14. RGVIA. F. 16323 Op 1. D. 82. (in Russian).

15. RGVIA. F. 16323. Op.1. D. 5. (in Russian).

16. RGVIA. F. 16323. Op. 1. D. 133. (in Russian).

17. Sokolov, A. R. Zimin, I. V. (2015). *Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovyh. XIX - nachalo XX veka* [Charity of the Romanov family. XIX-early XX century]. Moscow, Centrpoligraf. (in Russian).

18. *Cirkulyar o razgranichenii kompetencii Komiteta Elizavety Fyodorovny i Osoboj Komissii pri Verhovnom Sovete ot 7 maya 1915 № 24000* (1915). Monthly of the Committee of Her Imperial Highness, Grand Duchess Elisabeth Feodorovna, for the provision of charitable assistance to families of persons called to war. 1. 5-6. (in Russian).

Чернышева Н. В.
(Москва)

УДК 94(47).084.8

ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И ТРУДОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941-1945 гг.)

Статья посвящена анализу воспроизводства трудовых ресурсов в 1941-1945 годы и роли трудовых мобилизаций в данном процессе. Определяются изменения во всех фазах воспроизводства трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны. Используя сведения центральных архивов и региональные исследования, автор анализирует основные виды трудовых мобилизаций, масштабы привлечения населения к труду. Новизна исследования заключается в рассмотрении трудовых мобилизаций с точки зрения экономического процесса воспроизводства трудовых ресурсов, его трансформации. Исследователь делает следующие выводы: во-первых, процесс воспроизводства трудовых ресурсов был адаптирован к условиям военного времени; во-вторых, трудовые мобилизации являлись основным источником пополнения кадров, что позволило привлечь около 12 млн. чел. на постоянную и сезонные работы.

Ключевые слова: воспроизводство трудовых ресурсов, трудовые мобилизации, трудовые повинности, трудовые резервы, Великая Отечественная война.

The article is devoted to the analysis of the reproduction of labor resources in 1941-1945 and the role of labor mobilization in this process. The changes in all phases of the reproduction of labor resources during the Great Patriotic War are determined. Using information from central archives and regional studies, the author analyzes the main types of labor resources, the scale of attracting the population to work. The novelty of the research lies in the consideration of labor resources from the point of view of the economic process of reproduction of labor resources, its transformation. The researcher makes the following conclusions: firstly, the process of reproduction of labor resources was adapted to wartime conditions; secondly, labor resources was the main source of staff replenishment, which made it possible to attract about 12 million people for permanent and seasonal work.

Keywords: reproduction of labor resources, labor resources, labor services, labor reserves, the Great Patriotic War.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-23-35

Воспроизводство трудовых ресурсов можно определить как процесс непрерывного возобновления количественных и качественных характеристик экономически активной части населения, включающий фазы формирования, распределения и перераспределения, а также использования трудовых ресурсов. Является одной из важнейших экономических функций государства [3, с. 186].

По данным переписи 1939 г. численность населения СССР составляла 170,5 млн. чел., экономически активное население – 106,6 млн. чел. или 62,5%, лица в трудоспособном возрасте – 94,2 млн. чел. или 55,2%. В РСФСР на 109,4 млн. жителей доля экономически активного населения и трудоспособного населения была ниже: 60,5% (66,2 млн. чел.) и 53,1% (58,0 млн. чел.) соответственно [50].

Формирование трудовых ресурсов осуществлялось в условиях затяжной войны, оккупации части территории страны, ограниченности использования людских ресурсов и иных условиях. Государство вынуждено было изыскивать новые способы быстрого и эффективного решения проблем нехватки трудовых ресурсов.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР реализовывался в течение трех с половиной «относительно мирных лет» и полутора лет войны [7, с. 14]. Зна-

чально он предусматривал рост численности рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства СССР на 21%. Данную задачу предполагалось решать за счет привлечения рабочих через систему оргнабора, предусматривавшую плановый порядок набора рабочих наркоматами в соответствии с зонированием территории СССР (регионы выхода и регионы, принимавшие рабочих). Однако по-прежнему в некоторых отраслях народного хозяйства доля сезонных рабочих оставалась существенной [1, с. 89]. Замена сезонных рабочих постоянными квалифицированными кадрами планировалась, в том числе за счет подготовки молодых рабочих в системе государственных трудовых резервов [41, с. 68].

Перестройка народного хозяйства на военный лад осуществлялась через принятие и реализацию военно-хозяйственных планов и включала восемь основных направлений. Одним из них была мобилизация рабочей силы, перекавалификация рабочих в промышленности и подготовка новых кадров взамен призванных в Советскую Армию [7, с. 36]. Как отмечала в своих трудах Митрофанова А. В.: «Новое массовое привлечение кадров стало неотложной необходимостью» [24, с. 189].

В условиях военного времени чрезвычайно возросла роль учета населения. Еще в начале 1935 г. текущий учет населения в стране был достаточно полным, охватывал более 95% населения [16, с. 103]. К концу 1930-х – началу 1940-х гг. работники ЗАГС добились значительного повышения точности учета [18, с. 47]. В итоге к 1943 г. сложилась матрица, на основании которой велись ежемесячные расчеты заселенности отдельных районов [15, с. 9]. В комплекс учета численности населения входили: форма «Н» «Расчет численности населения» (расчет велся на основе текущей регистрации естественного и механического движения населения); вспомогательный расчет городского населения на основе карточек индивидуальных стандартных справок для получения хлебных карточек; форма «Р» «Сведения о численности населения» (итоговая, численность городского и сельского населения) [15, с. 9-10]. Именно эти сведения имели преимущественное значение для расчета численности населения. Кроме того, постановлением СНК СССР от 5 января 1943 г. в 47 городах страны был организован ежемесячный учет неработающего населения по данным карточных бюро, а в остальных городах по данным домоуправлений. С 1 января 1943 г. статистикам разрешалось использовать материалы похозяйственного учета сельсоветов для определения численности и состава населения страны. Этим же приказом была утверждена форма «С» «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения» [37, д. 314, л. 13-17]. Данная форма являлась важным источником информации о численности сельского населения, его социальном, половом и возрастном составе.

В 1941-1945 гг. вся работа государственной статистики была подчинена оперативным нуждам. Точность учета давала возможность планировать показатели в условиях быстро изменяющихся задач экономики военного времени.

Фаза распределения и перераспределения трудовых ресурсов приобретала иные смыслы. Сохранилось начатое еще в 1930-е гг. отраслевое перераспределение рабочей силы, но в условиях войны упор был сделан на те отрасли народного хозяйства, которые решали задачи обеспечения фронта, т.е. в первую очередь отрасли оборонной промышленности. Территориальное перераспределение людских ресурсов было продолжено и зависело от конкретно исторических обстоятельств: эвакуация промышленных объектов на Восток страны, оккупация, освобождение и дальнейшее восстановление захваченных территорий и пр. Еще больше возросла роль Урала и Сибири в народном хозяйстве страны.

Как отмечает Сенявский А. С.: «Тяжелейшие военные потрясения 1939-1945 гг. имели сложные последствия, с одной стороны, задержав урбанизационный процесс и даже вызвав некоторый откат в западных регионах, а с другой, обусловили сдвиг градообразующей промышленной базы на Восток, включая Урал и Сибирь» [38, с. 116]. В СССР в 1942-1945 гг. (без присоединенных в 1939-1940 гг. территорий) появились 73 города и 265 поселков городского типа. Из 73 новых городов 59 ранее являлись поселками городского типа, 10 стали городами непосредственно из сельских населенных пунктов, 4

возникли «на пустом месте». В годы войны 20 поселков городского типа слились с городами в результате расширения территории последних, 1 город был преобразован в поселок городского типа, а 6 таких поселков «разжалованы» в сельские поселения [15, с. 8-9].

В условиях военного времени государство использовало различные способы решения проблемы нехватки рабочих рук. Уже на первом этапе войны доля женщин среди занятых в народном хозяйстве страны превышала 57% [4, с. 123]. Особенно значительный рост доли работающих женщин был в сельском хозяйстве (с 30% в 1940 г. до 57% в 1945 г.) и на транспорте (с 21% в 1940 г. до 40% в 1945 г.) [5, с. 163]. Например, в конце 1941 г. на крупных предприятиях Горьковской обл. женщины составляли около 50-55% работников, а в некоторых около 70%. К 1944 г. женщины составляли 63,3% занятых в производстве Горьковской обл. [39, с. 251].

При этом женщины осваивали не только рабочие профессии, но и занимали управленческие должности. Например, в Кировской обл. в довоенный период среди председателей колхозов женщины составляли всего 1,4%, то в 1944 г. – уже 14,4% [27, с. 381].

Несовершеннолетние трудились наравне со взрослыми работниками. Лишь весной 1944 г. наметились некоторые послабления в законодательстве о труде, касающиеся использования труда подростков [32, с. 194]. Уже в 1942 г. в СССР доля подростков до 18 лет среди рабочих и служащих в промышленности составляла 15% против 6% в 1939 г. [40, с. 139].

Государство стремилось привлекать к труду пенсионеров и инвалидов. Уже в июле 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий пенсионерам, вернувшимся на производство». Пенсии выплачивались весь период войны независимо от заработка [6, с. 89]. К концу 1942 г. удельный вес рабочих и служащих в возрасте свыше 50 лет возрос до 12% против 9% в 1940 г. [8, с. 13].

Принятые за время войны нормативные акты были направлены на активное привлечение инвалидов в сферу труда [28, с. 322; 30, с. 163; 33, с. 7-8; 34, с. 161-163]. К 1 ноября 1942 г. в РСФСР (данные по 41 регионам) насчитывалось 337,1 тыс. инвалидов, из них 207,7, тыс. (около 62%) было трудоустроено на работу или обучалось в различных учебных заведениях [40, с. 140]. За 1944 г. по РСФСР общее количество трудоустроенных инвалидов Великой Отечественной войны увеличилось с 562391 чел. до 906973 чел. [9, д. 430, л. 8]. При этом доля трудоустроенных инвалидов 3 группы с каждым годом возрастала и к началу 1945 г. составляла 94,3% (697358 чел.) [9, д. 430, л. 8]. Инвалиды осваивали различные специальности: киномеханик, телеграфист, телефонист, портной, счетовод, повар и т. д. В большинстве инвалиды работали в сельском хозяйстве, надомниками, в партийных и советских организациях. Обучение инвалидов войны осуществлялось в эвакуогоспиталях, отделах социального обеспечения, на специально организованных курсах, также по индивидуальным договорам с организациями.

Производилось перераспределение кадров между производством и управлением. Только в ноябре 1942 г. по решению СНК СССР на производство было переведено 100 тыс. служащих [24, с. 190].

Добровольный приход граждан на производство, строительство, транспорт, в колхозы имел важнейшее значение в деле замещения ушедших на фронт работников. В годы войны не прекращался индивидуальный прием рабочих самими предприятиями. Со второй половины 1944 г. возобновилось привлечение из колхозов рабочей силы на договорных началах. Распространенными формами обучения стали индивидуальное и бригадное ученичество, учебные курсы и т. д. [22, с. 111].

Массовое привлечение к труду осуществлялось путем трудовой мобилизации, которую можно определить как систему государственных мер по вовлечению в народное хозяйство человеческих ресурсов с целью решения социально-экономических задач. Городское и сельское население, главным образом, привлекалось к труду в рамках трудовой мобилиза-

ции, призыва и распределения в систему трудовых резервов и трудовой повинности. Последнюю можно определить как добровольную возможность или законодательно закрепленную обязанность по выполнению общественно-полезного труда (низкооплачиваемую или вовсе не оплачиваемую) [2, с. 6].

Первые мобилизационные мероприятия были направлены на решение главных задач начального этапа войны: организация межотраслевого перераспределения работников; определение роли тыловых районов в условиях разработки новых народно-хозяйственных планов; перестройка на военный лад системы государственных трудовых резервов; продолжение довоенного курса на ужесточение трудового законодательства; закрепление за предприятиями и учреждениями рабочих (перевод части рабочих в категорию мобилизованных) [49, с. 85].

Первыми были мобилизованы рабочие и служащие предприятий военной промышленности. 26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [45, с. 161]. Отныне рабочие и служащие данных предприятий считались мобилизованными для постоянной работы на производстве. В последующие годы Президиумом Верховного Совета СССР был принят ряд Указов, распространявших действие Указа от 26 декабря 1941 г. на другие отрасли народного хозяйства.

Летом и осенью 1941 г. население активно привлекалось для строительства оборонительных рубежей. Для возведения оборонительных укреплений было мобилизовано около 10 млн. чел. [36, с. 36]. До зимы-весны 1942 г. население привлекалось к трудовым мобилизациям в срочном порядке. На предприятия военной промышленности, в отрасли тяжелой индустрии, на ударные стройки и транспорт во второй половине 1941 г. было направлено 120850 чел., в том числе 36,7 тыс. квалифицированных рабочих. За уклонение от трудовой мобилизации граждане привлекались к ответственности. Только к 1942 г. численность осужденных за уклонение от трудовой мобилизации составляла около 311 тыс. чел. [20, с. 56]. По сведениям В. Н. Земскова в 1941-1945 гг. за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания на 21 минуту и более было осуждено 7,5 млн. чел., из них около $\frac{3}{4}$ за прогулы и опоздания (исправительно-трудовые работы со штрафом) и около $\frac{1}{4}$ за самовольный уход (лишение свободы, но зачастую приговоры выносили условно, а также заочно) [17, с. 111].

Кроме того, на предприятия угольной, нефтяной, металлургической и военной промышленности, на стройки и транспорт в июле-декабре 1941 г. было направлено из числа военнообязанных в строительные батальоны и рабочие колонны общей численностью более 700 тыс. чел. [22, с. 110-111]. Рабочими колоннами и строительными батальонами правительство распоряжалось как воинскими частями. За годы войны для работы в промышленности Вооруженными Силами было передано 3,6 млн. чел.

Весной 1942 г. были приняты нормативно-правовые акты, определившие организационные основы трудовых мобилизаций населения в условиях военного времени [29, с. 164; 47, с. 4]. На производство и строительство мобилизовывались мужчины в возрасте 16-55 лет, женщины 16-45 лет из числа неработающих горожан в государственных учреждениях и предприятиях. По сути, государство привлекало к работе всех горожан, относящихся к категории незанятых. От мобилизации освобождались юноши и девушки 16-18 лет, обучающиеся в системе государственных трудовых резервов, а также женщины, имеющие детей до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, которые могли бы обеспечить за ними уход. В сентябре 1942 г. и августе 1943 г. возраст подлежащих трудовой мобилизации женщин был увеличен до 50 лет, а также были внесены изменения, касающиеся использования труда женщин, имеющих детей. Пополнение новыми кадрами шло как за счет внутренних трудовых ресурсов, так и за счет межобластной миграции (особенно на Урале, в Кузбассе, Московской обл., на освобожденной территории).

Несмотря на законодательные ограничения, имелись случаи нарушения отбора мобилизованного контингента. Например, беременные женщины направлялись на работы в

шахты, привлекались женщины с грудными детьми, нетрудоспособные граждане [13, д. 29, л. 17].

В ситуации острой нехватки трудовых ресурсов осенью 1942 г. ГКО СССР принимает решение о мобилизации 350 тыс. военнообязанных Среднеазиатского военного округа. В ноябре 1942 г. было выдано нарядов на более чем 250 тыс. чел. За четыре месяца удалось мобилизовать 161,2 тыс. чел. [14, с. 43]. Этот факт должен был служить наглядным примером укрепления дружбы и братской взаимопомощи народов. Особенно это касалось мобилизации рабочих из Средней Азии. Архивные документы свидетельствуют о тяжелом положении прибывших рабочих.

Азиаты не знали русского языка, сложно адаптировались к климатическим условиям. В 1944 г. большинство рабочих из Средней Азии возвращены обратно. Подобную ситуацию, сложившуюся в Татарской АССР, описывают исследователи А. Ш. Кабирова, И. И. Ханипова: «В феврале 1943 г. в Татарскую АССР было завезено 1112 рабочих из Средней Азии (узбеков, таджиков, казахов и других национальностей). Прибывающие из Средней Азии люди были ослаблены, непривыкшие к суровым климатическим условиям. Многие не имели никакой специальности, поэтому работали чернорабочими» [19, с. 35].

Наиболее крупное по масштабам перераспределение рабочей силы происходило между сельским хозяйством и индустрией. Причем в ходе войны удельный вес сельских жителей в составе мобилизованных для постоянной работы в промышленности, строительстве и на транспорте неуклонно увеличивался, а городских – уменьшался. Среди мобилизованных в 1942-1944 гг. на постоянную работу на предприятия, стройки и транспорт было 1357,0 тыс. чел. городского (49,6%) и 1380,9 тыс. чел. сельского населения (50,4%) [17, с. 108; 42, с. 34; 43, с. 499-500]. Имеющиеся сведения о мобилизации городского и сельского населения на предприятия и стройки по наркоматам имеет ряд разночтений с общими данными о количестве мобилизованного контингента. Однозначно можно утверждать, что мобилизуемые в большинстве своем направлялись на предприятия оборонной, металлургической и топливной промышленности [10, д. 7, л. 2-2 об.; 11, д. 24, л. 29-30; 12, д. 25, л. 170].

Нехватка трудовых ресурсов на селе была ощутимее. В апреле 1942 г. трудоспособное население городов и сельской местности подлежало временной мобилизации на сельхозработы в колхозы, совхозы и МТС (на период посадки и уборки урожая). К работе привлекалось неработающее на промышленных предприятиях и транспорте городское и сельское население (мужского пола – 14-55 лет, женского пола – 14-50 лет); служащие государственных, кооперативных и общественных учреждений (не в ущерб основной работе); учащиеся 6-10-х классов, студенты техникумов и вузов (привлекались в каникулы) [29, с. 164]. Уклоняющиеся от мобилизации привлекались к уголовной ответственности. В 1943 г. на сельскохозяйственные работы было мобилизовано 2754,2 тыс. чел., в 1944 г. уже 3303,2 тыс. чел. [11, д. 24, л. 1-2; 12, д. 25, л. 204].

Еще в довоенное время стала складываться система государственных трудовых резервов [46, с. 774-775]. В ремесленные и железнодорожные училища принималась молодежь в возрасте 14-15 лет и обучалась 2-3 года (подготовка металлургов, химиков, горняков, бригадиров путей, машинистов и прочих). Школы фабрично-заводского обучения набирали несовершеннолетних от 16 до 17 лет для подготовки рабочих массовых профессий [21, 13, 26]. Предполагалось ежегодно призывать от 800 тыс. чел. до 1 млн. городской и сельской молодежи.

Как правило, проводилось два набора в год: весенне-летний и зимний призывы. Число, сроки и масштабы наборов определялись распоряжениями союзных властей. В годы Великой Отечественной войны и послевоенный период использовалась практика дополнительных призывов.

За первые три года существования государственных трудовых резервов в СССР было привлечено 2,5 млн. чел. и подготовлено 1,5 млн. рабочих [26, с. 2]. С 1943 г. призыв в систему трудовых резервов стал осуществляться Комитетом по учету и распределению рабочей

силы при СНК СССР. За 1941-1945 гг. в системе государственных трудовых резервов страны было подготовлено 2480,2 тыс. чел., из них в ремесленных и железнодорожных училищах – 687,4 тыс. чел., в школах ФЗО – 1792,8 тыс. чел. [40, с. 134].

Привлечение населения к трудовым повинностям в условиях начавшейся войны носило срочный характер, что затрудняет оценку масштабов и характера данных процессов в период с июня 1941 по весну 1942 гг.

Основы привлечения населения к трудовым повинностям были определены постановлением СНК СССР «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время», принятым 10 августа 1942 г. [31, с. 10-13]. Предполагалось использовать трудоспособное население для выполнения оборонительных работ и других военных надобностей; заготовки топлива; специальных строительных работ и других важных государственных заданий; охраны путей и сообщений, сооружений, средств связи, электростанций, электросети и других объектов; борьбы с эпидемиями, стихийными бедствиями.

Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. подробно проанализировали систему повинностей сельского населения, существовавшую в СССР в 1930-1960-е гг. [2]. Система крестьянских повинностей в 1930-1960-е гг. включала отработочную, натурально-продуктовую и денежную повинности. Последние две также существовали в годы Великой Отечественной войны, однако не входят в исследовательское поле данной работы.

Отработочная повинность окончательно сформировалась к концу 1930-х гг. Она включала обязательные отработки в общественном хозяйстве колхоза, трудовую и гужевую повинность на лесозаготовках и торфозаготовках, работы по строительству и ремонту дорог и в некоторых других отраслях, где требовалось сезонное привлечение рабочих [2, с. 6].

Привлечение граждан к трудовой повинности в военное время допускалось на срок до 2 месяцев с продолжительностью рабочего времени в размере 8 часов в день и 3 часов обязательных сверхурочных работ. Не должны были привлекаться к выполнению работ лица, не достигшие 16-летнего возраста, а также мужчины старше 55 лет и женщины старше 45 лет; беременные женщины, начиная с 5 месяцев беременности; женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними; лица, временно утратившие трудоспособность, на срок до ее восстановления и инвалиды первой и второй групп, а также иные категории граждан, в зависимости от местных условий [31, с. 10-13]. Также имелись случаи нарушения законодательства в отношении мобилизуемого контингента. Подобные случаи в Удмуртской АССР подробно описывает исследователь С. Н. Уваров [44, с. 69].

На первом месте в иерархии трудовых повинностей сельского населения были отработки в колхозах. Доля времени, отработанного взрослыми трудоспособными колхозниками РСФСР в колхозном производстве, в 1940 г. составляла 70%, в 1943 г. – 71%, в 1945 г. – 67% от времени, затраченного на работу во всех сферах трудовой деятельности.

Трудгужповинность на лесозаготовках предусматривала выполнение ряда подготовительных работ (подготовка дорог для вывоза леса, постройка барачков для жилья и прочее), основные работы по вырубке и вывозке леса, а также лесосплавные работы. Колхозники привлекались в качестве пешей силы или конной (возчики). Пешие работники должны были выполнять 110 дневных норм, возчики – 100 дневных норм, то есть работать до трети дней в году. Трудовое участие колхозников в лесозаготовительной отрасли было значимым. В 1940 г. 50% общего объема заготовленной древесины было вывезено с участием колхозов, в 1945 г. – 60%; в 1940 г. колхозники вывезли дров – 58%, в 1945 г. – 70% [23, с. 56-57].

Отработочная повинность в торфодобывающей промышленности также появилась в конце 1920-х гг. Повинность на торфоразработках включала болотно-подготовительные работы, корчевание болотных пней, вывозку заготовленного торфа. Как правило, работы осуществлялись в зимне-весенний период. В годы Великой Отечественной войны добыча торфа приобрела важнейшее значение. Торфяники снабжали предприятия и население топливом, сельское хозяйство удобрением. Широко применялось привлечение рабочей силы из

других регионов. В 1944 г. в РСФСР планировалось мобилизовать на торфопроизводства 40,9 тыс. чел., из них 40% за счет межобластного привлечения рабочих [2, с. 16].

Древнейшей повинностью была дорожная повинность. В 1930-е гг. привлечение населения к строительству и ремонту дорог приобретает системный характер [35]. Дорожная повинность устанавливалась как бесплатная [2, с. 9].

В августе 1941 г. вводилась обязательная платная трудгужповинность населения для обеспечения бесперебойной перевозки и доставки почты и печати на внутриобластных и внутрирайонных почтовых трактах. Оплата перевозки почты велась в соответствии с установленными нормами для каждой области [48, с. 142].

Население также привлекалось к погрузочно-разгрузочным работам, уборке железнодорожных путей в зимнее время, к строительству и восстановительным работам на освобожденных территориях.

В 1943 г. в СССР на сезонные и временные работы в порядке выполнения трудовых повинностей было мобилизовано 2039,1 тыс. чел. (80,1%) при плановом показателе 2546,7 тыс. чел. Большинство трудмобилизованных были направлены на дровозаготовку – 725,3 тыс. чел. (35,6%); лесозаготовительные работы – 350,4 тыс. (17,2%); торфодобычу, сушку и уборку – 330,1 тыс. чел. (16,2%) и другие работы (главным образом снегоуборка) – 277,9 тыс. чел. (13,6%) [11, д. 24, л. 1-2].

В период с начала 1942 г. до июля 1945 г. Комитетом по учету и распределению рабочей силы было мобилизовано почти 12 млн. чел., из них свыше 3,0 млн. на постоянную работу на предприятия, стройки и транспорт, на сезонные работы – более 6,7 млн. чел., около 2,1 млн. чел. в школы ФЗО и ремесленные училища [17, с. 107]. Пик мобилизации пришелся на 1944 г., когда на постоянную и сезонную работы было мобилизовано наибольшее количество рабочей силы.

В итоге разнообразных мобилизационных мероприятий, несмотря на существенное и вполне закономерное снижение численности рабочих и служащих в СССР с 31,2 млн. чел. в 1940 г. до 26,2 млн. чел. в ноябре 1941 г. (или на 16,0%) и еще более в 1942 г. – до 18,4 млн. чел. (или на 41,0%), в 1944-1945 гг. удалось перестроить и частично восстановить систему воспроизводства трудовых ресурсов: 23,6 млн. чел. (или на 24,4%) и 27,3 млн. чел. (или на 12,5%) соответственно [24, с. 437].

Таким образом, трудовые мобилизационные процессы способствовали замещению работников, ушедших на фронт, а также являлись основным источником пополнения кадров. Советское государство в условиях войны еще больше сосредоточило в своих руках процесс воспроизводства трудовых ресурсов, стремясь его максимально адаптировать к условиям военного времени. Изменения произошли на всех фазах данного процесса.

На протяжении всей войны трудовая мобилизация затронула около 12 млн. чел., из которых половина использовалась на сезонных работах и примерно 3 млн. были направлены на постоянную работу на заводы и строительные площадки СССР. На фоне дефицита кадров резко увеличились масштабы привлечения населения к трудовым повинностям. С каждым военным годом доля сельчан среди мобилизуемых увеличивалась.

К середине 1942 г. законодательно были установлены основные формы трудовой мобилизации, закрепившие лиц трудоспособного возраста за промышленными предприятиями, учреждениями и сельскохозяйственными объектами.

За годы войны расширилась география привлечения населения к труду (крупные промышленные центры и центры перебазирования предприятий и организаций, восстанавливаемые районы, осваиваемые территории), а также контингент (несовершеннолетние, домохозяйки, пенсионеры, инвалиды, военнопленные, спецпоселенцы, заключенные).

Список источников и литературы

1. Аристов, Н. (1939). *Организованный набор рабочей силы* // Народное хозяйство. № 11. С. 89-99.
2. Безнин, М. А., Димони, Т. М., Изюмова, Л. В. (2001). *Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х гг.* Вологда: Вологод. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, Вологод. гос. пед. ун-т. 141 с.
3. *Большая советская энциклопедия: в 51-ом т. Т. 9 (1951)* / Отв. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд.-е. М.: ГНИ «Большая советская энциклопедия». 623 с.
4. Боффа, Дж. (1994). *История Советского Союза: в 2-х т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941-1964 гг.* / Пер. с итал. М.: Международные отношения. 628 с.
5. *Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник (2020).* М.: Велкам Принт. 299 с.
6. *Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. Народ и война. Кн. 4.* (1999) / Редкол. В. А. Пронько и др. М.: Наука. 366 с.
7. Вознесенский, Н. А. (1948). *Военная экономика СССР в период Отечественной войны.* М.: Госполитиздат. 191 с.
8. *Война и общество в XX в.: в 3 кн. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны* (2008) / Науч. рук. Л. В. Поздеева; отв. ред. Е. Н. Кульков. М.: Наука. 676 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 430.
10. ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 7.
11. ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25.
13. ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 29.
14. Гончаров, Г. А. (2016). «Труدمобилизованные» из Среднеазиатского военного округа на Урале в годы Великой Отечественной войны // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* № 1. С. 43-48.
15. Жиромская, В. Б., Исупов, В. А. (2019). *Население России в 1939-1945 гг.* // Российская история. № 3. С. 3-17.
16. Жиромская, В. Б. (2012). *Основные тенденции демографического развития России в XX веке.* М.: Кучково поле. 320 с.
17. Земсков, В. Н. (2014). *Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны* // *Международные отношения.* № 1. С. 104-114.
18. Исупов, В. А., Корнилов, Г. Е. (2017). *Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.)* // *Уральский исторический вестник.* № 4. С. 46-53.
19. Кабирова, А. Ш., Ханипова, И. И. (2019). *Трудовые мобилизации в Татарской АССР в 1930-1940-е годы* // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.* № 1. С. 30-43.
20. Кнышевский, П. Н. (1994). *Государственный комитет обороны методы мобилизации трудовых ресурсов* // *Вопросы истории.* № 2. С. 53-65.
21. Котляр, Э. С. (1975). *Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны.* М.: Высш. шк. 240 с.
22. Кравченко, Г. С. (1970). *Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).* М.: Экономика. 389 с.
23. *Лесная промышленность СССР. Статистический сборник.* (1958). Л.: Гослесбумиздат. 295 с.
24. Митрофанова, А. В. (1971). *Рабочий класс в СССР в годы Великой Отечественной войны.* М.: Наука. 575 с.

25. Митрофанова, А. В. (1984). *Рабочий класс СССР: в 6-ти т. Т. 3. История советского рабочего класса*. М.: Наука. 591 с.
26. Москатов, П. Начальник Главного управления трудовых резервов при СНК СССР. (1943). *Молодое поколение рабочего класса* // Правда. 2 окт. № 244. С. 2.
27. *Очерки истории Кировской области* (1972) / Ред. А. В. Эммаусский, Е. И. Кирюхина. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. 455 с.
28. Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Великой Отечественной войны» от 6 ноября 1941 г. // РСФСР – фронту: документы и материалы. М.: Наука, 1987. С. 322.
29. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке мобилизации на сельхозработы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельской местности» от 13 апреля 1942 г. // Сборник указов, постановлений, решений и приказов военного времени. Л.: Лениздат, 1942. С. 164.
30. Постановление СНК СССР «О мерах по трудоустройству инвалидов Отечественной войны» от 20 августа 1943 г. // Трудовое законодательство военного времени. Л.: Изд-во ВЦСПС, Профиздат, 1943. С. 163.
31. Постановление СНК СССР «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» от 10 августа 1942 г. // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / Сост. Е. Н. Морозова, Ю. К. Стрижков. М.: Институт истории СССР, 1980. Вып. 1. С. 10-13.
32. Постановление СНК СССР «О предоставлении в военное время подросткам моложе 16 лет еженедельного дня отдыха и отпусков» от 5 марта 1944 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.): в 5 т. Т. 3. 1941-1952 гг. / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М., 1968. С. 194.
33. Постановление СНК СССР «О привлечении на время войны инвалидов третьей группы, получающих пенсии по государственному социальному страхованию, на работу в предприятиях и учреждениях» от 28 августа 1942 г. // Трудовое законодательство военного времени. Л.: Изд-во ВЦСПС, Профиздат, 1943. С. 7-8.
34. Постановление СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 6 мая 1942 г. // Трудовое законодательство военного времени. Л.: Изд-во ВЦСПС, Профиздат, 1943. С. 161-163.
35. Постановление ЦИК и СНК СССР «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог» от 3 марта 1936 г. // Постановление ЦИК и СНК СССР и статьи из газет «Правда» и «Известия» М.: Гушосдор НКВД СССР, 1936. 23 с.
36. Поляков, Л. Е. (1985). *Цена войны. Демографический аспект*. М.: Финансы и статистика. 136 с.
37. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 314.
38. Сенявский, А. С. (2003). *Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе*. М.: Наука. 285 с.
39. Серебрянская, Г. В. (2003). *Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX века*. Н. Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. 473 с.
40. Соколов, П. В. (1961). *Война и людские ресурсы*. М.: Воениздат. 188 с.
41. Сонин, М. (1941). *Организованный набор рабочей силы для промышленности* // Плановое хозяйство. № 5. С. 66-74.
42. Тельпуховский, Б. С. (1960). *Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны* // Вопросы истории. № 6. С. 27-42.
43. Тельпуховский, Б. С. (1959). *Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945: Краткий очерк*. М.: Госполитиздат. 575 с.

44. Уваров, С. Н. (2015). *Трудовые повинности крестьян в годы Великой Отечественной войны* // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: история и философия. Т. 25. Вып. 1. С. 64-74.
45. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 г. // Сборник указов, постановлений, решений и приказов военного времени. 1941-1942 гг. Л.: Лениздат, 1942. С. 161.
46. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.): в 5 т. Т. 2. 1929-1940 гг. / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Изд-во полит. лит., 1967. С. 774-775.
47. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г. // Трудовое законодательство военного времени. М.: Изд-во ВЦСПС, Профиздат, 1943. С. 3-4.
48. Хисамутдинова, Р. Р. (2013). *Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начале 50-х годов XX века (на материалах Урала)* // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. № 2. С. 131-144.
49. Чернышева, Н. В. (2015). *Трудовые мобилизации населения Кировской области в 1940-1946 гг.* // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 83-102.
50. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_39.php?reg=0&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 01.10.21).

References

1. Aristov, N. (1939). *Organizovannyj nabor rabochej sily* [Organized workforce recruitment] in *Narodnoe hozjajstvo*, 11, 89-99. (in Russia).
2. Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Izyumova, L. V. (2001). *Povinnosti rossijskogo krest'janstva v 1930-1960-h gg.* [Obligations of the Russian peasantry in the 1930-1960-s.]. Vologda, Vologod. scientific coordinator Center of CEMI RAS, Vologod. nauch.-koordinac. centr CJeMI RAN, Vologod. gos. ped. un-t. (in Russia).
3. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 51-om t. T. 9* (1951). [Great conscientious encyclopedia: in 51 vol. Vol. 9], otv. red. B. A. Vvedenskij. 2-e izd-e. Moscow, GNI «Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija». (in Russia).
4. Boffa, J. (1994). *Istorija Sovetskogo Sojuza: v 2-h t. T. 2. Ot Otechestvennoj vojny do polozhenija vtoroj mirovoj derzhavy. Stalin i Hrushhev. 1941-1964 gg., per. s ital.* [History of the Soviet Union: in 2 vol. Vol. 2. From the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941-1964]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ. (in Russia).
5. *Velikaja Otechestvennaja vojna. Jubilejnyj statisticheskij sbornik* (2020). [The Great Patriotic War. Anniversary statistical collection]. Moscow, Velkam print Publ. (in Russia).
6. *Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941-1945 gg. Voенно istoricheskie ocherki. Narod i vojna. Kn. 4* (1999). [The Great Patriotic War. 1941-1945 Military historical essays. The people and the war. Book 4], redkol. V. A. Pron'ko i dr. Moscow, Nauka Publ. (in Russia).
7. Voznesensky, N. A. (1948). *Voennaja jekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny* [The military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat. (in Russia).
8. *Vojna i obshhestvo v XX v: v 3 kn. Kn. 2: Vojna i obshhestvo nakanune i v period Vtoroj mirovoj vojny* (2008). [War and society in the XX century: in 3 vols. Book. 2: War and society on the eve and during the Second World War], nauch. ruk. L. V. Pozdeeva; otv. red. E. N. Kul'kov. Moscow, Nauka Publ. (in Russia).

9. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (GARF). [State Archives of the Russian Federation]. F. A 413. Op. 1. D. 430. (in Russia).
10. GARF. F. R-9517. Op. 1. D. 7. (in Russia).
11. GARF. F. R-9517. Op. 1. D. 24. (in Russia).
12. GARF. F. R-9517. Op. 1. D. 25. (in Russia).
13. GARF. F. R-9517. Op. 1. D. 29. (in Russia).
14. Goncharov, G. A. (2016). «*Trudmobilizovannye*» iz *Sredneaziatskogo voennogo okruga na Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [«Trudmobilized» from the Central Asian Military District in the Urals during the Great Patriotic War] in *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim nauka i arheologii*, 1, 43-48. (in Russia).
15. Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A. (2019). *Naselenie Rossii v 1939-1945 gg.* [Population of Russia in 1939-1945] in *Rossijskaja istorija*, 3, 3-17. (in Russia).
16. Zhiromskaya, V. B. (2012). *Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in the demographic development of Russia in the XX century]. Moscow, Kuchkovo pole. (in Russia).
17. Zemskov, V. N. (2014). *Organizacija rabochej sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Labor force organization and tightening of labor legislation during the Great Patriotic War] in *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1, 104-114. (in Russia).
18. Isupov, V. A., Kornilov, G. E. (2017). *Chislennost' naselenija Rossii v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939-1945 gg.)* [The population of Russia during the Second World War (1939-1945)] in *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 4, 46-53. (in Russia).
19. Kabirova, A. Sh., Khanipova, I. I. (2019). *Trudovye mobilizacii v Tatarskoj ASSR v 1930-1940-e gody* [Labor mobilizations in the Tatar ASSR in the 1930-s-1940-s] in *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, 1, 30-43. (in Russia).
20. Knyshevsky, P. N. (1994). *Gosudarstvennyj komitet oborony metody mobilizacii trudovyh resursov* [State Defense Committee methods of mobilizing labor resources] in *Voprosy istorii*, 2, 53-65. (in Russia).
21. Kotlyar, E. S. (1975). *Gosudarstvennye trudovye rezervy SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [State labor reserves of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, Vysshaja shkola Publ. (in Russia).
22. Kravchenko, G. S. (1970). *Jekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.)* [Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945)]. Moscow, Jekonomika Publ. (in Russia).
23. *Lesnaja promyshlennost' SSSR. Statisticheskij sbornik.* (1958) [Timber industry of the USSR. Statistical collection]. Leningrad, Goslesbumizdat. (in Russia).
24. Mitrofanova, A. V. (1971). *Rabochij klass v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The working class in the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ. (in Russia).
25. Mitrofanova, A. V. (1984). *Rabochij klass SSSR: v 6-ti t. T. 3. Istorija sovetskogo rabochego klassa* [The working class of the USSR: in 6 vol. Vol. 3. The history of the Soviet working class]. Moscow, Nauka Publ. (in Russia).
26. Moskatov, P. Head of the Main Directorate of Labor Reserves under the Council of People's Commissars of the USSR. (1943). *Molodoe pokolenie rabochego klassa* [The young generation of the working class] in *Pravda*, 2 okt., 244. (in Russia).
27. *Ocherki istorii Kirovskoj oblasti* (1972). [Essays on the history of the Kirov region], redactors A. V. Jemmauskij, E. I. Kirjuhina. Kirov, Volgo-Vyatka book. (in Russia).
28. *Postanovlenie SNK RSFSR «O meropriyatiyah po trudovomu ustrojstvu i obucheniju invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny» ot 6 noyabrya 1941 g.* (1987). [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On measures for the employment and training of invalids

of the Great Patriotic War" dated November 6, 1941] RSFSR - to the front: documents and materials. Moscow: Nauka, 322. (in Russia).

29. *Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP (b) «O poryadke mobilizacii na sel'hozraboty v kolhozy, sovhozy i MTS trudosposobnogo naseleniya gorodov i sel'skoj mestnosti» ot 13 aprelya 1942 g.* (1942). [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) "On the procedure for mobilizing the working population of cities and rural areas for agricultural work in collective farms, state farms and MTS" dated April 13, 1942 // Collection of decrees, resolutions, decisions and orders of wartime]. L.: Lenizdat, 164. (in Russia).

30. *Postanovlenie SNK SSSR «O merah po trudoustrojstvu invalidov Otechestvennoj vojny» ot 20 avgusta 1943 g.* (1943). [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On measures for the employment of disabled veterans of the Patriotic War" of August 20, 1943 // Wartime labor legislation]. L.: Publishing house of the All-Union Central Council of Trade Unions, Profizdat, 163. (in Russia).

31. *Postanovlenie SNK SSSR «O poryadke privlecheniya grazhdan k trudovoj povinnosti v voennoe vremya» ot 10 avgusta 1942 g.* (1980). [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the procedure for attracting citizens to labor service in wartime" dated August 10, 1942] in Index of the most important decisions of the party and government during the Great Patriotic War / Comp. E. N. Morozova, Yu. K. Strizhkov. M.: Institute of History of the USSR, 1. 10-13. (in Russia).

32. *Postanovlenie SNK SSSR «O predostavlenii v voennoe vremya podrostkam molozhe 16 let ezhenedel'nogo dnja otдыha i oтpuskov» ot 5 marta 1944 g.* (1968). [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the provision of a weekly day of rest and vacations in wartime to adolescents under 16 years of age" dated March 5, 1944] in Decisions of the Party and Government on economic issues (1917-1967): in 5 volumes. 3.141-1952 / Comp. K.U. Chernenko, M.S.Smirnyukov. M., 194. (in Russia).

33. *Postanovlenie SNK SSSR «O privilechenii na vremya vojny invalidov tret'ej gruppy, poluchayushchih pensii po gosudarstvennomu social'nomu strahovaniyu, na rabotu v predpri-yatiyah i uchrezhdeniya» ot 28 avgusta 1942 g.* (1943). [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the attraction during the war of disabled persons of the third group, receiving pensions on state social insurance, to work in enterprises and institutions" dated August 28, 1942] in Wartime labor legislation. L.: Publishing house of the All-Union Central Council of Trade Unions, Profizdat, 7-8. (in Russia).

34. *Postanovlenie SNK SSSR «O trudovom ustrojstve invalidov Otechestvennoj vojny» ot 6 maya 1942 g.* (1943). [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the employment of disabled veterans of the Patriotic War" of May 6, 1942] in Wartime labor legislation. L.: Publishing house of the All-Union Central Council of Trade Unions, Pro-fizdat, 161-163. (in Russia).

35. *Postanovlenie CIK i SNK SSSR «O trudovom uchastii sel'skogo naseleniya v stroitel'stve i remonte shossejnyh i gruntovyh dorog» ot 3 marta 1936 g.* (1936). [Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR "On the labor participation of the rural population in the construction and repair of highways and dirt roads" dated March 3, 1936] in Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR and articles from the newspapers "Pravda" and "Izvestia" M.: Gushosdor NKVD USSR, 23. (in Russia).

36. Polyakov, L. E. (1985). *Cena vojny. Demograficheskiy aspekt* [The cost of the war. Demographic aspect]. Moscow, Finansy i statistika Publ. (in Russia).

37. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* (RGAE). [Russian State Archives of Economics] F. 1562. Op. 20. D. 314.

38. Senyavsky, A. S. (2003). *Urbanizacija Rossii v XX veke. Rol' v istoricheskom processe* [Urbanization of Russia in the XX century. Role in the historical process]. Moscow, Nauka Publ. (in Russia).

39. Serebryanskaya, G. V. (2003). *Promyshlennost' i kadry Volgo-Vjatskogo regiona Rossijskoj Federacii v konce 30-h – pervoj polovine 40-h godov XX veka* [Industry and personnel of the Volga-Vyatka region of the Russian Federation at the end of the 30-s – the first half of the 40s of the XX century]. N. Novgorod, Nizhegor. state architect.-builds. un-t. (in Russia).

40. Sokolov, P. V. (1961). *Vojna i ljudskie resursy* [War and human resources]. Moscow, Voenizdat Publ. (in Russia).

41. Sonin, M. (1941). *Organizovannyj nabor rabochej sily dlja promyshlennosti* [Organized recruitment of labor for industry] in *Planovoe hozjajstvo*, 5, 66-74. (in Russia).

42. Telpukhovskiy, B. S. (1960). *Izmeneniya v sostave promyshlennykh rabochih SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Changes in the composition of industrial workers of the USSR during the Great Patriotic War] in *Voprosy istorii*, 6, 27-42.

43. Telpukhovskiy, B. S. (1959). *Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza. 1941-1945: Kratkij ocherk* [The Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941-1945: Brief sketch]. Moscow, Gospolitizdat. (in Russia).

44. Uvarov, S. N. (2015). *Trudovye povinnosti krest'jan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Labor obligations of peasants during the Great Patriotic War] in *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriya: istoriya i filosofiya*, 25, 1, 64-74. (in Russia).

45. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «Ob otvetstvennosti rabochih i sluzhashchih predpriyatij voennoj promyshlennosti za samovol'nyj uhod s predpriyatij» ot 26 dekabrya 1941 g.* (1942). [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the responsibility of workers and employees of enterprises of the military industry for unauthorized withdrawal from enterprises" dated December 26, 1941] in *Collection of decrees, decrees, decisions and orders of wartime. 1941-1942. L. : Lenizdat*, 161. (in Russia).

46. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «O gosudarstvennykh trudovykh rezervakh» ot 2 oktyabrya 1940 g.* (1967). [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On state labor reserves" of October 2, 1940] in *Decisions of the party and government on economic issues (1917-1967): in 5 volumes. T. 2. 1929-1940. / Comp. K.U. Chernenko, M.S.Smirtyukov. M.: Publishing House of Literature. Lit., 774-775.* (in Russia).

47. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «O mobilizacii na period voennogo vremeni trudosposobnogo gorodskogo naseleniya dlya raboty na proizvodstve i stroitel'stve» ot 13 fevralya 1942 g.* (1943). [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On wartime mobilization of the able-bodied urban population to work in production and construction" dated February 13, 1942] in *Wartime labor legislation. M.: Publishing house of the All-Union Central Council of Trade Unions, Profizdat*, 3-4. (in Russia).

48. Khisamutdinova, R. R. (2013). *Gosudarstvennye trudovye povinnosti sovetskogo krest'janstva v 40-e – nachale 50-h godov XX veka (na materialah Urala)* [State labor duties of the Soviet peasantry in the 40s – early 50-s of the XX century (based on materials from the Urals)] in *Vestnik Orenburgskogo gos. ped. un-ta*, 2, 131-144.

49. Chernysheva, N. V. (2015). *Trudovye mobilizacii naselenija Kirovskoj oblasti v 1940-1946 gg.* [Labor mobilization of the population of the Kirov region in 1940-1946] in *Biblioteka zhurnala «Rusin»*, 2, 83-102.

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Меркулов А. Н.,

(Воронеж)

Мягкова Ю. Я.,

(Ростов-на-Дону)

Белая Н. Н.,

(Москва)

Ковалев Д. А.

(Воронеж)

УДК 902/904

**РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА БОЛЬШОЕ СТОРОЖЕВОЕ:
НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

В работе анализируются остеологические материалы, полученные в ходе новейших раскопок одного из крупнейших городищ среднедонской культуры скифского времени – Большое Сторожевое. Исследуемая коллекция датируется концом V-IV вв. до н.э. и насчитывает 3650 костей, 1180 из которых были определены до вида. Кости представляют собой кухонные остатки, связанные с разделкой и потреблением мяса животных непосредственно на городище. Анализируемая выборка представлена исключительно костями домашних животных. Среди них преобладают остатки крупного рогатого скота (36,4%), фрагменты скелета лошади (23,1%) и мелкого рогатого скота (23,2 %) встречены поровну, кости свиньи (15,8 %) попадались несколько реже. Обнаружены кости собаки, практически все из которых были найдены в одной из хозяйственных ям. Среди забитых животных, как правило, преобладали взрослые особи, что указывает на занятие животноводством непосредственно на городище. По предложенной Е. Е. Антипиной методике произведены расчеты объема потребления мясной продукции и реконструирован состав стада. Основу мясного рациона составляла говядина и конина. Козлятина, баранина и свинина дополняли мясной рацион питания. Стадо, очевидно, состояло в основном из лошадей и крупного рогатого скота. Свиней, коз и овец в нём было мало.

Ключевые слова: Большое Сторожевое, скифское время, городище, животноводство, хозяйство.

The article analyzes osteological materials obtained during the latest excavations of one of the largest hillforts of the Middle Don culture of the Scythian time – Bolshoye Storozhevoe. The collection under study dates back to the end of the 5th - 4th centuries BC. and has 3650 bones, 1180 of which have been identified to species. The bones are kitchen remains associated with the butchering and consumption of animal meat directly on the site. The analyzed samples are represented exclusively by the bones of domestic animals. Among them, the remains of cattle (36.4%) predominate, fragments of the skeleton of a horse (23.1%) and small ruminants (23.2%) were found equally, pig bones (15.8%) were found somewhat less frequently. The bones of a dog were found, almost all of which were found in one of the household pits. Among the slaughtered animals, as a rule, adults prevailed, which indicates that people were engaged in animal husbandry directly on the hillfort. According to the proposed by E. E. Antipina method, the volume of consumption of meat products was calculated and the herd composition was reconstructed. The

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержки РФФИ в рамках проекта № 20–39–70001.

basis of the meat diet was beef and horse meat. Goat, lamb and pork supplemented the meat diet. The herd apparently consisted mainly of horses and cattle. There were few pigs, goats and sheep in it.

Keywords: Bolshoye Storozhevoe, Scythian time, hillfort, animal husbandry, economy.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-36-42

Городище Большое Сторожевое является одним из крупнейших укрепленных поселков скифского времени в лесостепном Подонье. Известное с начала XX века, оно неоднократно привлекало внимание исследователей [4, 7, 9, 10, 11, 12, 15]. В 2019 г. работы по изучению этого памятника были продолжены Н. Н. Белой. В юго-восточной части городища рядом с линией укреплений был заложен раскоп площадью 68 кв. м, получивший порядковый номер 11. Исследуемый участок содержал в основном материалы V-IV вв. до н.э. Здесь встречено несколько хозяйственных ям, а также остатки кострища [5]. В раскопе обнаружено 3648 костей животных и 2 кости рыбы.

Общая сохранность остеологического материала удовлетворительная. Кости сильно раздроблены (индекс раздробленности – 50), поэтому до вида удалось определить всего лишь 32% костей.

В анализируемой выборке, за исключением щучьей челюсти и рыбьего позвонка, представлены только кости домашних животных (табл. 1).

В остеологических спектрах преобладают кости крупного рогатого скота (36,4 %), остатков лошади (23,1 %) и мелкого рогатого скота (23,2 %) встречено практически поровну, чуть меньшим количеством представлены кости свиньи (15,8 %). Полтора процента от общего числа костей домашних животных принадлежало собаке. Практически все они обнаружены в яме № 2 и остались от одной взрослой особи средних размеров.

Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о том, что собака была задействована в культовых практиках населения Лесостепной Скифии [6, 14]. В Подонье также известны ритуальные захоронения собак [13, с. 152-153]. Однако в данном случае говорить о совершении каких-либо обрядовых действий с костями этого животного, пожалуй, безосновательно. Судя по заполнению, яма 2 представляла собой обычное скопление мусора, где наряду с обломками керамики встречено значительное количество остатков различных животных. Скорее всего, и кости собаки попали сюда в качестве кухонных отходов. К тому же, употребление собак в пищу фиксировалось ранее и на других археологических памятниках, в частности на верхнедонском городище у с. Устье встречено несколько костей этого животного со следами разделки [16, с. 87]. Употребление мяса собак в пищу исследователи связывают не столько с кулинарными предпочтениями жителей, а скорее с военными или природными катастрофами, либо другими критическими событиями, происходившими на этих памятниках [8, с. 201].

Ввиду сильной раздробленности костей в исследуемой выборке, удалось произвести промеры всего лишь нескольких фрагментов скелета крупного рогатого скота. Эти животные имели средний размер и рост около 120 см в холке. В данной остеологической коллекции не обнаружено ни одного фрагмента рога, что косвенно может указывать на разведение комолой породы скота. Костей со следами травм и болезней почти нет: отмечены лишь две грифельные кости лошади со следами разрастания костной ткани.

Количество костей крупного и мелкого рогатого скота от более ценных в мясном отношении частей и менее ценных практически одинаково. Вероятно, крупный и мелкий рогатый скот разводился на поселении и здесь же потреблялся. Для лошади и свиньи отмечено практически двукратное преобладание костей от менее ценных в мясном отношении частей туш. Возможно, некоторое количество мяса этих животных вывозилось за пределы городища в силу экономических причин или внеэкономических обязательств.

В некоторых случаях удалось определить и возраст забоя животных (табл. 2). Остатки взрослых животных преобладают, причем для лошади и крупного рогатого скота суще-

ственно. Так, доля забитых молодых животных для лошади составляет – 20 %, для КРС – 30 %, а для МРС – 40 %. Лишь у свиньи количество забитого молодняка и взрослых животных равное. Но это вполне объяснимо тем фактом, что данный вид имеет короткий цикл воспроизводства и высокую плодовитость, разводится только для получения мяса, поэтому численность его маточного поголовья может быть заметно ниже, чем количество ежегодно забиваемых молодых особей [3, с. 74].

Устойчивое воспроизводство вида при мясной и мясомолочной эксплуатации обеспечивается в том случае, когда количество забитых молодых особей (до 24 месяцев для средних копытных и до 48 месяцев для крупных копытных) не превышает 40 % [2]. Исходя из этого, материалы анализируемого памятника свидетельствуют о наличии здесь местного животноводства.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в анализируемой выборке костей диких животных. Несмотря на то, что охота в скифское время не играла существенной роли в модели жизнеобеспечения местного оседлого населения, её свидетельства все же присутствуют практически на всех памятниках, где осуществлялись палеозоологические исследования. Обычно доля диких животных в общем остеологическом спектре крайне мала и для репрезентативных выборок не превышает 6 %. Кости диких животных встречены и на рассматриваемом городище в коллекциях, определенных ранее В. И. Цалкиным. Тогда удалось обнаружить остатки лося, благородного оленя, кабана, косули, бобра и зайца. Общая доля костей диких животных составила 2 %. Их отсутствие в исследуемой нами серии, вероятно, объясняется её значительно меньшей численностью, а также сильной раздробленностью скелетных фрагментов.

В анализируемой нами серии и материалах, исследованных В. И. Цалкиным, различия наблюдаются и в остеологических спектрах сельскохозяйственных видов (рис. 1). Здесь стоит заметить, что В. И. Цалкину удалось определить видовую принадлежность 3733 единиц костей против 1180 определенных нами. Ввиду этого, его выборка является более репрезентативной, и для дальнейшей характеристики животноводства обитателей городища видится разумным использовать совокупные данные двух анализов.

Остеологические спектры отражают количество отходов, а не объемы съеденного мяса [1, с. 186]. Исходя из того, что разные виды сельскохозяйственных животных дают различное количество мяса, Е. Е. Антипина для вычисления объема потребления мясной продукции предложила «ввести переменную, которая позволит оценить разницу в весовых показателях у представителей разных видов» [3, с. 72]. Эта методика была применена для получения информации о мясном рационе жителей городища.

Поскольку конкретной информации о весе домашних животных на городище Большое Сторожевое получить не удалось, то при вычислении использовались предложенные Е. Е. Антипиной усредненные коэффициенты. За единицу был принят вес одной туши МРС, туша свиньи тяжелее её в 1,5 раза, лошади – в 5,5, КРС – в 6 раз. Результат умножения доли в остеологических спектрах каждого вида на эти переменные и будет отображать его относительный удельный вес в мясном рационе. При этом он не может быть привязан к реальным весовым системам измерения, а выражается в условных единицах [3, с. 71].

Произведенные расчёты показывают, что основу мясного рациона жителей городища составляла говядина и конина. Последняя в пищу потреблялась лишь немногим реже, доля же козлятины, баранины и свинины была незначительной (табл. 4).

Как отмечалось выше, возрастной состав забитых домашних животных указывает на возможность воспроизводства видов внутри стада, что позволяет говорить о наличии на городище местного животноводства. Этот вывод позволил нам предпринять попытку реконструкции состава стада у обитателей городища, включавшего как маточное поголовье, так и элиминированные особи. Для создания этой модели также использовалась методика, разработанная Е. Е. Антипиной [3, с. 74]. Установлено, что для стойкого воспроизводства КРС на одно забитое животное необходимо было восемь особей маточного поголовья. Для лошади

эта цифра вырастает до десяти, поскольку данное животное имело значение в первую очередь как средство передвижения, и лишь во вторую – как источник мясной пищи. В связи с этим, часть лошадиных костей не попала в кухонные остатки. Для МРС, с учетом использования мясной и прижизненной продукции, было необходимо шесть маточных особей. Количество же маточного поголовья свиней было меньше минимум вдвое, чем число забитых животных [2].

В полученной модели стада (табл. 5) первое место принадлежит лошади и КРС. Доли этих животных практически равны. Численность МРС достигала порядка 10 %. Количество же разводимых свиней, очевидно, было незначительным.

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось выяснить, что жители городища Большое Сторожевое занимались животноводством. Видовой состав домашних животных типичен для памятников скифского времени лесостепного Подонья. Основу мясного рациона обитателей городища, по-видимому, составляла говядина и конина, совокупная доля которых превышала 90 %. Козлятина, баранина и свинина лишь дополняли рацион питания. Стадо, по-видимому, также состояло в основном из КРС и лошадей, совокупная доля МРС и свиней в нём совсем немногим превышала 10 %.

Судя по имеющимся данным, охота не играла существенной роли в модели жизнеобеспечения населения данного укрепленного поселка, вероятно, животноводство полностью обеспечивало потребность местных жителей в мясной пище. Возможно, некоторая часть конины и свинины вывозилась за пределы городища, о чем косвенно свидетельствует почти двукратное преобладание костей от менее ценных в мясном отношении частей туш этих животных.

Полученные данные демонстрируют сходство с материалами большинства других поселенческих памятников среднедонской культуры скифского времени.

Список источников и литературы

1. Антипина, Е. Е. (2005). *Мясные продукты в средневековом городе - производство или потребление?* // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры. С. 181-190.
2. Антипина, Е. Е. (2006). *Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии* // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Т. II. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. С. 339-342.
3. Антипина, Е. Е. (2008). *Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации* // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Параллели. С. 67-85.
4. Белая, Н. Н. (2011). *Новые исследования городища Большое Сторожевое на Среднем Дону* // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронежский госпе-дуниверситет. Вып. 14. С. 196-201.
5. Белая, Н. Н., Кубанова, М. Н. (2020). *Исследования городища Большое Сторожевое на Среднем Дону* // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк, Воронеж: Новый взгляд. С. 45-47.
6. Берестнев, С. И. (1999). *О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племен* // Древности 1997-1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков. С. 41-49.
7. Воропаева, Н. Н. (2011). *Культовые комплексы городища Большое Сторожевое на Среднем Дону* // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (45). С. 102-106.
8. Лебедева, Е. Ю., Антипина, Е. Е. (2009). *Городище Россошки I – «постоянный адрес или временная прописка?»* // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004-2008 гг. М.: ИА РАН. С. 198-220.

9. Либеров, П. Д. (1965). *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. М.: Наука. 110 с.
10. Меркулов, А. Н. (2018). *Керамический комплекс скифского времени городища Большое Сторожевое (раскопки 1987-1988 гг.)* // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 2 (279). С. 94-96.
11. Меркулов, А. Н. (2018). *Материалы скифского времени городища Большое Сторожевое из раскопок 1987-1988 гг.* // История: факты и символы. № 4. С. 17-29.
12. Пузикова, А. И. (1969). *Поселения Среднего Дона* // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука. С. 41-81.
13. Разуваев, Ю. Д. (2021). *Ритуальные ямы на среднедонских поселениях скифской эпохи* // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 262. С. 243-259.
14. Синика, В. С. (2006). *О культуре собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI-II вв. до н.э.* // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: сборник статей по материалам XI Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: РГПУ. С. 58-60.
15. Шевченко, А. А. (2008). *Городище скифского времени Большое Сторожевое на Среднем Дону (реконструкция и хронология оборонительных сооружений)* // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Александровича Шрамко / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: Курсор. С. 142-145.
16. Яниш, Е. Ю., Меркулов, А. Н. (2016). *Новые остеологические материалы с поселений скифского времени на Верхнем и Среднем Дону* // История: факты и символы. № 4 (№ 9). С. 85-92.

References

1. Antipina, E. E. (2005). *Myasnye produkty v srednevekovom gorode - proizvodstvo ili potreblenie?* [Meat products in a medieval city - production or consumption?] in *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 181-190. (in Russian).
2. Antipina, E. E. (2006). *Vozmozhnosti rekonstruktsii sostava stada domashnykh zhivotnykh v arkheologii* [Possibilities of reconstructing the composition of a herd of domestic animals in archeology] in *Sovremennye problemy arkheologii Rossii*, t. II. Novosibirsk, Instituta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 339-342. (in Russian).
3. Antipina, E. E. (2008). *Sostav drevnego stada domashnykh zhivotnykh: logicheskie ap-proksimatsii* [Composition of an ancient herd of domestic animals: logical approximations] in *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, vyp. 6. Moscow, Paralleli Publ., 67-85. (in Russian).
4. Belaja, N. N. (2011). *Novye issledovaniya gorodishha Bol'shoe Storozevoe na Srednem Donu* [New research of the Bolshoe Storozevoe hillfort on the Middle Don] in *Arheologicheskie pamjatniki Vostochnoj Evropy*. Voronezh, Voronezhskij gospeduniversitet, 2011, vyp. 14, 196-201. (in Russian).
5. Belaja, N. N., Kubanova M. N. (2020). *Issledovaniya gorodishcha Bol'shoe Storozevoe na Srednem Donu* [Exploration of the settlement Bolshoye Storozevoe in the Middle Don] in *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2019*. Lipetsk, Voronezh, Novyy vzglyad. 45-47. (in Russian).
6. Berestnev, S. I. (1999). *O roli sobaki v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh drevnykh indoevropeyskikh plemen* [On the role of the dog in the religious and mythological concepts of the ancient Indo-European tribes] in *Drevnosti 1997-1998*. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik. Khar'kov, 41-49. (in Russian).
7. Voropaeva, N. N. (2011). *Kul'tovye komplekсы gorodishha Bol'shoe Storozevoe na Srednem Donu* [Cult complexes of the Bolshoe Storozevoe hillfort on the Middle Don] in *Arheologiya, jetnografija i antropologija Evrazii*, 1 (45), 102-106. (in Russian).

8. Lebedeva, E. Yu., Antipina, E. E. (2009). *Gorodishche Rossoshki I – «postoyannyi adres ili vremennaya propiska?»* [Fortified settlement Rossoshki I - "permanent address or temporary registration?"] in *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004-2008 gg.* Moscow, IA RAN Publ., 198-220. (in Russian).

9. Liberov, P. D. (1965). *Pamjatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* [Monuments of the Scythian time on the Middle Don]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

10. Merkulov, A. N. (2018). *Keramicheskij kompleks skifskogo vremeni gorodishha Bol'shoe Storozhevoe (raskopki 1987-1988 gg.)* [Ceramic complex of the Scythian period of the Bolshoe Storozhevoe hillfort (excavations 1987-1988)] in *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (279), 94-96. (in Russian).

11. Merkulov, A. N. (2018). *Materialy skifskogo vremeni gorodishha Bol'shoe Storozhevoe iz raskopok 1987-1988 gg.* [Materials of the Scythian time of the Bolshoe Storozhevoe hillfort from the excavations of 1987-1988] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 4, 17-29. (in Russian).

12. Puzikova, A. I. (1969). *Poselenija Srednego Dona* [Settlements of the Middle Don] in *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya*. Moscow, Nauka Publ, 41-81. (in Russian).

13. Razuvaev, Yu. D. (2021). *Ritual'nye yamy na srednedonskikh poseleniyakh skifskoy epokhi* [Ritual pits in the Middle Don settlements of the Scythian epoch] in *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, vyp. 262, 243-259. (in Russian).

14. Sinika, V. S. (2006). *O kul'te sobaki u skifskogo naseleniya Severnogo Prichernomor'ya v VI-II vv. do n.e.* [On the cult of the dog among the Scythian population of the Northern Black Sea region in the 6th – 2nd centuries. BC.] in *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya: sbornik statey po materialam XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Rostov-na-Donu, RGPU Publ., 58-60. (in Russian).

15. Shevchenko, A. A. (2008). *Gorodishhe skifskogo vremeni Bol'shoe Storozhevoe na Srednem Donu (rekonstrukcija i hronologija oboronitel'nyh sooruzhenij)* [The hillfort of the Scythian time Bolshoe Storozhevoe on the Middle Don (reconstruction and chronology of defensive structures)] in *Problemy arheologii Vostochnoj Evropy. K 85-letiju Borisa Aleksandrovicha Shramko, redactor S. I. Posohov*. Kharkiv, Cursor Publ., 142-145. (in Russian).

16. Yanish, E. Yu., Merkulov, A. N. (2016). *Novye osteologicheskie materialy s poselenij skifskogo vremeni na Verkhnem i Srednem Donu* [New osteological materials of the settlements of the Scythian time in the Upper and Middle Don] in *Istoriya: fakty i simvoly*, № 4 (№ 9), 85-92. (in Russian).

Таблица 1. Видовой состав домашних животных (определения Ю. Я. Мягковой, 2019 г.)

КРС		Лошадь		МРС		Свинья		Собака		Всего
кол-во костей	%	кол-во костей	%	кол-во костей	%	кол-во костей	%	кол-во костей	%	
429	36,4	272	23,1	274	23,2	187	15,8	18	1,5	1180

Таблица 2. Возраст млекопитающих (определения Ю. Я. Мягковой, 2019 г.)

КРС		Лошадь		МРС		Свинья	
молодые	взрослые	молодые	взрослые	молодые	взрослые	молодые	взрослые
30 %	70 %	20 %	80 %	40 %	60 %	50 %	50 %

Таблица 3. Сводная таблица видового состава домашних животных (определения В. И. Цалкина и Ю. Я. Мягковой)

КРС		Лошадь		МРС		Свинья		Собака		Всего
кол-во костей	%	кол-во костей	%	кол-во костей	%	кол-во костей	%	кол-во костей	%	
2069	42,1	1745	35,4	617	12,5	464	9,4	29	0,6	4924

Таблица 4. Соотношение видов мясных продуктов, потребляемых населением городища

КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Всего
Остеологические спектры в абсолютных единицах / %				
2069 / 42,3	1745 / 35,6	617 / 12,6	464 / 9,5	4895 / 100
Подсчет мясных продуктов в условных единицах*				
254	196	12,6	14	476,6
Соотношение объемов мясных продуктов в рационе в %				
53,3	41,1	2,7	2,9	100

* Получены умножением данных по остеологическим спектрам (%) на кратность веса сельскохозяйственных животных (округлено до целого числа). Кратность веса туш сельскохозяйственных животных подсчитана по методике Е. Е. Антипиной (2008), где за 1 принята туша МРС; туша свиньи тяжелее в 1,5 раза, лошади – в 5,5, КРС – в 6 раз.

Таблица 5. Реконструированная модель стада с учетом маточного поголовья и элиминированных особей

КРС		Лошадь		МРС		Свинья	
Кол-во поголовья (в усл.ед.)	Соотношение видов в стаде (в %)	Кол-во поголовья (в усл.ед.)	Соотношение видов в стаде (в %)	Кол-во поголовья (в усл.ед.)	Соотношение видов в стаде (в %)	Кол-во поголовья (в усл.ед.)	Соотношение видов в стаде (в %)
381	43,5	392	44,8	88	10,1	14	1,6

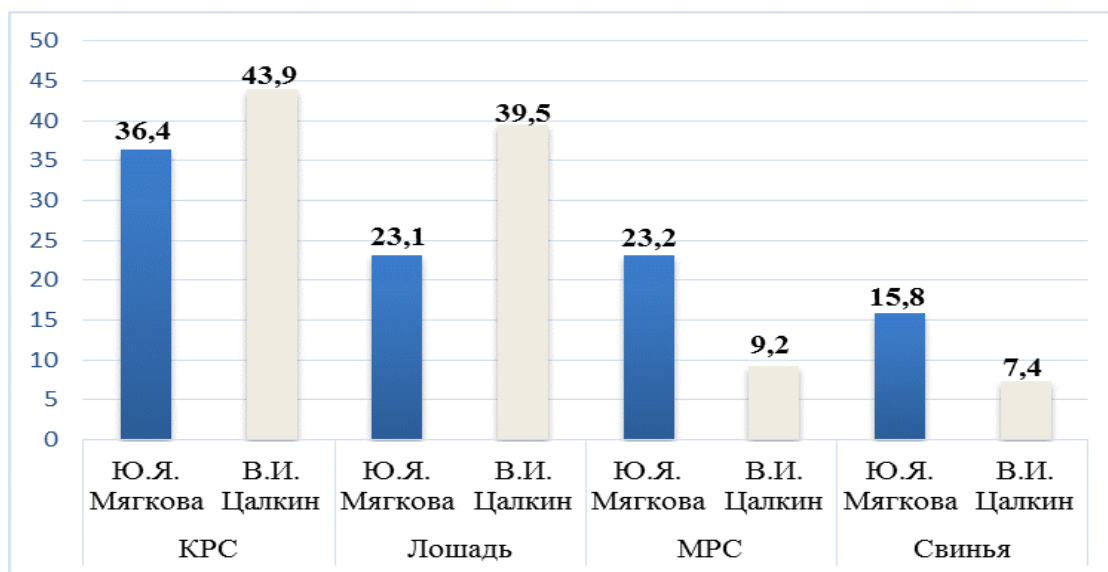

Рис. 1. Соотношение костей домашних животных на городище Большое Сторозевое по определениям В. И. Цалкина и Ю. Я. Мягковой (указано в %)

XVII ВЕК

Мельникова А. Р.

(Елец)

УДК 94(47)

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КРЕПОСТЕЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ
ПО ДАННЫМ НА 1678 г.¹**

Статья посвящена анализу социального состава населения крепостей Белгородской черты в 1678 г. Основным источником работы послужила опись городов 1678 г., зафиксировавшая различные категории служилого и посадского населения региона. Автором была проанализирована информация по всем крепостям Белгородской черты и сделаны обобщающие выводы. Прежде всего, фиксируется неоднородность различных уездов в районе черты: в некоторых наблюдается большое разнообразие служилых категорий населения, развитый посад и большое число помещиков, а в других, напротив, социальный состав был довольно бедным. Таких крепостей, где социальная градация не получила большого разнообразия, было большинство. В итоге, эти крепости являлись только военными форпостами на границе, которые имели стратегическое значение, но их хозяйственный потенциал был невысок. Очевидно, что появление множества таких мелких крепостей было продиктовано военной необходимостью и их полноценное развитие было невозможно. Впоследствии, уже в XVIII в., большинство из них станут сельскими поселениями. Однако значение этих крепостей было для своего времени весьма велико, и не только для защиты стратегических участков обороны Белгородской черты. Эти мелкие крепости помогли обеспечить стабильное развитие крупных военных и экономических центров. Такие города-крепости, как Курск, Воронеж, Елец, Козлов, смогли стать на путь урбанизации именно потому, что были защищены множеством мелких военных поселений. Такова была их историческая роль.

Ключевые слова: Белгородская черта, служилое население, посад, Курск, Воронеж, Елец, урбанизация

The article is devoted to the analysis of the social composition of the population of the fortresses of the Belgorod line in 1678. The main source of the work was the inventory of cities in 1678, which recorded various categories of the service and townspeople of Russia. The author analyzed the information on all the fortresses of the Belgorod line and made general conclusions. The heterogeneity of the various counties of the vast southern region is recorded: in some there is a wide variety of service categories of the population, developed crafts and trade, and a large number of landowners. In other regions, the social composition was very poor. There were a lot of these regions. Such fortresses were only military outposts on the border. They were of strategic importance, but their economic potential was low. Obviously, the emergence of many small fortresses was dictated by military necessity and their full development was impossible. These small fortresses did not have the opportunity to develop. Subsequently, already in the 18th century, most of them would become rural settlements. However, the significance of these fortresses was very great for their time. These small fortresses helped to ensure the stable development of major military and economic centers. Fortified cities such as Kursk, Voronezh, Yelets, Kozlov were able to

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

take the path of urbanization precisely because they were protected by many small military settlements. This was their historical role.

Keywords: Belgorod line, service population, settlement, Kursk, Voronezh, Yelets, urbanization.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-43-50

Белгородская черта – крупнейшее в истории России военно-оборонительное сооружение, построенное для защиты южных рубежей от нападения крымских татар. Сегодня принято считать, что она была возведена к 1658 г., когда появился Белгородский разряд и был сформирован отдельный Белгородский полк. Это мнение было сформулировано В. П. Загоровским в монографии 1969 г. [5]. Административное и военное управление обширной оборонительной линией располагалось, в основном, в Белгороде. Местный воевода считался главным, его власть распространялась и на крепости, не находящиеся непосредственно на Белгородской черте, а лежащие севернее (например — Елец, Ливны, Данков). Протяженность укрепленной линии Белгородской черты составила 600 км, а с учетом изгибов — 800. На самой черте располагались 27 острогов и крепостей, а также один хорошо укрепленный Борщев монастырь [4, с. 132]. Появление и функционирование Белгородской черты обеспечивало несколько важных процессов и, прежде всего, хозяйственное развитие уездов, рост числа ремесленников и торговцев в крупных военных поселениях [6, с. 291].

Одновременно со строительством Белгородской черты правительство проводило важные военные преобразования, позволившие создать на южном пограничье современную армию, способную дать решительный отпор противнику [18; 13, с. 37]. Военная реформа включала комплекс мер, направленных на модернизацию войска и трансформацию старых военных формирований в рамках новой военной структуры, сочетающей традиционные принципы службы и социальной организации с новыми европейскими. Последние были реализованы в созданных военных подразделениях «нового строя» — рейтарских, драгунских и солдатских полках, составивших уже к началу 1660–х гг. основу российской армии на южном пограничье [16, с. 125]. С этого времени былое единство военно-территориальных корпораций оказалось подорвано [16].

В центре внимания данной статьи – социальный состав населения Белгородской черты, отразивший важные военно-политические события ее истории. В настоящий момент эта тематика представляется особенно актуальной, поскольку точные сведения о составе населения помогут научному сообществу осознать происходящие в регионе долговременные социально-экономические процессы, оказывающие влияние на политику Москвы в отношении южного пограничья в целом.

Социальная история Белгородской черты активно изучается сегодня Д. А. Ляпиным и Н. А. Жировым – авторами серии работ на эту тему [8, с. 604; 9, с. 79; 11, с. 155]. Кроме того, можно отметить исследования В. Н. Глазьева, Ю. А. Мизиса, А. И. Папкина о различных аспектах организации населения Юга России, а также работы о черкасах В. М. Брезгуновой и статьи А. Ю. Рощупкина о казачестве [2; 3, с. 9; 12 с. 200; 15; 1, с. 206; 17, с. 88]. Несмотря на усилия ученых, социальная история Юга России полностью еще не изучена.

Основным источником статьи послужила опись городов, составленная в 1678 г. [14]. Этот документ представляет собой своеобразный срез данных по динамике социального развития региона, в нем отразились важные тенденции истории Белгородской черты. Проанализированные данные по социальному составу населения всех городов-крепостей Белгородской черты, мы систематизировали в виде единой базы данных. Таким образом, данная статья носит обобщающий характер, а ее цель заключается в характеристике социального состава городов-крепостей Белгородской черты в 1678 г.

В исследуемый период времени в уездах Юга России существовали следующие категории служилого населения: помещики («дети боярские»), казаки, стрельцы, пушкари и по-

садские люди. Также в описи упоминаются мелкие социальные группы: воротники, кузнецы, плотники, ямщики, черкасы, драгуны и т. п. В проводимых нами подсчетах мы отнесли их к категории «прочие».

Согласно полученным в ходе работы данным, крупнейшей крепостью по количеству служилого населения являлся Козлов (сегодня – Мичуринск). В нем располагалось 7353 человека (Диаграмма 1). Данные по социальному составу Козловского уезда, представленные в виде диаграммы, указывают нам на то, что основную часть местного населения (92%) составляли мелкие помещики (проживавшие в уезде), а также лица из категории «прочие». К оставшимся 8 % относились казаки, стрельцы, пушкари и посадские люди. Причины стремительного роста служилого населения Козловского уезда были рассмотрены Д. А. Ляпиным в отдельной статье [7, с. 81].

*Диаграмма 1. Категории служилого населения
Козловского уезда по данным описи 1678 г.*

К крупным крепостям по численности населения следует отнести Воронеж, Коротояк, Курск и Добрый. Относительно крупными являлись Белгород, Усмань и Елец. Наименьшее количество служилого населения – 132 человека, было отмечено в Урыве. Можно назвать и другие крепости, которые отличались небольшим числом жителей – это Балаклея, Епифань и Нижегольск. Козлов уверенно занимал первое место по количеству помещиков: здесь их было около 3041 человека. В Коротояке и Белгороде также проживали 1538 и 1527 человек соответственно. Наименьшее количество помещиков было отмечено в крепости Царев-Борисов – всего 30 человек.

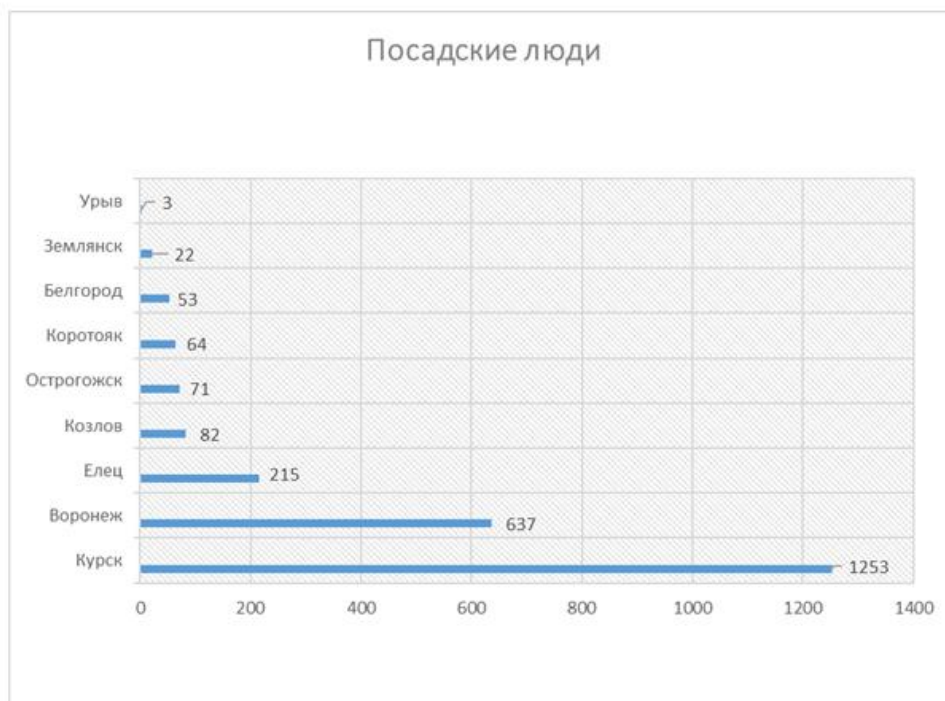
Самое значительное число казаков было зафиксировано в Воронеже – 1328 человек, на втором месте по численности следует крепость Коротояк, где находилось 836 казаков. Усмань являлась третьей по количеству казачества, здесь проживали около 660 представителей этой социальной группы. Данная категория служилых людей была характерна не для всех уездов, которые мы рассматривали в исследовании. Крепостью с наименьшим числом

представителей казачества был Старый Оскол – около 40 человек. Довольно примечательно, что в таких относительно крупных крепостях, как Данков и Белгород численность казаков была невелика и составляла 54 и 66 человек, соответственно.

Самое большое количество стрельцов находилось в Воронеже. Их число составляло здесь 420 человек. На втором месте по численности стрельцов шел Коротояк, в котором находилось 328 представителей от названного служилого населения. Третьим был Карпов – 278 человек. Стрельцы, как и казаки, проживали далеко не во всех крепостях. В Короче было наименьше количество стрельцов, всего 14 человек.

По числу пушкарей лидирующую позицию вновь занимал Козлов, где находилось около 188 человек. Затем следовал Белгород – 123 пушкаря. В Данкове проживало 87 пушкарей, – он занимал третье место по этому показателю. Любопытно, что в такой крупной крепости, как Курск пушкари не были отмечены в описи. Общая численность пушкарей значительно отличалась от числа помещиков, казаков и стрельцов. Практически во всех уездах их количество было небольшим. Так, в Урывском уезде, исходя из описи 1678 г., проживал всего один пушкарь. Понятно, что обслуживание местной артиллерии не требовало большого числа людей

Посадские люди находились лишь в девяти крепостях - Белгороде, Ельце, Воронеже, Козлове, Курске, Землянске, Острогожске, Коротояке и Урыве (Диаграмма 2). Во всех остальных исследуемых уездах упоминание о данной категории людей отсутствует. Д. А. Ляпин и Н. А. Жиров уже отмечали колебания численности посадских людей и объяснили это противоречивой политикой правительства в отношении Юга России [10, с. 97]. В Курске проживало самое большое количество посадских людей – 1253 человека. На втором месте шел Воронеж. В нем было зафиксировано 637 представителей данной категории населения. Следующим по численности посадских людей был Елец, где находилось около 215 представителей этой социальной группы. Наименьшее количество посадского населения отмечено в крепости Урыв – всего 3 человека. Землянск также не отличался большим числом посадского населения (22 человека). В Белгороде тоже было замечено небольшое количество представителей данной социальной группы, а именно 53 посадских человека.

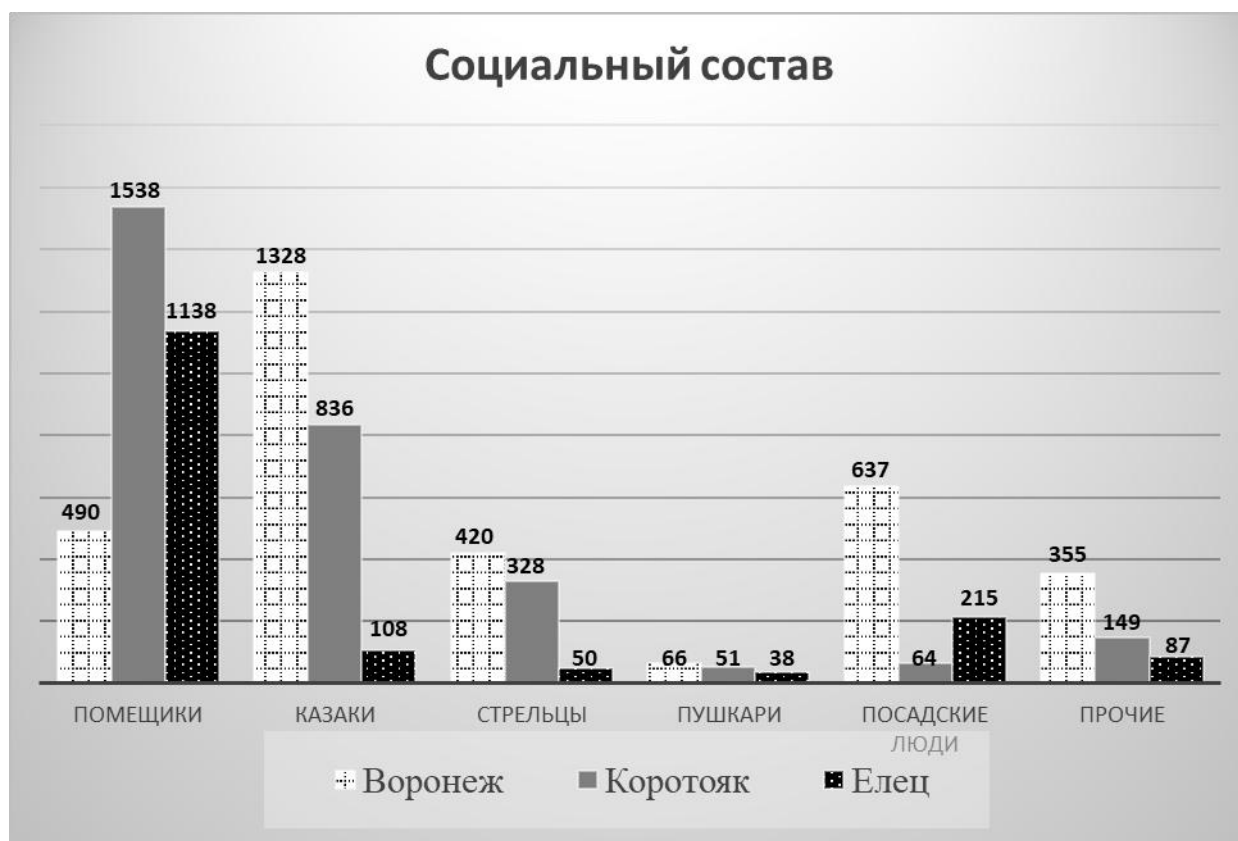

Диаграмма 2. Количество посадских людей в крепостях Белгородской черты по данным описи 1678 г.

Во всех исследуемых уездах находились различные мелкие категории населения, обозначенные нами в подсчетах как «прочие» люди. Например, в Балаклее и Маяцком проживали 139 черкас и 376 человек («какова чину порознь, того в сметных книгах не написано»), соответственно. Первым по численности мелких социальных категорий населения был Козлов. В нем проживало 3765 человек. Следом шел Добрый – 2018 человек.

Заметим, что лишь в нескольких крепостях были зафиксированы сразу все категории населения, а именно: помещики, казаки, стрельцы, пушкари, посадские люди и прочие. Это крепости Козлов, Воронеж, Елец и Коротояк (Диаграмма 3). Данные военные поселения можно отнести к относительно крупным в 1678 г. Из представленной диаграммы видно, что число помещиков было довольно высоким. Следовательно, хозяйственное развитие уездов было напрямую связано с их военным потенциалом и социальным разнообразием.

Диаграмма 3. Социальный состав Воронежского, Коротоякского и Елецкого уездов по данным описи 1678 г.

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы относительно социального состава населения Белгородской черты по данным описи 1678 г. Прежде всего, отметим очевидную неоднородность различных уездов региона, в некоторых мы наблюдаем большое разнообразие служилых категорий населения, развитый посад и большое число помещиков, но в большинстве случаев крепости не были так хорошо развиты в социальном плане. Многие из них оставались типичными военными поселениями на границе. Очевидно, что появление множества мелких крепостей было продиктовано военной необходимостью и их полноценное развитие было невозможно. Впоследствии, уже в XVIII в., большинство из них станут селами. Однако значение этих крепостей было для своего времени весьма велико. Эти мелкие крепости помогли обеспечить стабильное развитие крупных военных и экономических центров. Курск, Воронеж, Елец, Козлов смогли стать на путь урбанизации именно потому, что были защищены множеством мелких крепостей и острогов.

Изученный нами социальный состав крепостей Белгородской черты по данным описи 1678 г. отразил важные процессы развития региона, которые получили свое продолжение уже в дальнейшем – в Петровскую эпоху. В конечном итоге, полученные нами данные показывают, что противоречивый характер социального развития уездов Белгородской черты был напрямую связан со спецификой военно-оборонительной политики России на Юге во второй половине XVII в.

Список источников и литературы

1. Брезгунова, В. М. (2019). *Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630-1680-е гг.* // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. № 182 (Т. 24). С. 201-208.
2. Глазьев, В. Н. (2001). *Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности.* Воронеж: Издательство ВГУ. 432 с.
3. Глазьев, В. Н. (2012). *Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в.* // Столица и провинция: история взаимоотношений: Материалы Шестой региональной научной конференции. Воронеж: Издательство ВГУ. С. 7-11.
4. Дудина, О. В., Фурсов, В. Н. (2015). *Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. № 4 (204). С. 131-136.
5. Загорский, В. П. (1968). *Белгородская черта.* Воронеж: Издательство ВГУ. 148 с.
6. Ляпин, Д. А. (2018). *Социально-экономическая эволюция населения Юга европейской России в контексте модернизации аграрного общества в конце XVI-XVII вв.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. № 2 (Т. 45). С. 285-297.
7. Ляпин, Д. А. (2018). *Служилая корпорация детей боярских Козловского уезда в 1637-1651 гг.* // Белгородская черта. № 3. С. 78-82.
8. Ляпин, Д. А. (2019). *Социальная организация сельского населения юга России в XVII в.* // Quaestio Rossica. № 2. С. 599-612.
9. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2020). *Динамика социального состава населения Черноземья во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (на примере Елецкого уезда)* // История: факты и символы. № 3 (24). С. 72-82.
10. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2016). *Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца)* // Гуманитарные и юридические исследования. №3. Ставрополь. С. 93-97.
11. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2019). *Об изучении структуры и формы организации пространства повседневности населения Центрально-Черноземного региона России в конце XVI – первой половине XVIII вв.* // История: факты и символы. № 4 (21). С. 155-156.
12. Мизис, Ю. А. (2017). *Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII веке* // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. №5 : Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции. 9.11.2017. – 10.11.2017. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 199-202.
13. Нефедов, С. А. (2004). *Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в.* // Вопросы истории. № 4. С. 22-52.
14. *Опись городов 1678 г.* // Дополнение к Актам историческим (ДАИ). Т. 9. СПб.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1875. 350 с.

15. Папков, А. И. (2004). *Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII века*. Белгород: Константа. 351 с.
16. Петрухинцев, Н. Н. (2018). «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658 – 1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // *История: Факты и символы*. № 3 (16) С. 106-129.
17. Рощупкин, А. Ю. (2013). *Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в.* // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология*. № 15 (158). С. 84-90.
18. Stevens Belkin С. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia*. Northern Illinois. 252 p.

References

1. Brezgunova, V. M. (2019). *Dinamika izmeneniya chislennosti cherkas v Voronezhskom krae v 1630-1680-ye gg.* [Dynamics of changes in the number of cherkas in the Voronezh region in the 1630-1680] in *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 182 (t. 24), 201-208. (in Russian).
2. Glaz'yev, V. N. (2001). *Vlast' i obshchestvo na Yuge Rossii v XVII veke: protivodeystviye ugolovnoy prestupnosti* [Power and Society in the South of Russia in the 17th Century: Countering Criminal Crime] Voronezh, Izdatel'stvo VGU. (in Russian).
3. Glaz'yev, V. N. (2012). *Zaseleniye gorodov-krepostey Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontekste sotsial'noy politiki rossiyskogo pravitel'stva v kontse XVI v.* [Settlement of fortified cities of the Central Black Earth Region in the context of the social policy of the Russian government at the end of the 16th century] in *Stolitsa i provintsiya: istoriya vzaimootnosheniy: Materialy Shestoy nauchnoy regional'noy konferentsii*. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 7-11. (in Russian).
4. Dudina, O. V., Fursov, V. N. (2015). *Sozdaniye i funktsionirovaniye Belgorodskogo razryada kak voyenno-administrativnoy i territorial'noy yedynitsy Rossii vtoroy poloviny XVII v.* [Creation and functioning of the Belgorod category as a military-administrative and territorial unit of Russia in the second half of the 17th century] in *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya*, 4 (204), 131-136. (in Russian).
5. Zagorovskiy, V. P. (1968). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU. (in Russian).
6. Lyapin, D. A. (2018). *Sotsial'no-ekonomicheskaya evolyutsiya naseleniya Yuga yevropeyskoy Rossii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v kontse XVI – XVII vv.* [Socio-economic evolution of the population of the South of European Russia in the context of the modernization of the agrarian society at the end of the 16th-17th centuries] in *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya*, 2 (t. 45), 285-297. (in Russian).
7. Lyapin, D. A. (2018). *Sluzhilaya korporatsiya detey boyarskikh Kozlovskogo uyezda v 1637-1651 gg.* [Serving corporation of the children of the boyars of the Kozlovsky district in 1637-1651] in *Belgorodskaya cherta*, 3, 78-82. (in Russian).
8. Lyapin, D. A. (2019). *Sotsial'naya organizatsiya sel'skogo naseleniya yuga Rossii v XVII v.* [Social organization of the rural population of southern Russia in the 17th century] in *Quaestio Rossica*, 2, 599-612.
9. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2020). *Dinamika sotsial'nogo sostava naseleniya Chernozem'ya vo vtoroy polovine XVII – pervoy treti XVIII vv. (na primere Yeletskego uyezda)* [Dynamics of the social composition of the population of the Chernozem region in the second half of the 17th – first third of the 18th centuries. (on the example of the Yeletsk district)] in *Istoriya: fakty i simvol*, 3 (24), 72-82. (in Russian).
10. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2016). *Dinamika chislennosti naseleniya Yuga Rossii v kontse XVI – nachale XVIII vv.* [Dynamics of the population of the South of Russia at the end of

the 16th – beginning of the 18th centuries. (on the example of Yelets)] in *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 3, Stavropol', 93-97. (in Russian).

11. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2019). *Ob izuchenii struktury i formy organizatsii prostranstva povsednevnosti naseleniya Tsentral'no-Chernozemnogo regiona Rossii v kontse XVI – pervoy polovine XVIII vv.* [On the study of the structure and form of organization of the space of everyday life of the population of the Central Black Earth region of Russia at the end of the 16th – first half of the 18th centuries] in *Istoriya: fakty i simvol'y*, 4 (21), 155-156. (in Russian).

12. Mizis, YU. A. (2017). *Osobennosti sotsial'noy psikhologii naseleniya yuga Russkogo gosudarstva v XVII v.* [Features of the social psychology of the population of the south of the Russian state in the 17th century] in *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya*. №5: Materialy V Chteniy pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy nauchnoy konferentsii. 9.11.2017 – 10.11.2017. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova, 199-202. (in Russian).

13. Nefedov, S. A. (2004). *Pervyye shagi na puti modernizatsii Rossii: reformy serediny XVII v.* [The first steps towards the modernization of Russia: the reforms of the mid-17th century.] in *Voprosy istorii*, 4, 22-52. (in Russian).

14. Papkov, A. I. (2004). *Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoy v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.* [Border borders of the Russian kingdom and the Ukrainian lands of the Commonwealth at the end of the 16th - first half of the 17th century] Belgorod, Konstanta. (in Russian).

15. Petrukhintsev, N. N. (2018). «Razryadnaya» voyennaya reforma Alekseye Mikhailovi-cha i yeye vliyaniye v 1658 – 1660 gg. na yuzhnyye sluzhilyye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipetskogo kraya) [«Discharge» military reform of Alexei Mikhailovich and its influence in 1658-1660. to the southern service «cities» of Russia (based on materials from the cities of the Lipetsk Territory)] in *Istoriya: Fakty i simvol'y*, 3 (16), 106-129. (in Russian).

16. Roshchupkin, A. Yu. (2013). *Chislennost' korporatsii yeletsikh sluzhilykh kazakov v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.* [The number of the corporation of Yelets service Cossacks at the end of the 16th – first half of the 17th century] in *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universitetata. Seriya Istoriya. Politologiya*, 15 (158), 84-90. (in Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Амбарцумян К. Р.
(Ставрополь)

УДК 94(41/99)

**ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ АРМЯНСКИХ ВИЛАЙЕТОВ ТУРЦИИ
В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В 1908-1914 гг.¹**

Современное состояние Южного Кавказа и российско-турецкое взаимодействие в регионе требуют постоянного обращения в историческое прошлое, где лежат корни всех кавказских этнотерриториальных конфликтов. В этой связи проблема реформирования примыкающих к Кавказу армянских вилайетов является актуальной для современных международных отношений. Ни геноцид, ни современные трудности армяно-турецких отношений не могут адекватно рассматриваться без изучения ситуации вокруг Западной Армении в начале XX в. Автором впервые рассматривается проблема реформирования армянских областей Османской империи с учетом интересов ведущих держав и помещается в контекст предвоенного мира и блокового противостояния. Основным исследовательским подходом в работе стал неореализм, ставящий в основу международных отношений не только государства с их интересами, но и союзы государств. Кроме опубликованной нотной переписки российских дипломатов, в работе использованы источники личного происхождения: воспоминания С. Д. Сазонова – министра иностранных дел Российской империи, мемуары американского посла Г. Моргентхау, дневник голландского инспектора Луи Констана Вестененка, были введены в научный оборот архивные документы с докладом А. Мандельштама по проектам реформ. Исследование показало, что наиболее настойчивую и последовательную позицию по реформам армянских вилайетов занимала Россия, которая стремилась обезопасить Кавказ, примыкавший к Турции. Из вилайетов в российскую часть Армении стремились беженцы, поэтому успокоение армянского населения в турецкой части способствовало бы стабильности и на кавказской окраине. Однако, в Антанте единодушия по армянскому вопросу не было, начавшаяся Первая мировая война помешала воплотить подготовленный накануне войны проект, в итоге для армянского населения все обернулось геноцидом.

Ключевые слова: проект реформ армянских вилайетов, младотурки, проект А. Мандельштама, международные отношения.

The current problem of the South Caucasus and Russian-Turkish interaction requires constantly to look back to the historical past, where the roots of all Caucasian ethno-territorial conflicts lie. In this regard, the problem of reforming the Armenian vilayets of the Ottoman Empire is urgent for modern international relations. Neither the genocide, nor the current difficulties of the Armenian-Turkish relations can be adequately considered without studying the situation around Armenia at the beginning of the 20th century.

Above all, the author examines the problem of reforming the Armenian regions of the Ottoman Empire, taking into account the interests of the leading powers and is placed in the context of the pre-war peace and bloc confrontation. The main research approach of the study is neorealism, which makes the basis of international relations not only states with their interests, but also alliances of states. In addition to the published musical correspondence of Russian diplomats, the work uses sources of personal origin: the memoirs of S. D. Sazonov - the Minister of Foreign Af-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а

fairs of the Russian Empire, the memoirs of the American Ambassador G. Morgenthau, the diary of the Dutch inspector Louis Konstan Westenenk, archival documents with A. Mandelstam's report on reform projects were introduced into scientific circulation. The study released that the most persistent and consistent position on the reforms of the Armenian vilayets was taken by Russia, which sought to secure the Caucasus, adjacent to Turkey. Refugees were striving from the vilayets to the Russian part of Armenia, therefore, calming down the Armenian population in the Turkish part would contribute to stability in the Caucasian outskirts. However, there was no unanimity in the Entente on the Armenian issue, the outbreak of the First World War prevented the implementation of the project prepared on the eve of the war, as a result, everything turned into genocide for the Armenian people.

Keywords: project of reforms of Armenian vilayets, Young Turks, A. Mandelstam's project, international relations.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-51-60

«Армянский вопрос» как научная проблема имеет довольно широкий проблемно-хронологический охват. Наиболее распространенное определение термина подразумевает целый спектр тем, связанных с борьбой армянского народа за выживание, сохранение его этнокультурной самобытности, создание собственной государственности в пределах территории исторического проживания [3; 13]. Однако, наиболее распространенными сюжетами в исследовательской литературе стали проблемы истории Западной Армении в конце XIX – начале XX вв. Применительно к этому периоду речь идет об изучении проектов реформирования армянских вилайетов в составе Турции, что стало одним из локальных аспектов так называемого «восточного вопроса» международных отношений.

В историографии превалирует изучение проблемы реформ в контексте событий геноцида 1915 г., при этом сама проблема преобразований и борьбы за них между державами уходит на второй план. Цель данной статьи – расширить представления об армянском вопросе накануне Первой мировой войны с учетом интересов всех держав и выявить причины провала попыток реформирования армянских областей в составе Турции. Хронологические рамки определяются двумя исторически важными событиями – приходом к власти младотурок в 1908 г. и началом Первой мировой войны в 1914 г.

Впервые необходимость реформирования была обозначена в Сан-Стефанском мирном договоре, в котором ст. 16 обязывала Порту провести преобразование управления армянскими областями, а также «оградить безопасность последних от курдов и черкесов». Это же обязательство дублировалось в Берлинском трактате, новшеством стала обязанность Турции отчитываться перед державами о предпринятых мерах. Порты должна была сообщать о проводимой в армянских вилайетах политике именно ведущим державам, что лишало Россию монопольного участия в урегулировании армянского вопроса в Турции.

В 1895 г. турецкий султан Абдул Гамид под давлением России, Франции и Англии издал декрет о реформах, но фактически он реализован не был, оставшись мертвой буквой. Прийти к компромиссу международному сообществу не удалось, а ситуация вокруг армянских вилайетов накануне Первой мировой войны по-прежнему оставалась острой.

После младотурецкой революции в 1908 г. проблема армянской автономии актуализировалась на новом уровне, армянские партии и общественно-политические организации на короткий период уверовали в возможность получения автономии. Младотурки начали плотно общаться с национальными структурами и делали заявления о необходимости всеобщего преобразования «османской родины». Американский посол в Турции Генри Моргантау, описывая свои впечатления от прихода к власти младотурок, подчеркивает, что новость вызвала симпатии и надежды на демократизацию страны. Когда в 1913 г. он прибыл в Константинополь, ситуация кардинально поменялась в сторону ухудшения: «Австрия присоединила к себе две турецкие провинции – Боснию и Герцеговину; Италия вырвала Трипо-

ли; Турция пережила жуткую войну с Балканскими государствами и, за исключением Константинополя и небольшого района недалеко от прибрежной полосы, потеряла все свои европейские территории. Стремления к восстановлению Турции, которые вдохновляли революционеров, очевидно, потерпели неудачу, и я обнаружил, что четыре года так называемого демократического правления закончились гораздо большим, чем прежде, унижением нации, истощенной и расчлененной. И действительно, задолго до моего приезда попытки установить демократию в Турции провалились. Ни разу за всю историю демократических институтов неудача не была столь сокрушительной и столь сильно приводящей в уныние. Едва ли мне нужно детально объяснять причины этого провала. Давайте не будем резко критиковать младотурок, поскольку нет сомнений, что вначале они были искренни» [5]. Признаком эскалации конфликта стали новые погромы армянского населения в 1909 г. в Адане, в которых погибло около 20-30 тыс. человек [14]. Поражение в Балканской войне 1912 г. явилось точкой невозврата в национальной политике Османской империи, так как потеря территорий в европейской части привела к ужесточению позиции в отношении армянского населения и перспективы проведения реформы стали еще более туманными. Кроме европейской части, Османская империя включала в себя территории на Ближнем Востоке, населенные арабами. В 1912 г. в Бейруте началось движение в пользу арабского областного управления. Младотурки то уступали, то проявляли жесткость в этом вопросе, в итоге незначительные изменения были внесены в отношении образования на арабском языке, воинскую повинность разрешили отбывать на местах, но арабы рассчитывали на более значительные права и свободы [4, с.113]. Как и американский посол, российский драгоман А. Н. Мандельштам полагал, что в подходах к национальному вопросу Турция быстро вернулась во времена султана Абдул-Гамида [4, с.114].

В 1912 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов выступил сторонником более активного участия России в подготовке и проведении реформы управления армянскими вилайетами. Свою позицию он аргументировал так же и тем, что пренебрежение данной проблемой приведет к вмешательству европейских держав, что на фоне балканского кризиса станет фактором еще большего осложнения международной обстановки.

Особую активность проявляла армянская церковь и её глава католикос Геворг V, который обращался к российским властям за помощью. Он поручил Погосу Нубар Паше¹ заручиться поддержкой европейских дворов и привлечь дополнительное внимание общественности к положению армянского населения в Турции. Погос Нубар активно работал в Париже, среди прочих в феврале 1913 г. он посетил немецкого посла, то есть представителя союзного Турции государства, заверил его, что целью армян является не отделение и даже не автономия, а только улучшение условий жизни армянского народа. По словам Нубара, ведущие армяне не хотели опеки или господства со стороны России и предпочитали оставаться под властью Турции. Одни хотели лишь заботы великих держав, только так можно было гарантировать безопасность армян. Нубар стремился опереться на силу Германии, которая фактически хозяйничала в Турции. В беседах с послом он подчеркивал, что реформы может запустить только немецкое вмешательство [16, р.16-17].

Как свидетельствуют дипломатические документы, Порты постаралась на скорую руку выработать декоративный проект реформ, при этом с текстом не ознакомили патриарха западных армян в Константинополе. Таким образом, турецкие власти стремились не допустить вмешательства армянской церкви, которая заняла пророссийскую позицию. Новый законопроект по мнению русского посла в Турции М. Н. Гирса стал шагом назад по сравнению даже с законом Абдул-Гамида 1895 г. Российскую сторону он не устроил, хотя бы потому, что исключал из процесса реформирования две армянские провинции: Сивас и Эрзерум. Кроме того, не предусматривался контроль со стороны держав, он подменялся приглашением иностранцев на турецкую службу [9].

---

¹ Египетский государственный и политический деятель армянского происхождения.

В январе 1913 года в Турции произошел государственный переворот, фактическую власть в своих руках сосредоточил триумvirат Талаат-паши, Джемаль-паши и Энвер-паши. Даже урезанный проект реформ для армянских вилайетов отложили в сторону и объявили реформы во всей империи [8], которые позволили бы избежать предоставления автономии армянскому населению. Вторая Балканская война в это время закончилась для Турции падением османского владычества на Балканском полуострове. Далее Россия пыталась тщетно удержать Балканский союз от распада, прилагая усилия для того, чтобы избежать сербо-болгарскую распрю. Кроме того, важно не дать «себя вовлечь в войну из-за второстепенного балканского вопроса» [12]. Таким образом, надо было и мир с Турцией сохранить в столь щекотливой ситуации, и вести переговоры по армянскому вопросу.

В апреле 1913 г. Турция обратилась к Англии с просьбой об организационной помощи, в том числе прислать профессиональных чиновников для проведения реформы: инспекторов и офицеров жандармерии, судей, специалистов по сельскому и лесному хозяйству и т.д. Порта апеллировала к Кипрской конвенции. Напомним, что данная конвенция была тайно подписана Великобританией и Османской империей в 1878 г. Документ был подписан накануне Берлинского конгресса и представлял собой оборонительный союз против России. Англия не предоставляла поддержку на безвозмездной основе. Согласно положениям конвенции, формально Кипр продолжал оставаться в составе турецкого государства, но при этом оккупировался и управлялся силами британской империи. Таким образом, Турция стремилась внести разлад в отношения Англии и России. Против такого сценария резко выступил С. Д. Сазонов, который полагал, что приоритет не должен отдаваться только английским чиновникам и что все три державы Антанты должны участвовать в обсуждении реформы [16, p.17].

В итоге к лету было составлено два проекта. **Первый** был подготовлен дипломатическим переводчиком (драгоманом) Андреем Николаевичем Мандельштамом. В его основе был проект 1895 года, разработанный европейскими державами. Предполагалось образование из 6 вилайетов (Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут и Сивас) одной области, дальнейшее административное деление которой осуществлялось бы по этническому признаку. Во главе области султанов с согласия держав назначался генерал-губернатор, предпочтительно европеец [11, с. 61].

Вопрос об административном делении был одним из самых болезненных как для Порты, так и для армянской стороны. Фактически проект А. Н. Мандельштама повторял в этом отношении проекты Константинопольского патриарха и партии Дашнакцутюн. Патриарх высказывался за образование одной провинции, но с тем, чтобы в нее не входили местности, которые не населены армянами. К таковым относилась «Хеккияри в Ванском вилайете, южная часть Сеерта в Битлисском вилайете, южная часть Бишерика в Диарбекирском вилайете, южная часть Малайзии (в Харпутском вилайете), северо-западная часть Сивасского вилайета». Обращаясь к историческому прошлому, патриарх свою позицию аргументировал существованием единой Эрзерумской провинции до русско-турецкой войны 1877-1878 гг. После войны данный вилайет Порта разделила и присоединила к новым округам территории с курдским населением [1, л. 2 об].

А. Н. Мандельштам поддерживал положения проектов патриарха и Дашнакцутюн относительно судебной системы: «Таким образом почти все нынешние требования армян в области правосудия – об организации настоящей гражданской, а не духовной, юстиции, о введении в состав судов членов – от христианского и мусульманского населения – были уже признаны справедливыми европейской комиссией 1880 г. и тремя Послами в 1895 г. Сверх того, начало участия в судах мусульман и христианских заседателей содержится в самом турецком законодательстве (указы 1875 и 1902 гг.). Представительство разных вероисповеданий в судах имеется также в судебной организации автономного Ливана. Здесь

суды каз¹ состоят из судьи и двух заседателей, назначаемых губернатором, при чем судьи принадлежат к вероисповеданию большинства населения, высшие суды (гражданский и уголовный) состоят из председателей (маронита и друза), назначаемых губернатором и представителей шести вероисповеданий Ливана. Таким образом, требование Патриархата и Дашнакцутюна не представляется чрезмерным даже с точки зрения простой реформы вилайетской юстиции» [1, л.30].

Второй проект, разработанный сугубо турецкой стороной, касался реформ во всей империи, без упоминания Армении, вся территория должна была быть разделена на шесть «секторов общей инспекции», возглавляемых генеральным инспектором. В два «восточных вилайета» предполагалось назначение генеральных инспекторов, однако, кандидатуры подбирались и утверждались турецким правительством без вмешательства держав [16, р. 17].

М. Н. Гирс в телеграмме высказывал С. Д. Сазонову неуверенность по этому поводу: «... Империя делится на шесть секторов, при чем «восточные вилайеты» разделены на два сектора без указания их границ. Можно опасаться, что армянские вилайеты будут распределены между двумя этими секторами с расчетом разобщить Армян и растворить их в мусульманском большинстве» [10].

3 июля 1913 г. началось совещание представителей посольств в Еникее (район Константинополя), главной повесткой которого стало управление именно армянскими вилайетами. Председательствовал представитель посольства Австро-Венгрии Панфили. Противостояние шло главным образом между Германией и Россией. Российский проект вызывал резкие возражения немецкого представителя Шенберга, который полагал нецелесообразным создание единой провинции, которая по сути будет включать 1/7 территории современной Турции и равную половине Германии, которой будет сложно управлять. Очевидно, опасаясь усиления российского влияния, Панфили подкреплял свои возражения аргументом о недопустимости создания привилегированных территорий в пределах турецкого государства [15, с.195]. Французский и британский представители поддержали идею Мандельштама об объединении вилайетов. Британский дипломат, первый секретарь британского посольства, Фицморис заметил, что особое положение шести вилайетов было признано послами и допущено Портой в 1895 г. Он считал, что их административное воссоединение лучше отвечает требованиям внутренней ситуации, чем нынешнее разделение на вилайеты [15, с. 198].

Для понимания сущности шедших переговоров целесообразно составить представление о позициях самих послов. Например, дуайеном дипломатического корпуса в Османской империи был австрийский посол Иоганн фон Паллавичини. С самого начала проект российского драгомана А. Мандельштама встретил резкий отпор немецкой стороны. Его раскритиковал Ганс Вангенхайм, бывший послом Германии в Турции с 1912 по 1915 гг. Генри Моргентау дал довольно подробное описание личностей Г. Вангенхайма и И. фон Паллавичини. Первый фигурант был сторонником и проводником пангерманистских планов, придерживался явно прусской модели ведения внешней политики, по свидетельству Г. Моргентау одной из наиболее часто употребляемых им фраз была «Германия хочет этого!». И. фон Паллавичини был старейшим и опытным дипломатом, но деловыми качествами Вангенхайма не обладал. Более того, он был скорее специалистом в дипломатическом этикете, знал, как правильно рассаживать гостей на церемониальных обедах. Но когда речь шла о делах государства, он попадал под влияние Г. Вангенхайма [5, с. 5]. Таким образом, Австрия, председательствуя на переговорах, не имела возможности влиять на ситуацию и фактически подчинялась интересам немецкой внешней политики.

Г. Вангенхайм, естественно, выступал против идеи создания административно независимой армянской территории и выразил опасение, что она окажется под контролем России, поэтому его представитель транслировал точку зрения руководства. Для Англии Рос-

---

¹ Уезд.

сийская империя традиционно была соперником на Ближнем Востоке, и поэтому британский министр иностранных дел Эдвард Грей не поддержал полностью российскую сторону и подчеркнул, что нужно прийти к соглашению и выбрать тот вариант реформ, который Турция примет. Франция встала на сторону Великобритании, в итоге совещание представителей посольств после восьми заседаний закончилось безрезультатно [16, р. 19].

По мнению голландского историка Уильяма ван дер Дассена, невзирая на провал, конференция имела смысл, так как прояснились позиции держав по поводу будущего Турецкой Армении. Стало очевидно, что Россия не сможет в одиночку продавить проект реформ, ей необходимо опираться на поддержку союзников. Однако, как выяснилось, на Англию в этом вопросе нельзя было положиться, что снижало ресурсный потенциал Антанты. Позиция Германии стала более внятной, Г. Вангенхайм скорректировал свою позицию, так как понял, что надо и не допустить доминирования России в проведении реформ, но при этом жесткостью и категоричностью не оттолкнуть армянское население [16, р. 19]. В своем донесении рейхсканцлеру Бетману Гольвегу он высказывал опасения по поводу распространения среди армян информации о возражениях Германии против реформ, что делало образ России более привлекательным и дружелюбным [7].

В силу неудач Турции в балканских войнах, зависимость от поддержки Германии только усиливалась. С наибольшей очевидностью это выявилося в 1913 году, когда Лиман фон Сандерс, немецкий генерал, возглавил процесс реорганизации турецкой армии. Военные миссии Германии присутствовали в стране ранее, но с этого момента фон Сандерс возглавлял самый боеспособный 1 корпус турецкой армии в Константинополе. С. Д. Сазонов сетовал в своих мемуарах по поводу способа действий Германии, так как он противоречил заверениям канцлера и мешал упрочнению европейского мира [7]. Таким образом, Германия контролировала положение и в турецкой армии, и в проливах. Это осложнило продвижение на пути к реформам, однако, Германия должна была включиться в процесс разработки с целью не дать усилиться в этом деле России [12].

Несговорчивость турецкой стороны вынуждала обращаться к немецким властям в надежде на посредничество и оказание на Порту давления. Для Сазонова С. Д. сложившаяся ситуация оказалась драматичной в свете надежд, которые он питал после неформального общения с германским канцлером в Берлине Т. Бетманом-Гольвегом. Российский министр был уверен, что урегулировал вопрос на личностном уровне. Немецкий кабинет дал согласие на совместную выработку проекта реформ русским и германским послами в Турции [12].

В сентябре 1913 года поверенный в делах в Германии Броневский сообщал, что в Константинополе послы условились готовить к принятию «программы реформ Великого Везира» [6]. 10 сентября 1913 г. М. Гирс и Г. Вангенхайм составили совместный проект реформ для Западной Армении, включавший 6 пунктов [2]. Россия вынуждена была согласиться на ряд уступок, в том числе и на деление Западной Армении на два сектора, которые возглавлялись инспекторами из европейцев, что предусматривалось еще Берлинским трактатом. Германия приняла равное национальное представительство. Достигнутый компромисс был только первым шагом. Проект был составлен, но его надо было лоббировать в политических кругах Порты. По мнению С. Д. Сазонова, реально берлинский кабинет и немецкий посол ничего не сделали для дальнейшей поддержки проекта, в итоге он превратился в русско-турецкое соглашение по причине самоустранения от проведения реформ, как канцлера, так и посла [12]. Вероятнее всего, в таком суждении он опирался на донесения российского дипломатического корпуса, прежде всего М. Н. Гирса. При этом, У. ван дер Дассен показывает переговоры с Портой в несколько другом ракурсе. В декабре 1913 г. Вангенхайм и Гирс провели переговоры с Великим Визирем, и тот даже согласился на назначение двух европейских инспекторов, а не советников, что означало большую широту их полномочий. Окончательное соглашение было в пределах досягаемости, но затормозила его именно позиция российского посла. Он потребовал, чтобы кандидатуры инспекторов под-

бирались именно державами. Это случилось накануне ухода Гирса в отпуск. На время отпуска его сменил поверенный в делах К. Н. Гулькевич, которого и Германия, и Англия, и даже армянский патриарх просили завершить переговоры. Соглашение было подписано в феврале 1914 г., германская сторона действительно его не подписывала, а только К. Н. Гулькевич и Визирь с министром иностранных дел с турецкой стороны [16, р. 23].

Договоренности, достигнутые в Берлине С. Д. Сазоновым с канцлером Т. Бетманом-Гольвегом, в итоге не имели решающего значения не только в силу незаинтересованности Германии в разрешении армянского вопроса по российскому сценарию. В мемуарах С. Д. Сазонов обращает внимание на следующую сторону немецкой политики в Турции: император Вильгельм II объявил себя покровителем ислама. Исходя из этой установки, немецкие послы в Константинополе стремились к максимальному престижу в глазах турецкого правительства и дистанцировались от остального дипломатического корпуса. Сложность работы по согласованию проекта реформ была следствием не только расхождения интересов держав. С. Д. Сазонов отмечал, что германские послы сводили общение с послами других государств к минимуму. Технически совместная работа над проектом при таких организационных условиях успешной быть не могла. По прошествии многих лет, работая над мемуарами, он приходит к выводу, что подчинение посла в Турции барона Вангенхайма канцлеру Германии было относительным, невзирая на знаменитую немецкую дисциплину.

Когда встал вопрос об отборе кандидатов на посты двух иностранных инспекторов, начались интриги при определении делегирующих государств. Инспекторы контролировали во вверенных им секторах администрацию, суд, полицию, жандармерию, кроме того, разрешение земельных конфликтов осуществлялось под их руководством. Сам процесс поиска оказался затруднен соперничеством держав, с одной стороны, и желанием Турции сохранить остатки суверенитета, с другой. Компромиссом стало решение, что инспекторы должны быть из второстепенных европейских держав, не входящих в Тройственный союз и Антанту. Далее начались разногласия в связи с уточнением стран: Англия предпочла бы голландских инспекторов, но сильно не настаивала, полагая, что Германия и Россия сами решат; Германия видела на этих должностях голландца или швейцарца, Франция предложила двух норвежцев: Хоффа (генерального секретаря норвежского военного министерства) и Реймерса (советника норвежской дипломатической миссии в Париже); Россия предпочла бельгийских кандидатов и предложила генерал-майора Дегиза и бывшего вице-губернатора Бельгийского Конго Генри. В итоге фактический отбор осуществили Россия и Германия, и Порта получила на выбор пять кандидатов. Из предложенного списка турки свой выбор остановили на майоре норвежской армии Николаи Хоффе и голландце Луи Констане Вестененке [17, р. 26-28]. Что касается голландца, то его кандидатура Россию не устраивала. Бывший министр иностранных дел России, посол во Франции, А. П. Извольский пытался продавить бельгийскую кандидатуру, что вызвало возмущение Франции, которая поддерживала голландского инспектора [17]. Против бельгийского кандидата была и Порта, так как он был женат на дочери Нубар Паши, что турецкую сторону не устраивало [17, р. 33].

Луи Констан Вестененк вел дневник, в котором подробно изложил весь ход событий, связанный с выполнением им служебного долга генерального инспектора. До прибытия в Османскую империю он имел опыт службы в голландской Ост-Индии и имел незначительные представления о территориях, вверенных ему для управления.

Насколько реформа была наспех организованной, иллюстрируют трудности, с которыми пришлось столкнуться прибывшим в Османскую империю инспекторам. Турецкая сторона в лице Великого Визиря попросила приезд не афишировать, не участвовать в официальных встречах с послами. Таким образом, власти пытались сохранить лицо и скрыть от народа факт прибытия европейских контролеров [17, р. 41]. Посредником между прибывшими Вестененком и Хоффом выступил поляк по происхождению Леон Валериан Острог, который в тот момент занимал должность советника в правительстве Османской империи. 7 мая они прибыли к Талаат-паше, на встрече сразу возникли трудности с утверждени-

ем инструкций, очерчивающих круг полномочий иностранного инспектора. Черновик документа зачитывал Остророг, затем, невзирая на присутствие иностранцев, он и Талаат совещались на турецком. При этом у Вестененка и Хоффа не было возможности обстоятельно ознакомиться с текстом документа, что закономерно порождало ряд вопросов и уточнений: «Меня поразило то, что некоторые принципы были взяты из записки от 8 февраля¹, но что другие важные моменты упущены, среди прочего, речь идет о полках Хамидие. (Только потом я понял, какой деликатный момент затронул; во-первых, он касался вооруженных курдов, которых поддерживали турки и которые составляли большой противовес армянам; во-вторых, поскольку речь шла о реформе армии, следовательно, к ней имел непосредственное отношение знаменитый военный министр Энвер-паша)» [17, р. 49].

На вопрос о младших специалистах, которые должны быть в распоряжении инспекторов, Талаат-Паша ответил: «Зачем нам иностранные специалисты? Они не знают языка. Мы сами подберем кадры» [17, р. 49]. Для Вестененка оказалась полной неожиданностью необходимость торговаться по каждому пункту инструкции с турецкими руководителями. Этот факт наглядно показывает, насколько сырым был сам последний вариант проекта и то, что сам процесс организации был слабо проработан державами. Приближалась война и в данном контексте такая ситуация была закономерной. В итоге, инспекторы не смогли приступить к своим обязанностям из-за разгоревшейся войны, а младотурки реформу просто свернули.

Таким образом, последовательное изучение политики держав по поводу реформ в армянских областях Турции накануне Первой мировой войны показало, что они закончились сокрушительным провалом и геноцидом, который по сей день влияет на армяно-турецкие отношения. Наиболее последовательную позицию занимала Россия, так как была заинтересована в стабилизации положения в Турецкой Армении, примыкавшей к ее кавказским владениям. События в Турции, смена власти и Балканские войны открывали перспективы раздела наследия разваливающейся Османской империи. В этой связи вокруг армянских вилайетов не могло быть достигнуто компромисса, каждый участник событий имел свои представления о будущем всех турецких владений и старался не допустить усиления оппонентов. В реализации российского проекта по большому счету не были заинтересованы даже союзники по Антанте.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3733.
2. Гамбарян, А. (2015). *Армянский вопрос и великие державы в 1912-1914: политика Великобритании* URL: http://geopolitika.am/dir/wp-content/blogs.dir/1/files/2015_3_4_28_37.pdf (дата обращения: 21.11.2016).
3. *Геноцид.ру*. URL: <http://www.genocide.ru/enc/arm-question.htm> (дата обращения: 16.08.2021).
4. Мандельштам, А. Н. (1915). *Младотурецкая держава* // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Книга 5. С. 82-114.
5. Моргентхау, Г. (2010). *Трагедия армянского народа. История посла Моргентхау* / Пер. с англ. А. Ю. Фроловой. М.: Центрполиграф. 296 с.
6. Поверенный в делах в Германии Министру иностранных дел. Берлин 10/23 сентября 1913 года // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 94.

---

¹ Речь идет о «записке», которую Вестененк и Хофф получили перед приездом в Константинополь.

7. Посол в Константинополе (Вангенгайм) рейхсканцлеру (Бетману Гольвегу) // Геноцид армян. 1915-1916. Документы из политического архива Министерства иностранных дел Германии / сост. В. Густ. Ереван: Гракан Айреник, 2006. С. 9-10.
8. Посол в Турции Министру иностранных дел. Константинополь, 11 марта 1913 // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 25-26.
9. Посол в Турции Министру иностранных дел. 17 декабря 1912 года (доверительное письмо) // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 13-15.
10. Посол в Турции Министру иностранных дел. Константинополь. 19 июня/2 июля 1913 года // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 71.
11. Предварительный проект реформ, подлежащих введению в Анатолии, выработанный г. А. Мандельштамом (перевод) // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 61-69.
12. Сазонов, С. Д. *Воспоминания. Берлин, 1927.* URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (16.08.2021).
13. Шутова Н. Е (2006). *Армянский вопрос в российско-турецких отношениях (1911-1921 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03.* Владимир: ВГПУ. 197 с.
14. Ahsan I. (2017). *Butt The Ottoman Empire's Escalation from Reforms to the Armenian Genocide, 1908-1915 // Secession and Security*, Ithaca, NY: Cornell University Press. P. 125-162. <https://doi.org/10.7591/9781501713958-007>.
15. Commission des Reformes Armeniennes. Premiere Séance. 3 Juillet 1913 // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 191-200.
16. Van Derdussen William J. (1986). *The Question of Armenian Reforms in 1913-1914 // Armenian Review*. Volume 39. Number 1. P. 11-28.
17. Westenenk L. C. (1986). *Diary Concerning the Armenian Mission // Armenian Review*. Volume 39. Number 1. P. 28-89.

References

1. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii. Posol'stvo v Konstantinopole*. [Archive of the foreign policy of the Russian Empire]. Embassy in Constantinople. Op. 517/2. D. 3733. (in Russian).
2. Gambarjan, A. (2015). *Armjanskij vopros i velikie derzhavy v 1912-1914: politika Velikobritanii* [The Armenian Question and the Great Powers 1912-1914: British Policy]. URL: http://geopolitika.am/dir/wp-content/blogs.dir/1/files/2015_3_4_28_37.pdf (date accessed: 21.11.2016). (in Russian).
3. *Genocid.ru*. URL: <http://www.genocide.ru/enc/arm-question.htm> (date accessed: 16.08.2021). (in Russian).
4. Mandel'shtam, A. N. (1915). *Mladotureckaja derzhava* [Young Turkish state] in *Russkaja mysl'*, kniga 5, 82-114. (in Russian).
5. Morgentau, G. (2010). *Tragedija armjanskogo naroda. Istorija posla Morgentau* [The tragedy of the Armenian people. Ambassador Morgenthau's story]. Translated by A. Ju. Frolova. Moscow, Centrpoligraf Publ. (in Russian).
6. *Poverennyj v delah v Germanii Ministru inostrannyh del. Berlin 10/23 sentyabrya 1913 goda* (1915). Chargé d'Affaires in Germany to the Minister of Foreign Affairs. Berlin 10/23 September 1913 in Collection of diplomatic documents. Reforms in Armenia. November 26, 1912 - May 10, 1914. Petrograd: State Printing House, 94. (in Russian).

7. *Posol v Konstantinopole (Vangengajm) rejhskancleru (Betmanu Gol'vegu)* (2006). Ambassador to Constantinople (Wangenheim) to the Reich Chancellor (Betman Golweg) in Armenian Genocide. 1915-1916. Documents from the political archives of the German Ministry of Foreign Affairs / comp. V. Gust. Yerevan: Grakan Hayrenik, 9-10. (in Russian).

8. *Posol v Turcii Ministru inostrannyh del. Konstantinopol', 11 marta 1913* (1915). Ambassador to Turkey to the Minister of Foreign Affairs. Constantinople, March 11, 1913 in Collection of diplomatic documents. Reforms in Armenia. November 26, 1912 - May 10, 1914. Petrograd: State Printing House, 25-26. (in Russian).

9. *Posol v Turcii Ministru inostrannyh del. 17 dekabrya 1912 goda (doveritel'noe pis'mo)* (1915). Ambassador to Turkey to the Minister of Foreign Affairs. December 17, 1912 (confidential letter) // Collection of diplomatic documents. Reforms in Armenia. November 26, 1912 - May 10, 1914. Petrograd: State Printing House, 13-15. (in Russian).

10. *Posol v Turcii Ministru inostrannyh del. Konstantinopol'. 19 iyunya/2 iyulya 1913 goda* (1915). Ambassador to Turkey to the Minister of Foreign Affairs. Constantinople. June 19 / July 2, 1913 in Collection of diplomatic documents. Reforms in Armenia. November 26, 1912 - May 10, 1914. Petrograd: State Printing House, 71. (in Russian).

11. *Predvaritel'nyj projekt reform, podlehashchih vvedeniyu v Anatolii, vyrabotannyj g. A. Mandel'shtamom (perevod)* (1915). A preliminary draft of reforms to be introduced in Anatolia, developed by Mr. A. Mandelstam (translation) in Collection of diplomatic documents. Reforms in Armenia. November 26, 1912 - May 10, 1914. Petrograd: State Printing House, 61-69. (in Russian).

12. Sazonov S. D. *Memories*. Berlin, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (16.08.2021). (in Russian).

13. Shutova, N. E. (2006). *Armjanskij vopros v rossijsko-tureckih otnoshenijah (1911-1921 gg.)* [The Armenian Question in Russian-Turkish Relations (1911-1921)]. (doctoral dissertation abstract). Vladimir, VGPU Publ. (in Russian).

14. Ahsan I. (2017). *Butt The Ottoman Empire's Escalation from Reforms to the Armenian Genocide, 1908-1915 // Secession and Security*, Ithaca, NY: Cornell University Press. P. 125-162. <https://doi.org/10.7591/9781501713958-007>.

15. Commission des Reformes Armeniennes. *Premiere Séance. 3 Juillet 1913 // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914*. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 191-200.

16. Van Dersussen William J. (1986). *The Question of Armenian Reforms in 1913-1914 // Armenian Review*. Volume 39. Number 1. P. 11-28.

17. Westenek L. C. (1986). *Diary Concerning the Armenian Mission // Armenian Review*. Volume 39. Number 1. P. 28-89.

Долгих А. Н.
(Липецк)

УДК 947.071+947.02

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Проблема соотношения понятия «собственность» (или «частная собственность») с ситуацией в России в дореформенный период является недостаточно изученной в историографии. Нет определенного мнения в ней о времени появления самого этого понятия в общественно-политической жизни Российской империи, о том, что считали тогда, особенно начиная примерно с середины XVIII столетия, движимой, а что недвижимой собственностью (особенно в деревне), как воспринималось в законодательстве и на практике владельческое (помещичье) крестьянство в этом контексте – как движимая или недвижимая собственность землевладельцев-дворян, имели ли сами владельческие крестьяне в тот период права на движимую или недвижимую собственность. Для изучения проблемы автором привлечены многочисленные материалы дворянских проектов решения крестьянского вопроса, опубликованные им в ряде сборников документов, а также данные законодательства, мемуаристики и др. При этом в самом исследовании использована напрямую лишь часть их. Привлечены материалы дореволюционной, советской и современной отечественной историографии, а также некоторые исследования иностранных историков, связанные с данной проблематикой. В результате анализа источников, литературы и материалов собственных изысканий автор для начала ставит вопросы, предлагая в ряде случаев определенные промежуточные их решения, обращая внимание на необходимость выработки историками определенного консенсуса в отношении использования в данном контексте некоторых понятий, так как материалы законодательства и его реализации в практической жизни дореформенного времени дают возможность разной их трактовки. Работа является в определенном смысле продолжением авторских изысканий об основных составляющих крепостного права в России в последние 1,5 столетия перед крестьянской реформой 1861 г.

Ключевые слова: собственность, движимое имущество, недвижимое имущество, крепостное право, крестьянский вопрос, российское самодержавие.

The problem of the correlation of the concept of «property» (or «private property») with the situation in Russia in the pre-reform period is insufficiently studied in historiography. There is no definite opinion about the time of the appearance of this concept in the socio-political life of the Russian Empire, about what was considered movable and immovable property (especially in the countryside) then, especially since about the middle of the XVIII century, how the owner (landowner) peasantry was perceived in legislation and in practice in this context – as movable or immovable property of landowners-nobles, whether the owner peasants themselves at that time had rights to movable or immovable property. To study the problem, the author draws on numerous materials of noble projects for solving the peasant question, published by him in a number of collections of documents, as well as data on legislation, memoirs, etc. At the same time, only a part of them is directly used in the study itself. The materials of pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historiography, as well as some studies of foreign historians related to this issue, are drawn. As a result of the analysis of sources, literature and materials of his own research, the author first raises questions, offering in some cases certain intermediate solutions, drawing attention to the need for historians to develop a certain consensus on the use of certain concepts in this context, since the materials of legislation and its implementation in the practical life of the pre-reform time allow for different interpretations. The work is in a certain sense a continuation of the

author's research on the main components of serfdom in Russia in the last 1.5 centuries before the peasant reform of 1861.

Keywords: property, movable property, immovable property, serfdom, the peasant question, the Russian autocracy.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-61-71

Настоящее исследование является продолжением нашего изучения основных составляющих крепостного права в России в последний период его существования [9]. При этом одной из важных проблем в изучении крестьянского вопроса в России в дореформенный период является вопрос о точной квалификации правового положения владельческих крестьян, в частности, о том, считать ли их для той поры движимым или недвижимым имуществом, а также о том, могли ли они сами владеть движимой или недвижимой собственностью. Данная проблема недостаточно исследована в исторической науке [12, с. 556].

Являлись ли владельческие крестьяне недвижимым или движимым имуществом? Для начала важно определить, когда они вообще стали имуществом дворянства, его собственностью. Е. В. Анисимов полагал, что уже после Соборного уложения 1649 г. закрепостительная политика «метила общим клеймом бесправия и вечной зависимости как крестьян, так и холопов», а к концу XVII в. владельческие крестьяне были «собственностью разных владельцев». Б. Н. Миронов считал, что в связи с оформлением крепостного права в середине XVII в. дворянство получило «в собственность поместья и крепостных». Однако он же указывал на то, что при Петре I помещики «расширили свои права над крепостными, почти превратив их в свою крещеную собственность», а при Екатерине II все ограничения на право дворянства на частную собственность («землю, крепостных и все прочее движимое и недвижимое имущество») «были упразднены», за исключением права «экспроприации частной собственности для государственных потребностей в исключительных случаях и при условии компенсации», которым «государство не злоупотребляло...» По мнению авторов-составителей издания «Российское законодательство X-XX вв.», уже в XVIII в. положение частновладельческих крестьян превратилось «в нечто похожее на рабство» [1, с. 138, 150; 26, т. 1, с. 381; т. 2, с. 134; 30, т. 5, с. 17].

Американский историк Р. К. Мэсси полагал, что в середине XVIII в. «большинство русских крепостных стали собственностью своих владельцев, их имуществом и, по сути, рабами», а прикрепленные к земле крестьяне «рассматривались хозяевами как частная собственность, которую можно было продать отдельно от земли». А американская исследовательница вопроса Е. А. Правилова отмечала, что основы современной системы собственности «были положены в царствование Екатерины II, которая, подтвердив свободу дворян от бремени обязательной службы, закрепила неприкосновенность частной дворянской собственности». При этом ее введение было подано не как реализация норм естественного права, а как «щедрый жест просвещенного монарха», в определенной степени связанный с проведением в жизнь модных тогда идей некоторых физиократов, провозглашавших «ценности экономического индивидуализма» и отрицавших одновременно «связь между собственностью и политическими правами». Подобные действия императрицы не влекли за собой «социальных рисков для существования патриархального строя», будучи одновременно «заведомо выигрышным политическим и риторическим ходом», укреплявшим ее положение. Однако реально «с уничтожением обусловленной служением собственности на землю государство потеряло право претендовать на верховное право собственности, тем самым позволив окончательно превратить крестьян в имущество владельцев» [27, с. 337; 29]. Вообще говоря, по нашему мнению, о собственности (частной собственности в принципе) в России можно говорить лишь с 1785 г. (с Жалованной грамоты) – о дворянской, а с 1801 – в полной мере и о собственности вообще (в том числе на землю) государственных крестьян, мещан,

купцов и др., исключая владельцев крестьян. До той поры монархи всегда могли ее отобрать.

При этом еще Екатерина II затруднялась определить, движимым или недвижимым имуществом помещиков являются крепостные. Так, в одном из проектов 1780-х гг. она отмечала: «Недвижимое есть земля, деревня, дом, завод, мельница, строение, усадьба. Недвижимая есть земля пахотная, луга, сенокосы, выгоны, леса, кустарники, болоты, огород, сады, река, речка, ручеек, озеро, пруды, колодец. Движимое есть деньги, алмазы, домашней всякой скарб, животные». Есть также неясность в трактовке проблемы в «Жалованной грамоте дворянству». Показательно, что, анализируя понимание императрицей этого вопроса, А. Б. Каменский так и не пришел к определенному выводу: «Два перечня объектов недвижимости отличаются друг от друга тем, что в одном перечислены земли со строениями на них и сами строения, а в другом – незастроенные земли. Если бы императрица рассматривала крестьян как один из вариантов недвижимого или движимого имущества, она должна была указать их отдельно. Другое дело, что на практике покупка деревни означала и покупку крестьян...». По словам Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, «ни в одном из основных документов XVIII в., касавшихся сословных прав дворян, их взаимоотношения с крепостными крестьянами не получили отражения. Вопрос этот решался только через положение о праве дворян на владение населенными имениями, деревнями». Но в 9-м томе «Свода законов» 1832 г. все же в разделе о дворянстве содержалась статья о том, что «потомственное дворянство может приобретать законным способом все роды движимых и недвижимых имуществ, не исключая и крепостных людей», а в ст. 571-663 были «зафиксированы взаимные права и обязанности владельцев поместий и крепостных» [3, с. 91-92, 154-156, 177-179, 188, 197-198, 201-204; 12, с. 123; 17, с. 353, 445].

Мнения в историографии по данной проблеме можно разделить на несколько групп. Авторы первой из них не вдаются в тонкости проблемы, а просто представляют объем прав помещиков на владельческих крестьян, определяя пределы власти первых над последними и именуя положение последних «рабством». Вот что писал об этом английский путешественник У. Кокс, в 1778 г. посетивший Россию: «В силу власти, дарованной помещику древними законами, он может судить своих крепостных или подвергнуть какому угодно наказанию, кроме кнута; может высечь, запереть в тюрьму, отправить в исправительный дом или сослать в Сибирь... Правда, помещик не властен над жизнью своего крепостного... но если последний умрет от розог, то кто же осмелится привлечь помещика к суду, особливо, если он человек влиятельный?» [6, с. 282-286; 15, с. 125; 23, с. 88; 30, с. 86; 32, с. 45].

Известную характеристику положения владельческих крестьян дал А. Н. Радищев в записке, датированной 1800 – началом 1801 гг.: «Если мы рассмотрим состояние земледельца в подробности, то... его отношения и обязанности состоят против его господина: 1. Сей может его продать оптом или по-дробно, не шуткою сие сказано: ибо сия по-дробность может быть такова, что дочь от матери, сын от отца и, может быть, жена от мужа продается... 2. Господин может его заставить работать, сколько хочет... 3. Господин может его наказывать по своему усмотрению, он судия его и исполнитель своих приговоров. 4. Господин есть господин его имения и детей его, дает и отъемлет по своей воле. 5. Распоряжает браками и спаряет, как хочет; следовательно, земледелец есть раб в сем отношении совершенно». При этом, как полагал Б. Н. Миронов, «наблюдения Радищева большей частью верны, но они отражали, скорее, злоупотребления, чем правила». Помещичьи крестьяне, по его мнению, не были «мертвы в законе»: каждодневная их жизнь «в большинстве своем проходила в рамках обычного права», в гражданских делах между собой и в мелких уголовных делах они «судились крестьянским судом также по обычному праву», которое «защищало крестьян лучше, чем закон...» [19, т. 1, с. 24-25; 25, с. 541-542].

Проблема по-разному рассматривается в историографии: употребление понятия «рабство» применительно к владельческим крестьянам дореформенной эпохи объясняется и реальным их положением, и позицией того или иного автора. По словам В. О. Ключевского,

законодательство XVIII в. «совсем не касалось важного вопроса о пределах власти помещика над имуществом крестьянина, как и над его трудом. В XVII в. закон, по-видимому, ясно определял «животы» крестьян, т.е. инвентарь крестьянина, как совместную собственность его с землевладельцем». Это положение держалось обычаем и не было закреплено «точным законом». Но в XVIII в. «обычай стал колебаться, и законодательство должно было бы переделить границы, до которых идет власть помещика на имущество крестьянина и с которых начинается право последнего; но законодательство этого пробела не восполнило». При этом оно обязывало «помещиков кормить крепостных в голодные годы и снабжать их семьями», что и привело к утверждению в помещичьей среде того взгляда, «что за крестьянином государство признает только труд, а собственность крестьянина создается и поддерживается землевладельцем». Исходя из той же логики, соединение в одной категории прежних крепостных с холопами должно было продвинуть этот взгляд и далее. О «фактическом рабстве» владельческих крестьян уже к рубежу XVIII-XIX вв. писал Л. В. Милов [18, с. 125-126; 20, т. 1, с. 251, 254, 278, 299; т. 2, с. 13; 24, с. 553].

Вторая точка зрения представлена мнением правоведа И. А. Исаева, считавшего, что, например, в Жалованной грамоте дворянству «владельческие крестьяне не выделялись из состава недвижимого дворянского имущества». Само появление понятия «недвижимость» он связывал с указом 1714 г. о единонаследии. В XVIII в. основанием крепостного права считалась не личная, а поземельная зависимость крестьян. По словам С. В. Черникова, в первой трети XVIII в. вопрос, к какой категории имущества относились люди и крестьяне, решался «весьма нечетко». Проект уложения 1720-1725 гг. рассматривал их как «недвижимое», т.е. под терминами «вотчина» и «поместье» в ту пору «подразумевалось имение как единый территориально-хозяйственный комплекс, в то числе поселенные в нем крепостные». В других проектах Уложения (1731, 1738-1739) «дворовые люди и крестьяне с землею и без земли» отнесены были к недвижимому имуществу»; в ту пору «четкая дифференциация имения на движимое и недвижимое» еще не сложилась. В 1762 г. были признаны недвижимым имуществом заводы, фабрики, мануфактуры, а также земли, леса, «люди и крестьяне... к тому принадлежащие». В любом случае последние не были отнесены к движимому имуществу. Отметим, что Н. А. Иванова и В. П. Желтова считали, что «крестьяне и дворовые люди являлись объектом» права, «частью недвижимой собственности помещика, которая передавалась по наследству» [12, с. 571; 14, с. 303, 344, 346; 37, с. 46-48].

Следует иметь в виду и третью точку зрения, представленную позицией Ю. А. Титова, который отмечал применительно к первой половине XIX в., что «помещики распоряжались крестьянами как своей собственностью», при этом в 10-м томе «Свода законов Российской империи» «крепостные крестьяне причислялись к движимому имуществу» [15, с. 169]. Критерием этого является особенно фактор продажи крестьян без земли, что является признаком движимого имущества (налицо отступление от нормального, если так можно выразиться, крепостного права). Возможно, именно по этой причине продажа людей без земли и воспринималась как извращение крепостничества даже в глазах консервативных его идеологов, хотя была признана властями, пусть и пытавшимися ее ограничить или ликвидировать. Один из авторов дворянских проектов решения крестьянского вопроса – некий Крюков (1818 г.) – утверждал, что «рабство или крепостное право» собственно есть «право продажи и заклада людей» [7; 8, с. 209-247; 20, т. 1, с. 203, 205, 208, 212, 221, 232, 239, 241, 277, 279-285, 304-308, 352; т. 2, с. 7, 13-14, 112, 117-118, 125, 128-129, 134-138, 158-159, 162-164, 173]. С этой точки зрения ограничения продажи людей без земли означали на деле изменение их статуса в данном смысле. По крайней мере, об этом можно говорить в постановочном плане.

Наконец, имеет место в литературе и точка зрения, до некоторой степени соединяющая обе последние – это позиция М. М. Сперанского, изложенная в записке (1827 г.) Комитету 6 декабря 1826 г. По его мнению, «крестьяне, равно как и земля, на коей они живут,

принадлежат помещику. Земля составляет недвижимое его имущество, а крестьяне суть имущество его движимое... И хотя сие движимое имущество в ревизии приписывается к недвижимому, к деревне и к земле, но как земля без крестьян, так и крестьяне без земли могут быть проданы, заложены, переселены, во двор взяты и даже в ссылку, по воле помещика, за проступки их, без суда, могут быть сосланы» [20, т. 2, с. 185]. Действительно, представляет трудность однозначное определение статуса владельческих (помещичьих) крестьян в этом отношении, что нашло отражение и в правительственных документах, и в глазах современников и потомков.

Право владельческих крестьян на недвижимое и движимое имущество. Судя по всему, на протяжении всего дореформенного периода владельческие крестьяне не имели прав на недвижимое имущество. Данное обстоятельство в историографии споров не вызывает. Так, из выступления Я. П. Козельского в Уложенной комиссии в 1768 г. явствует, что такого права владельческие крестьяне до той поры не имели. Как указывал В. И. Вешняков, «по духу Уложения и всего последующего законодательства нашего до императора Александра I право поземельной собственности принадлежало одному высшему сословию» [5, с. 3; 13, с. 651; 34, ст. 664]. В этой связи не стоит воспринимать всерьез заявление В. Н. Каразина из записки 1816 г. о том, что «земля есть собственность народа наравне с помещиками; сии два состояния всегда жили у нас одно для другого, и общего права на владение землею никогда не оспаривал закон». Вместе с тем, в этих словах есть и определенный резон, если их сопоставить с мнением Е. Ф. Канкринина 1818 г., предлагавшего в своем плане освобождения крестьян в качестве одной из первых мер провозглашение Сенатом положения о том, что «в существующих у нас постановлениях нет закона, воспрещающего крепостным людям приобретать собственность», в том числе и недвижимую. По словам И. Д. Якушкина, относящихся к крестьянам владельческим (в записке, датируемой 1819-1820 гг.), собственность их «в России состоит не в земле, ибо она везде общая, но в имуществах, состоящих в дворах их» [20, т. 1, с. 275; т. 2, с. 20, 125].

Но, по словам авторов книги «Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв.», помещичьи крестьяне, в отличие от государственных, «были лишены возможности распоряжаться надельной землей, производить разделы, а указ 1769 г. гласил, что все «владельческие земли» принадлежат «собственно владельцам, а не поселенным на них крестьянам». Покупать землю или другие виды недвижимого имущества, за исключением домов в городах, крестьянин мог только на имя помещика. Кроме того, крестьянское имущество наследовалось лишь по мужской линии, а также по согласованию с помещиком, – иначе оно признавалось выморочным. Очевидно, что владельческие крестьяне не имели права на недвижимую собственность, что подтверждают дополнительно материалы Комитетов 1839-1842 гг. и 1846 г. [30, с. 85-86; 33, с. 131, 180-181].

Что же касается вопроса о праве крепостных на движимое имущество, то и здесь существуют разногласия в его интерпретации. Так, еще в 1765 г. лифляндский генерал-губернатор Ю. Ю. Броун по приказанию Екатерины II высказал местному ландтагу «неудовольствие» императрицы по поводу «тиранской жестокости» помещиков, обратив внимание на «отсутствие у крестьян права собственности на движимое имущество...». В выступлении Я. П. Козельского 1768 г. в Уложенной комиссии указывалось на подобное обстоятельство: автор предполагал ввести подобное разрешение для крестьян «с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были никому продать, ни заложить» его, «а владели бы сами потомственно» (это касалось и недвижимости). В одном из проектов «Грамоты российскому народу» 1801 г. в ст. 12 указывалось: «Буде случится, что за какой-либо иск, или как бы то ни было, имение поселянина подлежать будет описи, конфискации или отъятию, то все земледельческие орудия и все, к ремеслу его принадлежащее, как-то: соха ли плуг, борона, коса, телега и тому подобное, лошади, волы, житницы с семенным хлебом, овин или рига и другие земледельческие строения, к званию земледельца относящиеся, не должны служить у него быть отъяты ни под каким видом...».

Очевидно, что этот текст-новелла в законодательстве подтверждает отсутствие подобной защиты движимого имущества крепостных в ту пору.

По словам экономиста начала XIX в. М. А. Балугьянского, в условиях крепостного права «земля со всеми произведениями и принадлежностями составляет собственность господина... Крепостной человек не имеет никакой собственности. Не ему принадлежит дом, в коем он живет, скот, который он содержит, одежда, которую он носит, хлеб, которым он питается; даже и сам он не себе принадлежит». Приведем одну из записей А. И. Тургенева того же времени: «Русский мужик с молоком матерним всасывает в себя чувство своего рабства, мысль, что все, что он ни выработает, все, что он ни приобретет кровию и потом своим – все не только может, но и имеет право отнять у него его барин» [2, с. 292; 4, с. 38-39; 13, с. 651; 17, с. 402; 20, т. 2, с. 167; 35, с. 17-18]. В материалах Секретного комитета 1835 г. имеется упоминание того, что применительно к конфискованным у мятежных поляков и раздаваемых российским дворянам имениям за крестьянами в них «признавались права собственности на движимое имущество», что косвенно подтверждало для Юго-Западного края существовавшее положение о непризнании ранее такого права у владельческих крестьян региона. О схожих явлениях говорилось и в материалах Комитетов 1839–1842 г. и 1846 г. [33, с. 109, 131, 180-181].

Но существовало и негласное правило, по которому помещики на движимое имущество крестьян обычно не посягали. Так, в известном «Наказе» Уложенной комиссии Екатерины II первоначально было сказано: «Все движимое имение принадлежит им собственно», т.е. крестьянам, что косвенно означало признание отсутствия права крепостных на движимость. Но это положение не вошло в практику, хотя императрица и высказывалась в том смысле, что необходимо «для облегчения судьбы крепостных крестьян считать собственностью крестьян их движимое имущество и личные приобретения». В проекте канцлера А. А. Безбородко (датируемом 1798-1799 гг.) отмечено, что «движимость всякая составляет неотъемлемую собственность крестьянскую, а денежные капиталы не могут помещиками более обременены быть, как то, что государь с капиталов купеческих себе получает». В проекте неизвестного автора (1814-1815 гг.) сказано, что «обычай обеспечивает собственность» крепостных, «а «движимая собственность крестьянина переходит к его детям; никогда не было примера, чтобы господин хотел ее присвоить».

В 1818 г. помещик С. М. Кочубей создал проект для управления имением, где в § 118 говорилось, что «посуда и одежда суть вещи, в известной пропорции необходимые крестьянину», но в § 119 было сказано о том, что, «хотя крестьянин есть совершенный владелец сей его движимости, но для пользы его необходимо иногда воспретить ему продавать или сбывать необходимое из сих вещей». Комментируя данное положение, Н. Н. Новосильцев отмечал, что и в Великороссии «никто из помещиков не осмелится столь самопроизвольно распоряжаться движимою собственностью крестьян без того, чтобы не произвести между ними общего ропота и... не подвергнуть жизни своей опасности». В этих словах нет и намек на законодательное запрещение помещикам отнимать у крестьян движимое имущество. В проекте неизвестного автора (1829-1830 гг.) предлагается даровать крепостным право движимой собственности, «какое правило, впрочем, давно в практике признается». Однако в записке Е. Ф. Канкринна 1827 г. резонно замечено, что «разум нашего законодательства дает, однако, крестьянам право движимой собственности. Сие доказывается, например, постановлением о вольных хлебопашцах, выкупающих себя за деньги». На деле получалось по-разному, хотя обычно помещики все же не претендовали на движимое имущество крестьян (понятие о котором выглядит неопределенным) [19, т. 3, с. 102, 196; 20, т. 1, с. 340, 344; т. 2, с. 28, 36, 205; 21, с. 35].

По словам историка права Н. П. Дружинина, «крепостные крестьяне не являлись субъектами имущественных прав». По мнению Ф. М. Морозова, «помещичьи крестьяне... не имели права собственности даже на свое движимое имущество», а отсутствие этого права «являлось одной из особенностей крепостного строя в России, сближавшей его с

рабством». Косвенно об этом же говорили проекты Д. А. Голицына («... право собственности на движимое имущество – вот что необходимо в настоящее время»), А. Я. Поленова («Я думаю, и не без причины, что собственность в движимом и недвижимом имении может почтяться за один почти и притом изрядный способ к ободрению и поправлению крестьянства» с предложением определения выкупной суммы за предоставление крестьянам права собственности на движимость), С. Е. Десницкого (большая часть крестьян «всех выгод лишена и потому не имеет ни малейшей собственности») и других мыслителей второй половины XVIII в.

В. Ф. Малиновский в 1802 г. отмечал, что крепостные «отчуждены... даже покровительства и обережения законов в рассуждении собственности...» В. Ф. Раевский в своем «Рассуждении о рабстве крестьян» (датируемом временем до февраля 1822 г.) отмечал, что крестьянин не уверен «в собственности приобретенного им имущества...» Об этом же писал штабс-капитан Н. И. Кутузов (1826 г.): «Помещичьи крестьяне... преданные, безусловно, воле помещиков, не могут быть уверены в безопасности имущества... ибо помещик имеет все средства похитить все принадлежащее земледельцу...» Значит, указанные авторы придерживались мнения об отсутствии у владельческих крестьян права на движимую собственность.

Исследователь В. В. Орешкин указывал, что во второй половине XVIII в. «крепостной крестьянин не имел в собственности ни земли, ни движимого имущества...». П. А. Зайончковский полагал, что владельческие крестьяне «не обладали правом собственности как в отношении недвижимого, так и движимого имущества». Авторы издания «Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв.» считали, что в отношении прав помещичьих крестьян на движимое имущество ситуация была неоднозначной. Права помещика на него вроде бы не оспаривались, но «даже движимое имущество могло быть отобрано «за провинности» крестьянина или в уплату долгов помещика». По мнению И. А. Исаева, имущественные права владельческих крестьян «были ограничены необходимостью получать разрешение помещика (в отношении распоряжения и наследования движимого имущества)». По словам испанской исследовательницы И. де Мадариаги, «правовой статус движимого имущества крепостного (домашний скот, орудия труда, хозяйственная утварь, деньги) зависел от каприза помещика». Отметим и позицию Б. Н. Миронова: «По обычаю, помещичьи крестьяне вполне распоряжались своим движимым имуществом». И все же «некоторые помещики, в особенности попадавшие в серьезные материальные затруднения, игнорировали обычай. Закон в таких случаях стоял на их стороне» [10, с. 26; 11, с. 25; 14, с. 347; 16, ч. 1, с. 455, 528, 536, 541-542, 553, 555, 557, 580-582, 641, 654-655; ч. 2, с. 7-8; 20, т. 1, с. 212, 219; т. 2, с. 143-144, 181; 22, с. 161; 26, т. 1, с. 392; 28, с. 59, 64-71, 73, 76; 30, с. 85-86].

Итак, как и первый сюжет, второй также выглядит неоднозначно, причем и на практике, и в законодательстве. В заключение отметим, что наше небольшое исследование имело своей целью выделить серьезные «прорехи» в существующей историографии по данной проблеме и, не разрешая окончательно ее, одновременно обозначить саму сложность и некую неопределенность правового положения владельческого крестьянства в дореформенную эпоху.

Список источников и литературы

1. Анисимов, Е. В. (1982). *Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг.* Л.: Наука, Ленинградское отделение. 296 с.
2. Архив братьев Тургеневых. Т. 1. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1911. XXXII, 512 с.
3. Ахиезер, А. С., Клямкин И. Н., Яковенко И. С. (2008). *История России: конец или новое начало?* /2-е изд., испр. и доп. М.: Новое изд-во. 464 с.

4. Балугьянский, М. А. (1806). *Изображение различных хозяйственных систем* // Статистический журнал. Т. I. Ч. 2. С. 33-70.
5. Вешняков, В. И. (1858). *Крестьяне-собственники в России: Историко-статистический очерк*. СПб. 2, 134 с.
6. Владимирский-Буданов, М. Ф. (1995). *Обзор истории русского права*. М.: Наука. 640 с.
7. Долгих, А. Н. (2011). *Вопрос о продаже людей без земли в политике и законодательстве Российской империи в 1830-1840-е гг.* // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2 (5). С. 10-16.
8. Долгих, А. Н. (2006). *Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв.*: в 2 т. Т. 1. Липецк: ЛГПУ. 311 с.
9. Долгих, А. Н. (2019). *О хронологических рамках и этапах развития крепостного права в России* // История: факты и символы. № 3 (20). С. 33-42.
10. Дружинин, Н. П. (1897). *Юридическое положение крестьян: исследование*. СПб. V, 385, 7 с.
11. Зайончковский, П. А. (1968). *Отмена крепостного права в России*. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение. 368 с.
12. Иванова, Н. А., Желтова, В. П. (2010). *Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в)*. М.: Новый хронограф. 752 с.
13. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: в 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. И. Я. Щипанова. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1952. 712 с.
14. Исаев, И. А. (2003). *История государства и права России: Учебник*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист. 767 с.
15. *История государства и права России* (2001): Учебник / Под ред. Ю. П. Титова. М.: Проспект. 544 с.
16. *История русской экономической мысли. Эпоха феодализма (1955-1958)*. В 2 т. / Под ред. А. И. Пашкова. М.: Соцэкгиз. Т. 1. Ч. 1. 755 с.; Т. 1. Ч. 2. 871 с.
17. Каменский, А. Б. (1999). *От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа)*. М.: РГГУ. 576 с.
18. Ключевский, В. О. (1989). *Курс русской истории* // Сочинения: в 9 т. Т. 5. М.: Мысль. 477 с.
19. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX в.: власть и общество. Сборник документов: в 4 т. / Сост. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2008. Т. 1-360 с.; Т. 3-368 с.
20. Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): дворянское общество и власть. Сборник документов: в 2 т. / Подготовка материала, вводная статья и комментарии А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. Т. 1-364 с.; Т. 2-322 с.
21. Леонтович, В. В. (1995). *История либерализма в России. 1762-1917* / Пер. с нем. И. Иловайской. М.: Русский путь: Полиграфресурсы. 549 с.
22. Мадариага, И. де. (2002). *Россия в эпоху Екатерины Великой* / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение. 976 с.
23. Медушевский, А. Н. (2005). *Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI в*. М.: Наука. 639 с.
24. Милов, Л. В. (2006). *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН. 568 с.
25. Миронов, Б. Н. (2010). *Благосостояние населения и революции в имперской России*. М.: Новый хронограф. 911 с.
26. Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 1-549 с.; Т. 2-567 с.

27. Мэсси, Р. К. (2018). *Екатерина Великая. Портрет женщины* / Пер. с англ. Н. Нестеровой. М.: Издательство АСТ. 640 с.
28. Орешкин, В. В. (1963). *Вольное экономическое общество в России (1765-1917 гг.). Историко-экономический очерк*. М.: Акад. наук СССР. 195 с.
29. Правилова, Е. А. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX веков. URL: www.intelros.ru/readroom/nlo/135-2015/28316 (дата обращения: 29.01.2021).
30. *Развитие русского права во второй половине XVII-XVIII вв.* (1992) / С. И. Штамм и др. М.: Наука. 312 с.
31. *Российское законодательство X-XX веков* (1987-1988): в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридич. литература. Т. 5-528 с.; Т. 6-432 с.
32. *Россия сто лет назад. Путешествие У. Кокса (1778) (1877)*. / Перевод, предисловие и примечания Н. А. Белозерской // Русская старина. Т. 19. № 5. С. 23-52.
33. Ружицкая, И. В. (2015). *Законодательная деятельность в царствование императора Николая I*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; СПб.: Институт Российской истории Российской Академии наук; Центр гуманитарных инициатив. 360 с.
34. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9. СПб., 1832. 5, 447 с.
35. Семевский, В. И. (1888). *Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.*: в 2 т. Т. I. СПб.. ЛШ, 517 с.
36. Тимофеев, Д. В. (2011). *Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в.* Челябинск: Энциклопедия. 456 с.
37. Черников, С. В. (2003). *Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII в.* Рязань: П. А. Трибунский. 348 с.

References

1. Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I Vvedenie podushnoj podati v Rossii 1719-1728 gg.* [The tax reform of Peter I Introduction of the poll tax in Russia 1719-1728]. Leningrad, Nauka Publ. (in Russian).
2. *Arhiv brat'ev Turgenevyh* (1911). [Archive of the Turgenev brothers]. Т. 1. Issue. 1. St. Petersburg, XXXII, 512. (in Russian).
3. Ahiezer, A. S., Klyamkin, I. N., Yakovenko, I. S. (2008). *Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo?* [History of Russia: the end or a new beginning?]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Novoe izd-vo. (in Russian).
4. Balug'yanskij, M. A. (1806). *Izobrazhenie razlichnyh hozyajstvennyh system* [Image of various economic systems] in *Statisticheskij zhurnal*, t. I, ch. 2, 33-70. (in Russian).
5. Veshnyakov, V. I. (1858). *Krest'yane-sobstvenniki v Rossii: Istoriko-statisticheskij ocherk* [Peasants-proprietors in Russia: Historical and statistical essay]. St. Petersburg, 2. (in Russian).
6. Vladimirskij-Budanov, M. F. (1995). *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
7. Dolgikh, A. N. (2011). *Vopros o prodazhe lyudej bez zemli v politike i zakonodatel'stve Rossijskoj imperii v 1830-1840-e gg.* [The question of selling people without land in the politics and legislation of the Russian Empire in the 1830-1840s.] in *Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vyp. 2 (5), 10-16. (in Russian).
8. Dolgikh, A. N. (2006). *Krest'yanskij vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samodержавиya v konce XVIII – pervoj chetverti XIX vv.*: в 2 т. [The peasant question in the internal policy of the Russian Autocracy at the end of the XVIII – first quarter of the XIX centuries: in 2 v.]. Т. 1. Lipetsk, LGPU. (in Russian).

9. Dolgikh, A. N. (2019). *O hronologicheskikh ramkah i etapah razvitiya krepostnogo prava v Rossii* [On the chronological framework and stages of the development of serfdom in Russia] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 3 (20), 33-42. (in Russian).
10. Druzhinin, N. P. (1897). *Yuridicheskoe polozhenie krest'yan: issledovanie* [The legal status of peasants: a study]. St. Petersburg, 385. (in Russian).
11. Zajonchkovskij, P. A. (1968). *Otmena krepostnogo prava v Rossi* [The abolition of serfdom in Russia]. Izd. 3-e, pererab. i dop. Moscow, Prosveshchenie Publ. (in Russian).
12. Ivanova, N. A., Zheltova, V. P. (2010). *Soslovnnoe obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Estate society of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Moscow, Novyy khronograf Publ. (in Russian).
13. *Izbrannye proizvedeniya russkih myslitelej vtoroj poloviny XVIII v.* (1952) [Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century] / General. ed. and entered. Art. I. Ya. Schipanova. T. 1. M.: Gospolitizdat, 712. (in Russian).
14. Isaev, I. A. (2003). *Istoriya gosudarstva i prava Rossii: Uchebnik* [A. History of the State and Law of Russia: Textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Yurist Publ. (in Russian).
15. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii: Uchebnik* (2001). [History of the State and Law of Russia: Textbook]. Pod red. Yu. P. Titova. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
16. *Istoriya russkoj ekonomicheskoy mysli. Epoha feodalizma.* (1955-1958). [History of Russian economic thought. The era of feudalism]. V 2 t., pod red. A. I. Pashkova. Moscow, Sotsekgiz. 1, 1; 1, 2. (in Russian).
17. Kamenskij, A. B. (1999). *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII century (experience of holistic analysis)]. Moscow, RGGU Publ. (in Russian).
18. Klyuchevskij, V. O. (1989). *Kurs russkoj istorii* [Course of Russian History] in *Sochinenija*, v 9 t., t. 5. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
19. *Krest'yanskij vopros v Rossii v konce XVIII – pervoj chetverti XIX v.* (2008). [The peasant question in Russia at the end of the 18th - first quarter of the 19th century: power and society]. Collection of documents: in 4 volumes / Comp. A. N. Dolgikh. Lipetsk: LGPU, T. 1-360.; T. 3-368. (in Russian).
20. *Krest'yanskij vopros v Rossii (1796-1830 gg.): dvoryanskoe obshchestvo i vlast'.* (2005). [The peasant question in Russia (1796-1830): noble society and power]. Collection of documents: in 2 volumes / Preparation of material, introductory article and comments by A. N. Dolgikh. Lipetsk: LGPU, 2005. T. 1-364; T. 2-322. (in Russian).
21. Leontovich, V. V. (1995). *Istoriya liberalizma v Rossii. 1762-1917* [History of liberalism in Russia. 1762-1917]. Perevod s nem. I. Ilovajskoj. Moscow, Russkiy put', Poligrafresursy Publ. (in Russian).
22. Madariaga, I. de. (2002). *Rossiya v epohu Ekateriny Velikoj* [Russia in the Era of Catherine the Great]. Perevod s angl. N. L. Luzheckoj. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian).
23. Medushevskij, A. N. (2005). *Proekty agrarnyh reform v Rossii: XVIII – nachalo XXI v.* [Projects of agrarian reforms in Russia: XVIII – beginning of the XXI century]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
24. Milov, L. V. (2006). *Velikorusskij pahar' i osobennosti Rossijskogo istoricheskogo processa* [Great Plowman and the peculiarities of the Russian historical process]. 2-e izd., dop. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
25. Mironov, B. N. (2010). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii* [The welfare of the population and the revolution in Imperial Russia]. Moscow, Novyy khronograf Publ. (in Russian).
26. Mironov, B. N. (1999). *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genезis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social history of Russia during the Empire period (XVIII-early XX century). Gene-

sis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law: in 2 v.]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1; 2. (in Russian).

27. Massey, R. K. (2018). *Ekaterina Velikaya. Portret zhenshchiny*. [Catherine the Great. Portrait of a woman]. Perevod s angljskogo N. Nesterovoj. Moscow, AST Publ. (in Russian).

28. Oreshkin, V. V. (1963). *Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo v Rossii (1765-1917 gg.)*. *Istoriko-ekonomicheskij ocherk* [Free economic society in Russia (1765-1917). Historical and economic essay]. Moscow, Akademiya nauk USSR. (in Russian).

29. Pravilova, E.A. «*Chastnaya sobstvennost'*» v yazykah rossijskogo obshchestva konca XVIII – nachala XIX vekov [«Private property» in the languages of Russian society of the late XVIII – early XIX centuries] URL: www.intelros.ru/readroom/nlo/135-2015/28316 (date accessed: 29.01.2021). (in Russian).

30. *Razvitie russkogo prava vo vtoroj polovine XVII-XVIII vv.* (1992). [The development of Russian law in the second half of the XVII-XVIII centuries]. S. I. Shtamm i dr. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

31. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t.* (1987-1988). [Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 v.]. Pod obshch. red. O. I. Chistyakova. Moscow, Legal literature Publ., 5-528; 6-432. (in Russian).

32. *Rossiya sto let nazad. Puteshestvie U. Koxa (1778)*. (1877). [Russia a hundred years ago. The Journey of W. Cox (1778)]. Perevod, predisloviye i primechanija N. A. Belozerskoj in *Russkaya starina*, 19, 5, 23-52. (in Russian).

33. Ruzhickaya, I. V. (2015). *Zakonodatel'naya deyatelnost' v carstvovanie imperatora Nikolaya I* [Legislative activity in the reign of Emperor Nicholas I]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow, St. Petersburg, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives Publ. (in Russian).

34. *Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj*. (1832). [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Emperor Nicholas Pavlovich]. SPb., 5, 447.

35. Semevsky, V. I. (1888). *Krest'yanskij vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX v.: v 2 t.* [The Peasant question in Russia in the XVIII and the first half of the XIX century: in 2 v.]. T. I. St. Petersburg. LIII. (in Russian).

36. Timofeev, D. V. (2011). *Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX v.* [European ideas in the socio-political lexicon of the educated Russian citizen of the first quarter of the XIX century]. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ. (in Russian).

37. Chernikov, S. V. (2003). *Dvoryanskie imeniya Central'no-Chernozemnogo regiona Rossii v pervoj polovine XVIII v.* [Noble estates of the Central Chernozem region of Russia in the first half of the XVIII century]. Ryazan, P. A. Tribunsky Publ. (in Russian).

Жиров Н.А.
(Елец)

УДК 947

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ПО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТЕРРИТОРИЙ БЫВШЕЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ¹

Изучение пространств фронтальной зоны является актуальным вопросом в современной отечественной и зарубежной историографии. В исторических реалиях XVI-XVII вв. зона русского фронта располагалась к югу от Москвы и простиралась на огромной площади лесостепной зоны, начиная с верховьев Дона и уходя глубоко в Степь. Со второй половины XVII столетия, благодаря созданию Белгородской черты, началось бурное освоение территории самой черты и прилегающих к ней территорий. Но реальный социально-экономический эффект от строительства этой линии защитных укреплений возник значительно позже, к рубежу XVIII-XIX вв. В нашей статье основной акцент сделан на информационных возможностях статистических источников первой половины XIX в. по социально-экономической истории региона Белгородской черты. В качестве объекта исследования была взята территория Елецкого уезда Орловской губернии, являвшаяся исторической частью района засечной черты. Исследование социально-экономических процессов на локальном уровне в широких хронологических рамках является перспективным направлением в современной исторической науке. Смещение исследовательских акцентов с фиксации фактического состояния процессов в определенное время в пользу изучения их исторической эволюции на протяжении длительного хронологического отрезка может помочь ученому по-новому взглянуть как на малоизученные, так и на хорошо известные факты. Методика исследования заключается в использовании, как традиционных методов, так и современных источниковедческих методик. В нашей статье описаны основные маркеры, при помощи которых будет проведена комплексная оценка социально-экономических изменений исследуемой территории на длительном хронологическом отрезке. По итогам работы был сделан вывод, что статистические источники первой половины XIX в. располагают широким спектром информационных возможностей по истории социально-экономических процессов, протекавших на территории уезда. Полученные сведения хорошо сочетаются с информацией массовых источников XVII-XVIII вв., не нарушая основных методологических принципов, а только расширяя возможности применения данного подхода в отношении иных территорий находившихся или граничивших с Белгородской чертой.

Ключевые слова: статистические источники, население, социально-экономические процессы, Елецкий уезд, Белгородская черта.

The study of the frontier zone spaces is an urgent issue in modern Russian and foreign historiography. In the historical realities of the XVI-XVII centuries, the zone of the Russian frontier was located to the south of Moscow and stretched over a huge area of the forest-steppe zone, starting from the headwaters of the Don and going deep into the Steppe. Since the second half of the XVII century, thanks to the creation of the Belgorod defense line, rapid development of the territory of the line itself and adjacent territories began. But the real socio-economic ef-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

fect of the construction of this line of defensive fortifications arose much later, by the turn of the XVIII-XIX centuries. In our article, the main emphasis is placed on the information capabilities of statistical sources of the first half of the XIX century on the socio-economic history of the Belgorod region. The territory of the Yelets county of the Oryol province, which was a historical part of the defense line, was taken as the object of the study. The study of socio-economic processes at the local level in a broad chronological framework is a promising direction in modern historical science. Shifting research emphasis from fixing the actual state of processes at a certain time in favor of studying their historical evolution over a long chronological period can help a scientist to take a fresh look at both little-studied and well-known facts. The research methodology consists of the use of both traditional methods and modern source-based methods. Our article describes the main markers with the help of which a comprehensive assessment of socio-economic changes in the studied territory will be carried out over a long chronological period. Based on the results of the work, it was concluded that statistical sources of the first half of the XIX century have a wide range of information opportunities for the history of socio-economic processes that took place on the territory of the county. The obtained information is well combined with the information from mass sources of the XVII-XVIII centuries, without violating the basic methodological principles, but only expanding the possibilities of applying this approach to other territories located near or bordering the Belgorod line.

Keywords: statistical sources, population, socio-economic processes, Yelets district, Belgorod line.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-72-82

Освоение пространств Юга России относительно исторических реалий рубежа XVI–XVII вв. первую очередь было связано с внешней военной угрозой, исходящей из степных пространств Крымского ханства и Ногайской орды. Кроме того, в Московском царстве к концу XVI в. наиболее пригодные пространства для ведения сельского хозяйства, в первую очередь земледелия, были уже освоены. Несмотря на обширную площадь, большая часть территории России была неудобна для ведения сельского хозяйства – обширные леса, заболоченные местности в сочетании с суровым климатом не позволяли производить в достатке прибавочный продукт. Стране требовались новые пашенные угодья и поэтому лесостепные пространства, так называемого Поля или Дикого Поля, с его плодородными землями и приемлемым климатом для ведения эффективного сельского хозяйства являлись очень перспективным направлением дальнейшего развития государства.

Образование к югу от р. Оки городов-крепостей и мелких пограничных пунктов – сторож было немислимо без организации хозяйственной деятельности в целях обеспечения гарнизонов продовольствием, строительными материалами и т.д. для чего требовались людские ресурсы. Организованное правительством планомерное заселение территории с привлечением не только служилого населения, но и крестьянства приобрело положительный эффект. О масштабах экономического освоения и социальном составе жителей региона свидетельствует массив фискальных источников XVII в. – писцовых и переписных книг, хорошо сохранившихся в фондах РГАДА [12; 13; 16].

В отечественной историографии тема колонизации фронтальной зоны Юга России достаточно хорошо освещена, хотя «белые пятна» по многим историческим сюжетам есть и еще ждут своего исследователя [4; 8; 9; 14].

К сожалению, события Смутного времени в сочетании с участвовавшими набегами степняков существенно тормозили процесс освоения новых территорий [7; 10]. Поэтому сразу после Смоленской войны 1632-1634 гг. было принято решение о строительстве Белгородской черты – укрепленной линии обороны со стройной системой фортификационных сооружений и линиями естественных преград. Несмотря на то, что для реализации этой по настоящему «всероссийской стройки» середины XVII в. требовалось привлече-

ние огромного числа людей и материальных ресурсов, ожидание в будущем потенциального положительного эффекта в плане укрепления обороноспособности страны, увеличения обрабатываемых территорий, расширение экономических и торговых связей и т.д. стало ключевым в решении создания Белгородской черты.

Эффект от создания Белгородской засечной черты не заставил себя долго ждать. Уже в Петровскую Эпоху на Воронежских верфях строился российский флот, а территория современного Центрально Черноземья, по которой непосредственно проходила черта постепенно превращалась в житницу страны. Процесс превращения Дикого Поля из бескрайних лесостепных пространств в хлебобобовый край закончился только во второй четверти XIX в. Вследствие этого можно утверждать, что понимание исторического значения Белгородской черты, возможно только после серьезного осмысления влияния этой оборонительной линии на последующие эпохи.

В качестве объекта изучения нами был выбран Елецкий уезд Орловской губернии в административных границах конца XVIII-XIX вв. Изучение данной территории в системе Белгородской засечной линии логично, так как Елецкий, а позднее выделившийся из него Чернавский уезд в границах XVII в. непосредственно примыкали к черте, и очевидно ее влияние на историческое развитие территории. Административные границы уезда в течение второй половины XVII – XVIII в. менялись и были шире по сравнению с рубежом XVIII-XIX вв., но в рамках изучения эволюции социально-экономического состояния выбранного региона важно понимание самого процесса трансформации, а не детальная точность в целях сравнительного анализа состояния пашни или количества жителей середины XVII и начала XIX вв.

Исторические источники XIX в. довольно многообразны. Это и массовая делопроизводственная документация, широко освещавшая все стороны жизни региона, нарративы, а также материалы статистики. Как правило, они более информативны по сравнению с документами XVII-начала XVIII вв. В первую очередь это связано с сохранностью источников, а также особенностями делопроизводственного письма допетровской эпохи, где написанный скорописью текст не всегда читабелен. Но для анализа хозяйственной деятельности и социальных процессов нам было необходимо определить особые маркеры, согласно которым можно провести сравнительный анализ двух эпох – начала строительства Белгородской черты и освоения региона и финала в процессе введения в хозяйственный оборот последних целинных участков черты.

Для исследования были выбраны маркеры, присущие источникам XVII-XIX вв. Это обозначение населенного пункта (название, его тип – село, деревня, сельцо и т.д.) и его географическая привязка к водным объектам (река, ручей или иное), к лесным массивам (название леса), дорогам; количество дворов и состав населения (сословная и внутрисословная стратификация); хозяйственная деятельность (землевладение с категориями земельных угодий, например пашня, перелог, сенокос и т.д.). Для более поздней эпохи, например конца XVIII в. добавляются еще такие хозяйственные маркеры как места проведения торговли (торжки, базары, ярмарки), предприятия обрабатывающей промышленности – мельницы, крупорушки, заводы, фабрики. Все перечисленные маркеры, кроме последних, зафиксированы в фискальных источниках XVII в. – писцовых и переписных книгах, в источниках XVIII в. – ландратских книгах Петровской эпохи и экономических примечаниях к материалам Генерального межевания (конец правления Екатерины II), а также в камеральных описаниях к генеральным планам межевания первой трети XIX в. Кроме того для репрезентативности результатов хозяйственного освоения всего региона Белгородской черты могут быть использованы материалы Военно-статистических обзоров губерний, составленных по единой методике в конце 1840-х – начале 1850-х гг., а также Списки населенных мест губерний, зафиксировавших состояния поселенческой сети в конце 1850-х-начале 1860-х гг.

Подробная характеристика большей части перечисленных источников с их информационными возможностями по предложенным маркерам представлена в отечественной историографии и не требует дополнительных комментариев [6; 11; 15; 17]. В то же время существует пласт слабоизученной хозяйственной статистической документации первой половины XIX в., в частности экономических камеральных описаний уездов, проведенных в 1830-х гг.

Характеристику источников расположим в хронологической последовательности, по мере их появления.

Наиболее ранний, дошедший до нашего времени вариант описания поземельной статистики Елецкого уезда за 1828-29 гг. был обнаружен в Государственном архиве Липецкой области в фонде Елецкой земской управы (Ф.138) [2] (см. рис.1).

Уезд Елецкий, описанный в 1828-29 гг.

№	Владельцы	Землев. в дес.		Пашин.		Лугов.		Сенок.		Всего дес.				
		Д.	С.	Д.	С.	Д.	С.	Д.	С.					
2.	Г. Афанасьев	32.	1300	2826	1500	1440	—	230	—	61	—	4670	400.	
11	С. Казаков	194.	200	6252	896.	381.	129.	1009.	129.	593.	1105.	8410	59.	
13.	Г. Куропятин	6.	350	29.	80	—	—	45.	2000	11.	2352	95.	2382.	
17.	С. Вязовский	18.	—	546	—	29.	—	182	—	19	1267.	794.	1267.	
18.	С. Рогов	35	—	1728	908	40	—	286	7265	45.	—	2131.	2273.	
29.	В. Попович	45.	—	477.	—	25.	—	311.	—	45.	1027.	903.	1037.	
33.	В. Павлов	78.	—	1154	102.	1875	—	—	—	75	200	3760	822.	
34.	С. Куропятин	—	—	—	—	156	—	—	—	—	—	1152.	156.	
39.	С. Куропятин	6.	1400	115.	1964.	111	725.	66.	651.	7.	2178	307	2178.	
38.	С. Мининский и другие	789	2140	4942.	1940	810	1300	2017.	1200	639	2076	3960	1456.	
40.	С. Рыжов	28.	—	1152	628.	89.	—	248	—	9.	717	1462.	1345	
43.	С. Куропятин	25	1709	238	364	25.	1000	210	44	44	—	543	964.	
44.	—	—	—	111	—	—	—	4	1660	3	1363	8	628.	
45.	С. Ревинский	63.	—	784	—	123	1447.	256	—	451	2159	2688	1206.	
46.	И. Куропятин	—	—	409	200	50	—	—	—	148	1209	607	1409.	
48.	В. Иванов	23.	1394	420	513.	37	1209	89	700	52	1617	617	633.	
49.	С. Афанасьев	20	700	440	1347.	25.	—	20	—	7.	1300	573	947.	
54.	С. Баранов	12.	600	110	1453	30	1200	139	345.	6.	1200	299.	600.	
55.	С. Иванов	14.	1000	586	1348	54	28	42	1400	15.	1700	713	433.	
56.	С. Куропятин	22	1900	482.	501	20.	100	193	409	19	388	737	898.	
57.	С. Куропятин	28	1200	604	223	97	1600	123	2040	29	1006	883	1929.	
			1315	2184	8279	127	3335	1655	6122	2299	2279	781	35723	2136.

Рис.1.

Документ содержит подробную информацию о количестве усадебной площади, пашни, лесных и сенокосных угодий, а также неудобной земли по всем категориям владельцев для каждого отдельно взятого населенного пункта. В источнике присутствуют исправления, местами записи полностью перечеркнуты. Таким образом, можно сделать вывод, что возможно это черновой вариант документа или правки были внесены в готовый статистический отчет после дополнительных измерений и уточнений по земельному фонду. Слабой стороной источника является отсутствие деления земли по землевладельцам, а также отсутствие информации о численности населения, количества дворов, скотоводстве и т.д.

В фонде Орловской губернской чертежной (Ф.592) Государственного архива Орловской области сохранилось несколько документов, относящихся к материалам местной статистики по социально-экономическому описанию Орловской губернии в период правления Николая I. Фонд разбит на несколько описей, наибольший пласт документов относится к материалам земельного межевания, представлен копиями чертежей, планов и делопроизводственной документацией.

Наиболее известным для орловских историков и краеведов является «Топографическое описание города Ливны», работа над которым была начата в феврале 1832 и завершена 21 декабря 1839 г. Дело состоит из 78 листов, но собственно само описание г. Ливны располагается на нескольких листах. Этот документ в свое время был опубликован, вследствие чего подробного описания в рамках данной работы не требует.

Среди остальной статистической документации этого времени выделяется «Экономическое камеральное описание Елецкого уезда 1832 г.» [3]. Этот источник для Орловской губернии является уникальным, так как, к сожалению, из 12 уездов губернии экономическое описание сохранилось только по Елецкому уезду. Можно предположить, что подробное описание было сделано только по одному уезду, так оно находилось в одной описи с копиями экономических примечаний к планам Генерального межевания за 1781 г. по Кромскому и Малоархангельскому уездам все той же губернии.

Переходя к характеристике «Экономическое камеральное описание Елецкого уезда 1832 г.», стоит отметить превосходную сохранность документа, дошедшего до нас в полном виде, без пробелов. Текст документа написан убористым каллиграфическим почерком, без разводов, помарок и иных внешних изъянов. Внутреннее содержание документа выстроено в логике составления классического экономического описания к планам Генерального межевания, но только с улучшенной структурой (см. рис. 2-3).

В начале документа идет подробное описание г. Ельца и его слобод с указанием категорий жителей, числа дворов, промышленных, торговых заведений, церквей и монастырей. Приводится топонимика и характеристика местности, краткие исторические сведения.

Далее идет подробное описание самого уезда по следующей схеме:

1. *Номер дачи.* Он совпадал с населенным пунктом или несколькими земельными владениями, относящимися к населенному пункту. Понятия «пустошь» или «пустошь, что было Дикое поле» входили в эту нумерацию.

2. *Звание дач и владельцев.* В этом разделе подробно указывали название села, сельца, деревни, слободки, хутора или иного вида дачи. Кроме того указывали отдельно владения помещиков, причем с поименным их перечислением. Однодворцы в основном фиксировались как сельское общество, без поименных указаний (исключение составляли только случаи отдельного однодворческого землевладения, как правило, в «пустошах»). Помещичьи и однодворческие крестьяне, а также духовенство упоминалось без поименного перечисления.

3. *Количество дворов.* Оно указывалось только для населенных пунктов и отдельно по сословным группам.

36

Экономические сведения

Всего / городов / уездов / в том числе / в том числе / в том числе / в том числе

70.	12.	200.	7.	1750.	640.	1291.	<i>Всего / городов / уездов / в том числе / в том числе / в том числе / в том числе</i>
	11.	1200.	9.		553.	1025.	<i>Всего / городов / уездов / в том числе / в том числе / в том числе / в том числе</i>
	31.	1400.	18.	300.	594.	460.	<i>Всего / городов / уездов / в том числе / в том числе / в том числе / в том числе</i>
12.		203.	1043.	25.	39.	1045.	857.

Рис.3.

Подводя итог общей характеристике источника, можно сделать вывод о больших информационных возможностях источника, подробно излагающих демографическое, социальное и экономическое развитие региона.

В конце 1830-х годов в Орловской губернии была предпринята попытка создания нового, обновленного свода статистических сведений по землевладению в губернии. Подтверждением этого является архивный источник «Статистические сведения о количестве земли под городами и уездами: под домами, садами, огородами, лугами лесами и прочее», составленное в 1836-1837 гг. (З, Д.979. Л.36) (см. рис.4).

58

Статистическое ведомство Губернскому Елецкому и Уездному.

Илишение неудобств, которыми пользуются Статистическое ведомство.	по Губернскому		по Уездному.	
	дес./кв.	сажен.	дес./кв.	сажен.
1.				
Сколько статических владений земли по 1829 ^м году				
под Губернского владения	671	1829		
Государств.				
Своята и церковная				
по 1836 ^м году				
			3168	1632
			Состояло по количеству земли	417615 481
				44777
2.				
Которо было велико пространство Уезда				
по 1829 ^м году				416,758 1804
по 1836 ^м году				тоже количество
				263070 534
3.				
Сколько было пашенной земли по 1829 ^м году владения				
в собственности у казенных граждан				263,070 520
у Государственных				263,070
у Помещичьих				2,333 760
у Дворянских				72,019 455
у Однодворцов				1,263 151
у Помещичьих владения				11,513 1526
у Однодворцов				168,622 392
владения урочных свободных владения				
по 1836 ^м году				Состояло по количеству земли
				130624 579
4.				
Сколько было по 1829 ^м году под лесами владения				
в собственности у казенных граждан				72,762 2,020
у Государственных				5,229 114
у Помещичьих				36,767 624
у Дворянских				206 1,222
у Однодворцов				4,662 1,600
у Помещичьих владения				55,720 264
у Однодворцов				
по 1836 ^м году				Состояло по количеству земли
				57,604 1051
5.				
Сколько было урочных владения владения				
в собственности у казенных граждан				57,486 1,924
у Помещичьих				1559 2,021
у Дворянских				17,137 2,256
у Однодворцов				112 323
у Помещичьих владения				556 2,376
у Однодворцов				

Рис. 4.

В нем приводится статистика по всем уездам и обобщающие данные по губернии. Документ носит шаблонную форму и в его составе приводятся основные сведения по земельному фонду (пашенные и сенокосные угодья, леса, водные ресурсы, неудобные земли) с градацией по группам землевладельцев: помещиков, духовенства, однодворцев и различных категорий крестьянства. Данные приведены на 1829 г. и проведено сравнение с 1836 г. Информация о населении, промышленных или иных инфраструктурных объектах отсутствует.

Все освещенные статистические источники располагают ценной информацией, частично дополняющей друг друга, но, к сожалению, не дают исчерпывающего ответа на распределение земельного фонда в рамках отдельных населенных пунктов уезда по категориям землевладельцев. Несмотря на это, статистические материалы, особенно камеральное экономическое описание Елецкого уезда 1832 г. позволяет увидеть процесс из-

менения земельного фонда, уровня запашки, степени лесистости региона по сравнению с концом XVIII в.

Список источников и литературы

1. Володарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII - начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение)*. Москва: Наука. 263 с.
2. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 138. Оп. 1. Д.1. Л.18.
3. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 592. Оп.1. Д.979. Л.65; Оп. 2. Д. 69. Л.88.
4. Жуков, Д. С., Лямин, С. К., Канищев, В. В. (2013). *Фронтир и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII – XVIII вв.* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 10 (126). С. 6-16.
5. Загоровский, В. П. (1989). *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке*. Воронеж: Издательство ВГУ. 272 с.
6. Зайнутдинов, Р.Г. (2014). «*Экономические примечания к планам Генерального межевания*» - важный источник по истории государственной политики Российского государства первой половины XIX века // Проблемы востоковедения. №4 (66). С. 68-73.
7. *Елецкий уезд в начале XVII века. Елецкие десятины и платежные книги*. (2011). М., 514 с.
8. Камараули, Е. В. (2018). *Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда)* // История: факты и символы. №3 (16). С. 101. DOI:10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105
9. Котков, С. И. (1977). *Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги*. М.: Наука, 431 с.
10. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2020). *Динамика социального состава населения Черноземья во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (на примере Елецкого уезда)* // История: факты и символы. №3 (24). С. 72-82. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-24-3-72-82
11. Ляпин, Д. А. (2021). *Опыт изучения ландратских книг петровского времени* // Российская история. №1. С. 37-45.
12. Мацук, М. А. (2001). *Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/1616 году*. Сыктывкар. 306 с.
13. Мацук, М. А. (2007). *Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век)*. Сыктывкар. 216 с.
14. Мизис, Ю. А., Кашенко, С. Г. (2011). *Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. № 1. С. 9-16.
15. Павлуцких, Г. Г., Желнова, А. П. (1997). *Топографо-статистические материалы как источник по истории Южного Зауралья конца XVIII – первой половины XIX вв.* // Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII–XX вв.). Курган. С. 93-135.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1209; Ф.210.
17. Смирнов, Г. С. (2006). «*Экономические примечания*» к Генеральному межеванию как источник по аграрной истории Урала первой половины XIX века // Вестник ЧелГУ. Серия Востоковедение. Евразийство. Геополитика. №3 (76). С.81-89.

References

1. Volodarskij, YA. E. (1977). *Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII veka: (CHislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie)* [Population of Russia at the end of the XVII – beginning of the XVIII century: (Number, class composition, location)]. Moscow: Science, 263 p. (in Russian)
2. Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti (GALO). [State archive of the Lipetsk region], f. 1209, f. 210 (in Russian)
3. Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti (GAOO). [State archive of the Oryol region]. (in Russian)
4. Zhukov, D.S., Lyamin, S.K., Kanishchev, V.V. (2013). *Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossijskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv.* // [Frontier and fractal: results of computer modeling of the dynamics of the southern Russian frontier in the middle of the XVII – XVIII centuries.] in Bulletin of the Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. 10 (126), P. 6-16. (in Russian)
5. Zagorovskii, V. P. (1989). *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian State in the XVI century]. Voronezh, Publ. Voronezh State University, 272 p. (in Russian)
6. Zajnutdinov, R.G. (2014). «*Ekonomicheskie primechaniya k planam General'nogo mezheva-niya*» - vazhnyj istochnik po istorii gosudarstvennoj politiki Rossijskogo gosudarstva *pervoj poloviny XIX veka* ["Economic Notes to the General Surveying Plans" is an important source on the history of the state policy of the Russian state in the first half of the XIX century] in Problemy vostokovedeniya. 4 (66). P. 68-73. (in Russian)
7. *Eleckij uezd v nachale XVII veka. Eleckie desyatni i platezhnye knigi.*(2011). [Yeletsy uyezd at the beginning of the XVII century. Yelets desyatni and payment books]. Moscow, 514 p. (in Russian)
8. Kamarauli, E. V. (2018). *Formirovanie poselenceskoy struktury v yuzhnyh uezdah Ros-sii v pervoj polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda)* [Formation of the settlement structure in the southern uyezds of Russia in the first half of the XVII century. (on the example of the Voronezh district)] in History: facts and symbols. 3 (16). P. 101. (in Russian)
9. Kotkov, S. I. (1977). *Pamyatniki yuzhnelikorusskogo narechiya. Otkaznye knigi* [Monuments of the South Belarusian dialect. Refusal books] Moscow, Nauka, 431 p. (in Russian).
10. Lyapin, D. A., Zhirov N. A. (2020). *Dinamika social'nogo sostava naseleniya CHernozem'ya vo vtoroj polovine XVII – pervoj treti XVIII vv. (na primere Eleckogo uezda)* [Dynamics of the social composition of the population of the Chernozem region in the second half of the XVII - first third of the XVIII centuries . (on the example of Yelets county)] in History: facts and symbols. №3 (24). С. 72-82. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-24-3-72-82 (in Russian)
11. Lyapin, D. A. (2021). *Opyt izucheniya landratskih knig petrovskogo vremeni* [The experience of studying the Landrat books of Peter's time] in Russian history. №1. P. 37-45. (in Russian)
12. Matsuk, M. A. (2001). *Gorod Livny i Livenskij uezd v 1615/1616 godu.* [The city of Libnah and Livenskogo County in 1615/1616 year] Syktyvkar, CH. II. 306 p. (in Russian)
13. Matsuk, M. A. (2007). *Fiskal'naya politika Russkogo gosudarstva i budushchie gosudarstvennye krest'yane Komi kraya, Severa i Yuga Rossii: obshchee i osobennoe (XVII v.)* [Fiscal policy of the Russian state and future state peasants of Komi region, North and South of Russia: general and special (17 th century).]. Syktyvkar: In-t yaz., lit. i istorii, 2007. 216 p. (in Russian)

14. Mizis, YU. A., Kashchenko, S. G. (2014). *Problema formirovaniya russkogo frontiera na yuge Rossii v XVI - pervoj polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii* [The problem of the formation of the Russian frontier in the South of Russia in the XVI - first half of the XVIII century in Russian historiography] in Bulletin of Saint Petersburg University. Series 2. History. 1. P. 9-16. (in Russian)

15. Pavluckih, G. G., ZHelnova, A. P. (1997). *Topografo-statisticheskie materialy kak istochnik po istorii YUzhnogo Zaural'ya konca HVIII – pervoj poloviny XIX vv.* [Topographic and statistical materials as a source on the history of the Southern Trans-Urals of the late XVIII - first half of the XIX centuries] in Historiography and source studies of the history of the Southern Trans-Urals (XVIII-XX centuries).Kurgan. P. 93-135. (in Russian)

16. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, f. 210 (in Russian)

17. Smirnov, G. S. (2006). «*Ekonomicheskie primechaniya*» k General'nomu mezhevaniyu kak istochnik po agrarnoj istorii Urala pervoj poloviny XIX veka ["Economic notes" to the General Land Survey as a source on the agrarian history of the Urals of the first half of the XIX century] in Bulletin of ChelSU. Oriental Studies series. Eurasianism. Geopolitics. 3 (76). P.81-89. (in Russian)

Захаров А.В.

(Челябинск)

Ляпин Д.А.

(Елец)

УДК 94(47)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ И ПОМЕЩИКИ АЗОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИ ПЕТРЕ I: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПО МАССОВЫМ ИСТОЧНИКАМ 1710–1723 гг.¹

В статье ставится проблема определения социальной идентичности азовских служилых людей и помещиков в конце правления Петра I, решение которой предложено с помощью анализа массовых источников и методики сопоставления биографических данных. Социальная идентичность чиновных групп понимается авторами статьи как совокупность ретроспективных практик идентификации – восприятия людьми самих себя и друг другом. Впервые в историографии изучается численность и чиновная структура служилых людей Азовской губернии по данным «генерального смотра» 1721–1723 гг., организованного Сенатом и его Герольдмейстерской канцелярией. Данные о поместно-служилой стратификации Азовской губернии рассмотрены по книгам «приездов» и сопоставлены с ландратской переписью Шацкого и Елецкого уездов 1710 и 1718 гг. Рассмотрена статистика по возрастным группам помещиков и состав семей служилых людей Шацкого уезда. Определение социальной идентификации азовских помещиков и служилых людей исследуется на основе поименной регистрации на смотре 1721–1722 гг. Практика самопрезентации служилых людей при «объявлении» своего имени и возраста проанализирована с помощью типологии формул самоидентификации. Выделены основные параметры социальной идентификации «ишляхетства». Авторы приходят к выводу о возрастании роли места службы и служебных назначений для социальной идентификации служилых людей в Петровскую эпоху.

Ключевые слова: Петр I, Азовская губерния, Шацкий уезд, Герольдмейстерская канцелярия, дворянство, смотр, самоидентификация, социальная идентификация, массовые источники.

The article actualizes the problem of determining the social identity of the Azov nobility. The authors propose a solution using the analysis of mass sources and the method of biographical comparison of data. The social identity of the nobility is understood by the authors of the article as a set of retrospective identification practices - this is the perception of service people of themselves and each other. The authors believe that various practices of social identification in the past are expressed in the context of research and analysis in modern language, and the description of social identity is semantically a historical reconstruction. For the first time in historiography, the number and official structure of the service people of the Azov province is studied. This topic was studied according to the data of the "General Inspection" held in Moscow in 1721-1723, which was organized by the Senate and Heraldry. Data on the official structure of the nobility of the Azov province were studied according to the "knigi priedzov" and compared with the Landrat census of Shatsky and Yelets counties. The authors studied the social identification of the Azov nobility on the basis of name registration at the "General Inspection" during 1721-1722. The totality of representations by service people of their name and age are analyzed using the typology of self-identification formulas. In the conclusion of the article, the main parameters of the social identification of the "nobility" are highlighted.

¹ При написании статьи использованы результаты исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42073 «Петровская эпоха».

Keywords: Peter the Great, Senate, Azov province, Shatsky uyezd, Heraldry, Russian nobility, source studies, Landratic Books, self-identification.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-83-98

Административно-фискальные преобразования Петра I, задуманные в конце Северной войны, сопровождались несколькими мероприятиями по учету тяглого населения, армейских чинов и канцелярских служащих. К началу 1720-х гг. правительство считало, что вне всевидящего ока ревизий, на местах в губерниях проживали отставные офицеры и царедворцы (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы) и «дворяне всякого звания», годные к службе. Сенатские служащие за 6–7 месяцев должны были пересмотреть всех обладателей этих «чинов», состоявших вне армии и гарнизонов. Стольник С. А. Колычев, избранный заочно в герольдмейстеры в январе 1721 г., собрал штат «канцелярии своего ведомства» и под эгидой Сената с октября начал смотр шляхетства в столице, продолжив его в Москве. Предполагалось «разобрать» всех провинциальных «дворян и отставных» кроме Сибири и Астрахани, а временно неучтенных ревизовать на местах. Всех годных надлежало назначить к гражданской службе или записать в резерв. Чтобы не парализовать местное управление и обеспечить съезд всего шляхетства, «дворянам» указывалось приезжать поочередно в «две половины».

На смотр в Москве с декабря 1721 г. по апрель 1723 г. съехалось около 17 тыс. служилых людей, 1042 из которых были рекрутированы «к делам» коллегий и отправлены в провинции. В настоящее время выявлено 4560 служебных сказок этого смотра и 10 книг «приездов дворян» 1721–1723 гг. [3, 4]. Также выявлена особая книга «приездов» дворян Азовской губернии 1721–1722 г., отражающая их социальную идентификацию. Служебные сказки, поданные участниками смотра, являются основным массовым источником для исследования самоидентификации помещиков и служилых людей. Более ранние переписи населения в ландратских книгах 1710–1720 гг. учитывали помещиков косвенно в связи с податным населением. Особо информативны для изучения состава провинциальных дворовладельцев так называемые «перечневые» книги.

В статье ставятся задачи определения численности, структуры и социальной идентификации азовских помещиков и служилых людей, как часть описания социальной идентичности этой локальной группы. Социальная идентичность понимается как совокупность ретроспективных практик идентификации – восприятий людьми самих себя и друг другом. Разнообразные практики социальных идентификаций в прошлом выражаются в контексте исследовательского прочтения и анализа на современном языке, а описание социальной идентичности семантически является исторической реконструкцией.

К бытовавшим практикам идентификации следует отнести, во-первых, фиксацию статуса и локации (места службы, жительства) представителей какой-либо «малой социальной группы» со стороны власти и служащих при любой акции учета или письменной коммуникации с поданным. Собственно «маркеры идентификации» XVII–XVIII вв. хорошо известны по письменной речи в названиях чинов, званий, «урядов» и «состояний», рангов, рода службы и владельческого статуса. Во-вторых, индивидуально каждый человек определял свою самоидентификацию через самоименование и причисление себя к какому-либо «чину», званию или месту жительства. Социальная идентификация могла не совпадать с самоописанием человека, запечатленным в канцелярских документах. В челобитных XVII в. и Петровского времени нередко излагались прошения поместного и денежного жалования или иных льгот «против своей братии», в «ровню» с просителем, чем также выражалась личная самоидентификация. В-третьих, вариантом социальной идентификации следует считать восприятие имени, статуса, локации представителей одной группы через артикуляцию или письменную речь людей других «малых групп».

Прежде всего, попытаемся выяснить чиновную стратификацию, владельческий статус и семейный статус представителей локальной группы азовских помещиков на примере Шацкого уезда. Полученные данные на примере одного уезда вряд ли возможно экстраполировать на всех азовских помещиков. Тем не менее, они необходимы для предварительной оценки и коррекции вектора дальнейшего исследования. Необходимо также решить историко-ведческую задачу, выяснив полноту учетных данных азовских помещиков и служилых людей 1710-х – начала 1720-х гг.

Средневековые «корпорации», объединявшие служилое население провинции, складывалось постепенно с середины XVI в. с момента образования уездов как итог политики правительства [1, с. 232–285]. Уездное служилое население в историографии принято называть «служилым городом». Это, главным образом, местные землевладельцы, имевшие определенные права самоуправления, но обязанные пожизненно нести военную службу вместе со своей уездной «корпорацией» [1, с. 285]. Во второй половине XVII в. эти региональные военные объединения начали разрушаться, поскольку новые служебные категории (рейтары, драгуны, копейщики) создавались без учета принадлежности к определенному уезду [11]. В итоге к началу Северной войны в провинциальном служилом обществе наблюдалась чрезвычайно дробная чиновная градация.

Важным событием военной и социальной истории региона стало образование в 1658 г. Белгородского разряда. В составе этого административного подразделения служилые люди участвовали во всех военных кампаниях второй половины XVII в. Впоследствии по его образцу были созданы Новгородский, Севский и Смоленский разряды. Белгородский разряд контролировал почти половину всего служилого населения России [11]. Создание единого крупного военного подразделения позволило Москве проводить эффективную политику в южном направлении, связанную с началом противостояния Османской империи в конце 1670-х годов. Не случайно русская армия в 1695 г. устремилась на Азов. Захватом Приазовья правительство стремилось максимально укрепить свои южные рубежи и закрепиться в этом стратегически важном регионе. Азов был захвачен в 1696 г., а город стал губернским центром, что подчеркивало геополитическую цель южного направления русской политики. После возвращения Азова Османской империи в 1711 г. центром губернии стал Тамбов, с 1715 г. – Воронеж. Административно-финансовые преобразования и размежевание территорий губернии завершились образованием пяти провинций: Бахмутской, Воронежской, Елецкой, Тамбовской, Шацкой и городами «липецких заводов» (Белоколодск, Романов, Сокольск). В сенатских документах начала 1720-х гг. губерния именовалась и Азовской, и Воронежской.

Обширные азовские провинции к началу 1720-х гг. испытывали трудности в комплектовании местных коллежских должностей: судей, ландрихтеров, рентмейстеров, комиссаров, вальдмейстеров, фискалов. На новый облик администрации у правительства не было ни материальных, ни людских ресурсов. Побеждали убеждения и амбиции царя для достижения «регулярства» в государстве. Системы подготовки администраторов в Петровскую эпоху, как известно, не существовало. Именно поэтому смотр 1721–1722 гг. был так важен для государства. На местные должности рекрутировались царедворцы, отставные военные, городовые дворяне и подьячие. На местах требовались грамотные, исполнительные, способные коммуницировать с центральной властью подданные, происходившие «из шляхетства», не состоявшие «на пасохе». В течение «разбора» этих наличных сил Герольдмейстерская канцелярия предоставляла Сенату и коллегиям кандидатуры на должности центральных и местных учреждений, к «делам» коллегий. Для этого, согласно многократным именным указам, на смотр вызывались все служилые люди, «дворяне», состоявшие вне армии до конца марта 1722 г. Постепенно круг «разбора» расширялся недорослями, архиерейскими дворянами, придворными служителями, подьячими всех провинций. Большая часть смотра с октября 1721 г. до конца апреля 1723 г. проходила в Москве.

Насколько полно обширная документация этого смотра отражает поместно-служебную стратификацию населения Азовской губернии? Для ответа на этот вопрос следует выяснить численность участников генерального смотра 1721–1723 гг. и сравнить с данными других источников, например, с «перечневыми книгами» помещиков 1718 г. азовских провинций. Исполняя царские указы, служащие Герольдии вели разнородные документы: списки, записные тетради и книги. Для ежедневной регистрации «всех чинов шляхетства» в начале акции синхронно составлялось несколько «записных тетрадей» по губерниям. Описание прибытия на смотр каждого человека размещалось в «тетрадах» по чинам, хронологии и персональным «статьям». В Золотой палате Кремля со слов прибывшего канцеляриста Герольдии записывали его возраст, географию и объем владений, место жительства, текущую службу или отставку, сведения о детях мужского пола, фиксировали грамотность. Одна «статья» занимала от трети до полной страницы тетради, которые позже были переплетены в объемные книги «приездов». Повидимому, сохранились не все книги, а дошедшие отражают «приезды» служилых людей не всегда территориально по губерниям. Книги «приездов» имеют два типа структуры. По Азовской губернии одна из книг содержит подшивку записных тетрадей всех «чинов» на смотре до конца марта 1722 г., а книга «приездов» рейтаров и копейщиков с марта 1722 г. до начала 1723 г. сводила записи по «приездам» рейтаров по всем губерниям вне их рубрикации Все «чины» шляхетства российских губерний в конце смотра записывались «по чинам», как было ранее принято в московских приказах. От смотра были освобождены только служилые люди Сибири, Астрахани, Терека и завоеванных прибалтийских земель¹.

Для определения численности представителей всех «чинов» азовских служилых людей, помещиков и недорослей, съезжавшихся в Москву с октября 1721 г. до конца 1722 г.², были проанализированы книги «приездов». При сопоставлении записей трех «книг приездов» со всей базой данных сказок выявлено 748 имен служилых людей и недорослей Азовской губернии (табл. 1). Примерно в 74 % случаев принадлежность к азовскому «шляхетству» канцеляристами устанавливалась при устном опросе, запечатленном в указании адреса: «жительство имеет в Рязком уезде в селе Березах», «живет в Шацком уезде в селе Свищове» и т. п. Служащие Герольдии в 17 % случаев «приписали» участников смотра к конкретной губернии по факту их службы в провинциях и уездах, что рассмотрено ниже. Около 9 % (по поздним «приездам») были причислены к «азовским» при анализе данных согласно канцелярской логике, то есть по месту жительства или службы. Одинодворцы Белгородского и Севского разрядов освобождались от явки в Москву [12, № 3810], хотя составляли значительную часть азовских помещиков (табл. 3). Большая часть рейтаров указали «в приезде», что «платят на год по 2 рубля и мелкие всякие поборы в ряд с однодворцы». Служилые люди, работавшие на пашне («в пасохе»), не выделяются среди «азовских приездов». Небольшое число подьячих губернии объясняется поздней подготовкой специальной акции их «разбора», которому посвящена отдельная документация Герольдии, в том числе по Азовской губернии, выходящая за пределы предмета изучения. Учет местного чиновничества на этапе «приезда» не производился по актуальным должностям. Отставные офицеры и царедворцы, в основном занимавшие местные должности, были записаны по своим прежним чинам (табл. 1). Вероятно, несколько десятков азовских помещиков не учтены в таблице, поскольку не удалось обнаружить все тетради «поздноприезцев» с апреля по декабрь 1722 г.

¹ Служилые люди Астраханской губернии (кроме Астрахани), в частности, по симбирскому уезду, Самаре и Саратову фиксировались в общих для всех губерний «записных тетрадях».

² Основной массив имен (685 чел.) выявлен из книги «приездов Азовской губернии», в основной части которой записан 801 человек, включая «приезды» лиц по чинам вне именованья губерний. Дополнительно переплетена «Записная книга приездом уфинского служилого конного шляхетства афицером и рядовым июня с 1-го дня 1722 году» [19].

Численность азовского шляхетства на генеральном смотре 1721–1723 гг. в Москве

Чины	Всего
Стольники	37
Стряпчие «московского списка»	14
Дворяне московские	4
Жильцы	52
«Новокрещенные» мурзы и «в камисарах»	4
Городовые дворяне и дети боярские	107
Полковники и подполковники	10
Майоры и капитаны	52
Ротмистр, поручики и подпоручик	49
Квартермистры и прапорщики	59
Унтер-офицеры	84
Рейтары и копейщики	61
Драгуны и солдаты	109
Есаулы	2
Управители, подьячие, судьи, фискалы, ассессоры	14
Недоросли	90
Итого	748

Составлено по: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 6, 13, 14, 23, 36, 37.

Подробную регистрацию записи шляхетства на смотре разработали служащие Сената, имевшие опыт приказной работы в Разряде. Введение формуляра «опросника» впервые прослеживается на смотре в 1681 г. [4]. Универсальная форма опроса приезжих для разных повытий канцеляристов была введена в разгар смотра 6 марта 1722 г. В сенатском «образце» указывалось учитывать «место жительства». Однако в азовских «тетрадах приездов» встречаются имена персон, проживавших вне Азовской губернии, не имевших владений в ее провинциях и в прошлом, и в настоящем. Принципы причисления персон к какой-либо губернии раскрываются при сопоставлении персональных «приездов» и сказок.

Для служащих Герольдии наиболее сложна была «географическая» идентификация офицеров, и не менее трудна для самих приезжавших. Штаб- и обер- офицеры не всегда указывали какую-либо локацию и территориальную связь при самоименовании в «статьях» приезда и в сказках (в инскрипции и короборации формуляра). Офицеры подали за 1720–1722 гг. несколько сказок, отчасти с противоречивыми данными. Так, подполковник И. С. Фрязин, заявил себе в сказке для Военной коллегии в феврале 1721 г. «от роду мне 56-й год», а в декабре для смотра «Разборной» канцелярии уточнил: «от роду мне за пядесят лет, коликое чосло того не упомню». Для последнего смотра он приехал в Москву и остановился «на своем дворе на Девичьем поле» [19, л. 430]. Богатая служебная биография дважды связывала его с воронежским краем. После Полтавской баталии с 1709 г. он был «написан в маэоры в драгунский полк Мещерского, который был в ведомстве в Азовской губернии и служил при том полку по 711 год», после «раскасования» полка, был в подполковниках Казанского гарнизона. После «генерального смотра» в столице в апреле 1716 г. Фрязин был отставлен от армейской службы и отправлен вновь под Воронеж, был «определен к гражданским делам в Новый Оскол», где пробыл до 2 января 1720 г., добившись отпуска «для своих поместных нужд» к Москве. По переписи 1710 г. 16 его крестьянских дворов находились в Московском, Костромском, Галицком уездах. На новом смотре Военной коллегии в феврале 1721 г. Фрязин был определен через Юстиц-коллегию «тем же чином (подполковника – А. 3.) к судным розыскным делам в ту ж вышепомянутую Воронежскую гу-

бернию» [17, л. 101–102]. Несмотря на двухлетнее отбытие из губернии, он не покинул воронежскую службу и был записан «к смотру» в Москве 23 декабря 1721 г. с «Азовской губернии подполковниками». В сказке бывшего жильца и подполковника А. И. Дубасова в начале сказки обозначено: «Озовской губернии отставной подполковник», при том, что его «жилище находилось в Саранском уезде в селе Смолкове», как и два крестьянских двора [19, л. 431]. К Азовской губернии оказался причислен и бывший в стряпчих «царедворец», отставной подполковник С. К. Крюков, служивший «в Темниковском ландратстве ландратом», и определенный Юстиц-коллегией в 1720 г. судьей в Темников [17, л. 109 об.]. Майор Ф. В. Засецкий назвался в сказке как «Козанские губернии отставной секунт мазор», где был в обучении солдат «артикулу» несколько лет, и лишь незадолго до смотра был «ис Коллегии Юстиции... определен судьей Озовской губернии в Красную слободу к судным и розыскным делам». То есть, еще до прибытия Засецкого в губернию, служащие Герольдии приписали отставного майора к азовским служилым людям [17, л. 412 об.]. Примеры такого способа идентификации подданого во время смотра на основании места его службы можно умножить.

Аналогичная ситуация касается механизма причисления рейтаров, унтер- и обер-офицеров к Азовской губернии. Около десятка служащих оказались на смотре как назначенцы воронежского вице-губернатора С. А. Колычева или «управители» от коллегий, присланных в губернию для «надзору за работными людьми», «денежных зборов», к «липским заводам» [21, л. 217, 218, 220 об., 222, 226, 227]. С апреля 1722 г. «поздноприездцы» служилые и гражданские чины всех российских губерний регистрировались в Герольдии по хронологии прибытия к смотру по чинам и вне топографии владений или места жительства. Приезды на смотр из Азовской губернии с лета 1722 г. резко снизились. В сказках и приездах служилые и даже недоросли (в «приездах») были обязаны ставить личную подпись («рукоприкладство»). Неграмотные, «дряхлые и больные» нанимали любого грамотея – подьячего, «школьника», родственника или сослуживца для подписания документов. По указу царя сенаторы приказали 12 июля 1722 г. «которые афицеры и дворяня грамоте не умеют и об них показано свидетельство також к приездам и к скаскам вместо их руки прикладывали другия, а не сами они, и тех за неумением грамоте, також буде которые и впредь такие ж по свидетельству явятца, что они грамоте не умеют... таких за неумением грамоте писать в воловой список...», то есть в резерв [16, л. 56]. Служащие Герольдии заполняли указанные царем так называемые «генеральные списки» по определению: к гражданским и прочим должностям, годности к службе «к делам», в резерв или к отставке. По «генеральным спискам» Герольдия вела учет службы в течение двух десятилетий. Один из таких документов был опубликован в 1895 г. [13].

Вызывает интерес вопрос о том, насколько принципы сенатских канцеляристов в причислении служилого человека к Азовской губернии коррелировали с самоидентификацией человека, в том виде как она выражалась на письме. В служебных сказках «самоопределение» человека не имело образцовых штампов, но записывалось служащими Герольдии со слов говорящего. Поэтому необходимо учитывать возможную аберрацию составляющих элементов самопрезентации человека и их «иерархию» при трансляции речи. Чтобы нивелировать искажения, попробуем ранжировать типичные формулы «видения себя» служилыми людьми. Эти формулы обозначены после анализа совокупности самоописаний всех сказок. В сказке служилый человек «объявлял» «перед стольником С. А. Колычевым в канцелярии его ведения» свое имя, возраст, чин и «локацию». Повторяющиеся в сказках элементы самоидентификации систематизированы по нескольким типичным «формулам»: по месту жительства/службы в городе, губернии, провинции, уезде (географическая); по чину и служебному состоянию (чиновная); по статусу владения помещьем; по полковой службе (полковая); по этнику – именованию уроженца местности. Результаты анализа частоты встречаемости «формул», представлены в таблице 2.

Таблица 2

Варианты самоидентификации представителей азовского шляхетства
(по сказкам смотра 1721-1722 гг.)

Чиновные группы	Сказок	Формулы самоидентификации и выборка цитирований
Штаб-офицеры	7	Географически-чиновная: Подполковник и елецкой судья, города Ефремова отставной подполковник
	4	Географ.-полковая: Разкосованного Тверского пехотного полку секунд-маэор
	4	Чиновная: маэор, отставной подполковник, отставной маэор
Унтер-офицеры	7	Географ.-чиновная: Азовской губернии полковой каптенармус
	9	Географ.-полковая: Воронежской губ. города Шатцкова новгородского драг. полку отставной каптенармус; Воронежской губ. города Керинска лейб гвардии Семеновского полку ундар афицер
	4	Чиновная: Каптенармус
	1	Географ.-владельческая: Воронежской губ. Рясского уезду помещик подпрапорщик
Городовые дворяне	11	Географ.-чиновная: Городовой дворянин Шатского уезду; Керенец дворянин; Азовской губ. гарадавой службы; Азовской губ. города Кадома новокрещен
	2	Географ.-чиновно-владельческая: Ряской помещик городской дворянин; Городовой дворянин Кадомской помещик
	4	Чиновная: Городовой дворянин; Дворянин
	3	Этникон-чиновная: верхоломовец, верхоломовец-дворянин
Рейтары и чины «прежних служб»	39	Географ.-чиновная: Воронежской губ. Танбовской правинцыи Рясского уезду села Смолевки рейтар, Шацкого уезду копейщик
	2	Чиновная: Рейтар.
	4	Этникон-чиновная: Воронежец прежних служб ясаул; Воронежской губ. резанец рейтар

Составлено по: Ф.286. Оп.1. Д. 6, 13, 14; Ф.248. Оп.102. Д.8104.

Как выясняется, варианты самоименования по происхождению из какой-либо местности совершенно не использовали офицеры. Определяющим для офицерства был армейский чин и последняя должность. Относительно последней, но не назначаемой должности, интересен вышеописанный пример самоидентификации майора Засецкого. Для городских дворян география местонахождения и отношения к родной местности соединялось с артикуляцией чиновного статуса – географическое определение не довлело над указанием чина. Схожая пропорция «формул» у рейтаров и копейщиков. Повторяемость этниконов (воронежец, рязанец) у представителей этой группы «прежних служб» небольшая, но надежно фиксируется. Важность самоопределения офицеров и рейтаров как служивых от города и губернии, в связи с местом службы была доминирующей. Игнорирование чиновного статуса в самоименовании не допускалось. Также как «объявление» гражданства, города, местности не практиковались у этих «чинов» по другим известным причинам – по состоянию самоощущений человека «из шляхетства» Петровского времени. Собственно указание о службе «из шляхетства», известное по сказкам представителей других губерний на смотре, не встречается, что не стоит трактовать как недопустимое или абсолютно непринятое. Возможно, такие формулы не попали в 157 сказок, которые выявлены по Азовской губернии на момент исследования по всей базе данных сказок. Учитывая формат статьи, изложена типология самоидентификации нескольких «чиновных групп» (без обер-офицеров, «новокрещеннов», царедворцев и недорослей), но без исключения всего набора «формул».

Интересно, что при самоописании человека, получившего новоизобретенную должность, ее название как бы подменяло прежние чины или соседствовало с указанием прежних «отставных». Например, Кузьма Стерлигов, который ранее служил «с керенцы дворяны», был назначен в 1721 г. фискалом и почти мгновенно назвал себя в сказке «Озовской губернии Шатской провинции города Керенска фискал».

Структуру служилого населения Азовской губернии по данным смотра 1721–1723 гг. следует сопоставить с другими данными. Правительство не могло физически обеспечить полное представительство служилых всей губернии, несмотря на беспрецедентные усилия, угрозы «лишения чести», допросы и розыски. Для любой смотровой акции были характерны традиционное «нетство», неявка людей в состоянии тяжелой болезни и немощи, недостаток средств для передвижения, разорения. Наконец, известная условность причисления человека к служилым людям (на текущей службе или в отставке), объявленная указами, могла трактоваться различно, что требует специального исследования. Смотр не касался служилых-однодворцев, составлявших существенную долю среди «помещиков», которые массово перечислялись в ландратской переписи 1710-х гг.

Полные данные по всем помещикам Азовской губернии, учитывая сохранность источников, получить невозможно, по крайней мере, на нынешнем этапе исследования. Ландратские переписи не содержат точных статистических данных по всем провинциям Азовской губернии. Однако информативный потенциал этих документов достаточно высок для изучения социальной истории, поскольку «ландратская» документация имела не только дробное описание по территориям и детальное по отдельным владениям, но и сводный характер [6; 7]. Тем не менее, попытаемся выяснить чиновную структуру и имущественное положение помещиков одной из провинций к началу 1720-х гг. Наибольшей полнотой среди изученных книг по Азовской губернии отличается «перечневая» книга Шацкой провинции 1718 г. [22], которая содержит данные о поименном составе и дворовых владениях шацких помещиков. Город Шацк был построен в 1553 г. в Мещерских землях на р. Шате для защиты Рязанских земель с юго-востока [14, с. 139]. Некоторое время он был центром большой территории Мещерских земель, но со временем здесь появились отдельные уезды, со своими административными центрами. Строительство военно-оборонительных сооружений Козловского и Тамбовского уездов закрыли Шацкий уезд от вторжений татарских отрядов и позволили ему стабильно развиваться.

Прежде всего, отметим возрастную градацию помещиков Шацкого уезда по данным на 1722 г., представленную в диаграмме 1.

Диаграмма 1. Возрастные категории помещиков Шацкого уезда по данным смотра 1721–1722 гг.

Представленные данные указывают на то, что 32% явившихся на смотр неслужилых помещиков были старше 60 лет. Вторую по численности группу составляли лица, чей возраст составлял 50–60 лет. Помещики собственно служилого возраста составили 23% (17–40 лет) и 19% (40–50 лет) соответственно. Годные по возрасту к службе лица избежали ее в силу различных обстоятельств. Например, те из них кому было 17–20 лет, не были еще записаны на служебные должности (например, помещики И. И. и И. С. Борсуковы), другие имели ранения, хотя данные смотра этой информации не содержат. В частности, 32-летний драгун Спиридон Степанович Вышеславцов, в 1710 г. упомянут как отпущенный со службы «за раню» [23, л. 13 об.]. Следует обратить внимание, что возраст помещиков часто указывался условно и округлялся до целого десятка. Об этом свидетельствует сопоставление данных переписи 1710 г. и смотра 1721–1722 гг. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим только тенденцию к увеличению возраста в среднем на 5–7 лет.

Анализируя семейное положение явившихся на смотр отметим, что подавляющее большинство из них были женаты (87%)¹. Однако никто не жил в составе т. н. «большой семьи», включавший несколько поколений представителей одного рода, хотя такие дворы в Шацком уезде согласно переписи 1710 г. встречались нередко. К примеру, семья Ивана Осиповича Левашова проживала в двух дворах: помимо его самого в дворах располагались семья его сына и двоюродного брата. Вся семья состояла из 22 человек [23, л. 95]. Напротив, семьи, интересующих нас помещиков были небольшими и включали жену и одного-двух детей. Обобщенная информация по составу семей помещиков представлена в диаграмме 2.

Диаграмма 2. Состав семьи помещиков Шацкого уезда, явившихся на смотр 1722 г., по данным переписи 1710 г.

¹ Исключая случаи, где семейное положение не указывалось.

Материалы переписи 1710 г. относительно указания семейного положению также не могут быть полными, но они вполне отражают общую ситуацию. Если сравнить полученные данные с общими по Шацкому уезду, то заметим важное отличие. Более 60% помещиков уезда имели в составе своей семьи жену и детей, и около половины жили большими семьями. Тогда как в исследуемой группе никто не являлся членом большой семьи, 27% жили без родственников, 41% только с женами. Судя по фамилиям людей, явившихся на смотр, почти все они принадлежали к крупным кланам местных землевладельцев: Барсуковы, Левашовы, Любовниковы, Ардабьевы (Ардабаевы), Свищевы, Мерлины. Часть помещиков не представляла такие «клановые» группы, например, М.С. Скорняков, П.И. Терский и фискал М.П. Патрикеев. В той же переписи 1710 г. и книге 1718 г. М. С. Скорняков упоминается как подьячий Касимова [23, л. 198 об., 246 об.; 22, л. 640]. Никто из них не встречается и в более ранней переписи 1678 г. и смотренных списках 1679 г. [15].

Ландратская книга 1710 г. содержит сведения о 30 персонах, а перечневая книга 1718 г. о 91 человеке, впоследствии приехавшем на смотр 1722 г. (табл. 4). Достоверность данных о чинах, записанных составителями перечневой книги 1718 г. о некоторых владельцах, вызывают сомнения. О представителях царедворцев в 19 записях (10,5%) переписчик указал более высокий чин, как правило, статус стольника, которым эти помещики никогда не обладали. Случаи «занижения» чина в книге не встречаются. По выборке шацких помещиков нескольких фамилий по данным 1710, 1718 и 1721–1722 гг. можно заключить, что характер их службы в большинстве случаев оставался неизменным.

Какова же численность, чиновный состав помещиков Шацкого уезда и особенности дворовладения согласно перечневой книге 1718 г.? Эти факторы занимали не последнее место в социальной идентификации и мироощущении провинциальных феодалов. К тому же кластерный анализ уездных дворовладельцев важен для оценки перспектив оценки «поместно-служилого» состава всей Азовской губернии. Отмечается и высокая доля вдов: 66 помещиц владели крестьянами после смерти своих мужей (табл. 3). Не только военные акции Северной войны сказались на «вдовьем» дворовладении, но и вполне естественные факторы. В среднем вдовье поместье было мелким, не отличаясь объемом от владений большинства шацких помещиков. Кроме «двора помещицы с дворовыми людьми» 31 вдова из 61, по которым имеются данные¹, владели крестьянами. 15 вдов владели 1–2 дворами, 9 вдов – 3–5 крестьянскими дворами. Две вдовы владели поместьями совместно с сыновьями Авдотья Федоровна Великогагина – 52 дворами; Федосья Перепечина – одним крестьянским двором. Только пятеро вдов унаследовали средние и крупные владения, но не принадлежали к помещицам, проживавшим в Шацком уезде. Вдова думного дьяка Е. И. Украинцева Устинья Осиповна в селе Рузвели владела 10 дворами с 143 крестьянами обоего пола. Вероятно, имя супруги знаменитого дипломата устанавливается впервые. Самое крупное владение 89 дворов с 432 крестьянами обоего пола принадлежало вдове-княгине Марии Петровне урожденной Шереметевой, сестре фельдмаршала. Муж княгини царский спальник кн. Д. Г. Черкасский, известный обучением архитектуре и кораблестроению в Голландии, умер в 1706 г. К моменту переписи у вдовы-княгини оставалось в живых три дочери из пяти княжен [22, л. 52, 250 об, 474, 576].

В Шацком уезде 200 владельцев (25,9 %) имели всего один крестьянский двор и/или свой «помещиковый двор» (табл. 3). К сожалению, имеющиеся данные не отражают чиновный состав этой группы, близкой к однодворцам. Наблюдение В. М. Важинского о мелком поместье XVII в., как преобладающем типе служилого землевладения на Юге России в целом верно и для Петровского времени [2].

¹ Часть текста книги имеет значительные повреждения по краям и не поддается прочтению.

Таблица 3.

Светские помещики Шацкого уезда и владельцы, имевшие дворовладения в 1718 г.
(по данным «перечневой» ландратской книги)

Чины	Всего
Губернаторы и вице-губернаторы	1+2
Генералы	4
Сибирский царевич	1
Думные чины	6
Комнатные стольники	13
Стольники	92
Стряпчие «московского списка»	20
Дворяне московские	12
Жильцы	56
Подключник	1
Городовые дворяне и дети боярские	14
Владельцы двух и более крестьянских дворов (без указания чина)	101
Владельцы 1 крест. двора и/или «помещикова двора» (без указания чина)	200
Новокрещены (владельцы 1 двора)	11
Полковники, подполковники, майоры	8+2+7
Капитаны, поручики, прапорщики	18+20+10
Унтер-офицеры, вкл. адъютанта	15
Рейтары и копейщики	13
Драгуны и солдаты	48
Дьяки и подьячие	4+6
Вдовы и дочери, жены, «девки»	66+7
Недоросли и дети помещиков, школьник	11
Нет данных о дворах	3
Итого	772

Необходимо особо подчеркнуть, что «перечневой» список 1718 г. зафиксировал не только местных помещиков, но и феодалов, проживавших, служивших и владевших крестьянами в разных губерниях. В перечневой росписи 1718 г. указано землевладение представителей столичной служилой элиты, генералитета и высшей бюрократии. Все они включены в табл. 3: родные племянники царя А. Л. и И. Л. Нарышкины, сенаторы Т. Н. Стрешнев, кн. Я. Ф. Долгоруков, генералы кн. Н. И. Репнин, М. М. Голицын, И. М. Головин, стольники кн. М. П. Гагарин, Ф. И. Протасьев, Ф. С. Салтыков, кн. Ф. М. Щербатов, кн. Ю. Ю. Одоевский и другие крупные помещики. Статистически отделить средних и крупных владельцев, помещенных или служивших в Шацком уезде, от других феодалов возможно лишь идентифицируя каждого владельца по статусу и местонахождению на службе.

Согласно данным книг «приездов» и сказок на смотр в Москве с декабря 1721 по март 1722 г., явилось не менее 117 представителей Шацкого уезда, включая отставных служилых (табл. 4) [19, 22].

Таблица 4.

Численность шацких помещиков, явившихся на смотр 1721–1722 гг.
(по данным книг «приездов»)

Чины	1722
Стольники	7
Стряпчие	3
Дворяне московские	1
Жильцы	14
Городовые дворяне и дети боярские	19
Подполковники	1
Майоры	3
Капитаны	5
Поручики, подпоручик, квартирмейстер	7
Прапорщики	11
Унтер-офицеры, вкл. обозных, адъютантов	11
Рейтары	11
Драгуны и солдаты	14
Приказные	1
Недоросли	9
Итого	117

Табл. 4 составлена по: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 13, 14, 23, 36, 37

Идентификация служилых людей, «дворян» и недорослей по Азовской губернии производилась канцеляристами Герольдии в момент опроса о назначениях на службу в азовские провинции и при указании «места жительства» при записи их «приезда» на смотр. Документы генерального смотра также ценны для характеристики назначений и представительства «чинов» на общегосударственном разборе, для оценки самоидентификации уездных помещиков, но они не предназначались для учета местного служилого населения и помещиков в связи с их неполным представительством. Достоверное и точное определение численности служилых и помещиков по уездам затруднено и тем, что учет различных «чинов» существенно зависит от принятого способа подсчета и понимания состава самого объекта статистики. Так, например, московские чины не были включены в подробную перечневую выписку служилых людей Белгородского полка 1697 г. Их учет, как правило, велся отдельной документацией Разряда. При этом десятки ратных людей, проживавших и служивших на территории южных уездов, состояли в московских чинах, в основном, в жильцах. Двойственная оценка возникает при определении статуса рейтаров. На смотре 1722 г. было отмечено «окладное» положение рейтаров. Перспективы «шляхетского» статуса их фамилий уже зависели от успешности службы их детей.

Возвращаясь к наблюдениям о структуре землевладения, заметим, что по данным последней крупной переписи допетровской эпохи – сметной книги 1679 г. 41% землевладельцев Шацкого уезда не имели крестьян, 41% владели 1–2 дворами. При этом, 75% помещиков владели «деловыми людьми», ставшими затем дворовыми, которые могли использоваться для работы на пашне [15]. Такая же тенденция преобладания дворовых людей над крестьянами сохранялась и в Петровское время.

Информация о шацких помещиках позволяет представить общую картину, главным образом, среднего помещика из небогатой семьи. На смотре шацкие помещики оказались рядом с представителями служилой элиты и царедворцами других регионов и уездов Азов-

ской губернии. Для наглядного примера обратимся к данным по Елецкому уезду, располагавшегося к юго-западу от Шацка в среднем течении Верхнего Дона. В Москву на смотр 1722 г. из Елецкого уезда явилось 10 человек, представлявших местные служилые семьи, которые проживали на территории уезда с конца XVI в. [5]. Подобно многим шацким помещикам все приехавшие на смотр ельчане не состояли в тот момент на военной службе, были отставными или недорослями. Исключение составляли представители рода Бехтеевых, ведущих свое служилое происхождение с XV в. [8]. На момент смотра в Елецком уезде владения имели несколько представителей этой фамилии: Евсей Иванович; Иван, Дмитрий и Петр Епифановичи и Иван Евсеевич [9, с. 32, 43, 45, 49, 62.]. На смотр 1722 г. явились только двое последних – Петр и Иван [19, л. 535, 573], которые не находились в этот момент на службе, что подтверждают служебные сказки. Обратимся к их содержанию. Петру, по его словам, было 58 лет, он служил в начале в полках, а с 1712 г. чиновником. Наконец, в 1717 г. Петр Бехтеев получил отставку и уволился со службы [20, л. 796–797]. Ивану исполнилось 60 лет, службу, по его словам, он начал с 1680 г. В 1701 г. на Ивана был подан донос, в котором звучали обвинения о продаже казенного леса. Без долгого разбирательства Бехтеева отправили на галерные работы в Азов. В 1711 г. адмирал Ф. М. Апраксин пересмотрел дело и велел освободить И. Е. Бехтеева, установив отсутствие следственных действий. Официального «прощения в народ» освобожденный так и не получил, как и новых «дел и служб», хотя дважды приезжал в Москву на смотры [18, л. 356–356 об.]. Оба Бехтеева находились в отставке, но явились на смотр. Эта емкая иллюстрация из жизни елецких помещиков демонстрирует охват смотровой акции. Правительство добилось вызова провинциальных и отставных чинов, не смотря на заведомую запись большинства «из шляхетства» в резерв (валовой список) или в отставку.

Таким образом, определение чиновной структуры и численности служилого населения и помещиков Азовской губернии по провинциям и городам требует сравнительного сопоставления нескольких массовых источников по биографическим данным. Согласно изученным документам, служилые и помещики Шацкой провинции и Ряжского уезда Тамбовской провинции отличались наибольшим представительством на смотре. К концу 1722 г. на смотре было зафиксировано не менее 748 человек из Азовской губернии и в том числе 117 из Шацкого уезда. Обращение к биографическим данным позволяют увидеть судьбу каждого человека на государственной службе, избежать которую при Петре I было практически невозможно. «Недоросли», старые и увеченные, отставные «чины» были объединены другой обязанностью – предъявлять на смотрах свидетельство своего состояния документы об «осмотрах» и «пашпорты» отставки. Больше половины явившихся на смотр 1722 г. шацких помещиков представляли собой обедневших дворовладельцев, которые в XVII в. освобождались от службы.

Справедливо считать, что социальная идентификация всех представителей азовского шляхетства со стороны Герольдмейстерской канцелярии опиралась на несколько основных параметров, по которым производился «разбор» и назначения «к делам», это: именование человека, чин, служебное состояние, место жительства/службы, грамотность. На общероссийском смотре 1721–1723 гг. возросло значение актуального места службы при служебной идентификации человека География владения, родственные связи, наличие «служилых людей с боем», определявших человека на «разборах» конца XVII в., при Петре I отошли на второй план. Согласно естественной выборке по именам служилых людей Азовской губернии самоидентификация человека «из шляхетства» вне чиновного статуса исключалась. Ипостаси «чина» и службы в самоописании человека так же органически пронизывали его осознание себя как и природное понимание «рабского» подданства своему государю. Регистрация человека в служебных документах Герольдии выражает характер социальной идентификации человека со стороны властей. В документации отразилась инкорпорация азовских служилых людей, которые не испомещались на локальной территории, но фактически были приписаны к городу и провинции фактом назначений и службы. Аналогичная ситуа-

ция наблюдалась относительно рейтаров, служивших по Белгородскому разряду в конце XVII в., большинство из которых не могли получить поместья, но влились в ряды служилых людей уездов. Преобразования Петра I должны были привести к формированию новых служилых градаций на основе идеи служения выходцев «из шляхетства» государству.

Список источников и литературы

1. Бенцианов, М. М. *«Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв.* М.: Центрполиграф, 2019.
2. Важинский, В. М. *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке.* Воронеж: Воронеж. пед. ин-т, 1974. 237 с.
3. Захаров, А. В. *«Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты* // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 167-182.
4. Захаров, А. В. *Информативность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721–1723 гг.* // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4 (в печати).
5. Ляпин, Д. А. *Дворянство Елецкого уезда в конце XVI – XVII веках (историко-генеалогическое исследование).* Елец: МУП «Типография», 2008. 420 с.
6. Ляпин, Д.А. *Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал* // Quaestio Rossica. 2021. Вып. 9 (1). С. 254-264.
7. Ляпин, Д. А. *Опыт изучения ландратских книг петровского времени* // Российская история. 2021. № 1. С. 37-45.
8. Ляпин, Д. А. *Род дворян Бехтеевых в истории России (XV- начало XX в.)* // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2018. Выпуск 1 (18). С. 4-12.
9. Ляпин, Д. А., Акинъшин, А. Н., Лильп, И. Г. *Бехтеевы: родословная роспись. Второе издание.* Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2020. 352 с.
10. Мизис, Ю. А. *Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государевой службе.* Тамбов: Мичуринск, 2012. 366 с.
11. Петрухинцев, Н. Н. *«Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658—1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края)* // История: факты и символы. 2018. № 3 (16) С. 106–129.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. 815 с.
13. *Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия* // Сенатский архив. Т. 7. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. С. 636–811.
14. Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Наука, 1966.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 20. Д. 6.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 88. Д. 7302.
17. РГАДА. Ф. 248 Оп. 102. Д. 8104.
18. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 8.
19. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 23.
20. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 32.
21. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 36.
22. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 467.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д.1147.
24. Davies, L. B. *State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649.* New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

References

1. Bentsianov M. M. (2019). «*Kniaz'ia, boiare i deti boiarskie*». *Sistema sluzhebnyh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV—XVI vv.* ["Princes, boyars and boyar children." The system of service relations in the Moscow state in the 15th — 16th centuries.] Moscow: Sentrpoligraf, 2019. (in Russian).
2. Liapin D. A. (2008). *Dvorianstvo Eletskego uezda v kontse XVI – XVII vekah (istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*. Elets: «Tipografiia», 420 p. (in Russian).
3. Liapin D. A. *Landratskie knigi: karakteristika istochnika i ego informatsionnyj potentsial* (2021). [Landratskie books: characteristics of the source and its information potential] in *Quaestio Rossica*. 2021, 9 (1), 254-264. (in Russian).
4. Liapin D. A. (2021). *Opyt izuchenii landratskih knig petrovskogo vremeni* [Experience of studying the Landrats' books of Peter's time] in *Rossijskaia istoriia*. 2021, 1, 37-45. (in Russian).
5. Liapin D. A. (2018). *Rod dvorian Bekhteevyh v istorii Rossii (XV- nachalo XX v.)* [The Bekhteev family of nobles in the history of Russia (15th - early 20th century)] in *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Serii Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 1 (18), 4-12.
6. Liapin D. A., Akin'shin A. N., Lil'p I. G. (2020). *Bekhteevy: rodoslovnaia rospis'*. Vtoroe izdanie. Elets: EGU im. I.A. Bunina. (in Russian).
7. Mizis Iu. A. (2012). *Voevoda Moskovskogo tsarstva. R.F. Boborykin na gosudarevoj sluzhbe* [Voevoda of the Muscovy. R.F. Boborykin in the state service]. Tambov: Michurinsk. (in Russian).
8. Petruhintsev N. N. (2018). «*Razriadnaia*» voennaia reforma Alekseia Mihajlovicha i ee vliianie v 1658—1660 gg. na iuzhnye sluzhilye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipetskogo kraia) in *Istorii: Fakty i simvoly*, 3 (16), 106–129. (in Russian).
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* (1830). [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 6, St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-nija Sobstv. E.I.V. kanceljarii. (in Russian).
10. *Razriadnaia kniga 1475-1598* (1966). Moscow: Nauka. (in Russian).
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) (Russian state archive of ancient acts). F. 210. Inv. 20. D. 6. (in Russian).
12. *Spisok voennym chinam 1-i poloviny 18-go stoletii in Senatskii arkhiv (List of military ranks of the 1st half of the 18th century)*. (1895). [List of military ranks of the 1st half of the 18th century] in *Senatskij arhiv*. Vol. 7. St. Petersburg: Tipografiia Pravitel'stvuiushchego Senata, 636–811. (in Russian).
13. RGADA. F. 248. Inv. 88. D. 7302. (in Russian).
14. RGADA. F. 248. Inv. 102. D. 8104. (in Russian).
15. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 8. (in Russian).
16. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 23. (in Russian).
17. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 32. (in Russian).
18. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 36. (in Russian).
19. RGADA. F. 350. Inv. 1. D. 467. (in Russian).
20. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 1147. (in Russian).
21. Vazhinskii V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke* [Land ownership and the formation of a community of odnodvoretse in the XVII century.]. Voronezh : Voronezh. ped. in-t, 237 p. (in Russian).
22. Zaharov A.V. (2020). «*General'nyj smotr*» dvorianstva 1721–1723 gg.: istoriia organizatsii i rezul'taty ["General review" of the nobility of 1721–1723: history of organization and results] in *Istorii: fakty i simvoly*, 4 (25), 167-182. (in Russian).
23. Zaharov A. V. (2021). *Informativnost' i sostav massovoj dokumentatsii general'nogo smotra dvorianstva 1721–1723 gg.* [Information content and composition of mass documentation

of the general review of the nobility of 1721–1723] in *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 4 (in print). (in Russian).

24. Davies, L. B. *State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p. (in Russian).

Ерин П. В.
(Мичуринск)
Николашин В. П.
(Тамбов)

УДК 94(47).081

ТАМБОВСКАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПОРЕФОРМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматривается период (1861-1898 гг.) после отмены крепостного права в регионе Центральной России. Этот период времени характеризовался сложной ситуацией дальнейшего развития страны в новых реалиях. Несмотря на модернизационный посыл со стороны верхних эшелонов власти, в недрах региональной элиты сохранялись крепостнические устои и нравы, которые подкреплялись патриархальной психологией крестьян. В научном плане дополняются сведения о подстройке дворянства и помещиков к пореформенным реалиям, о действиях по реализации своих интересов. При осуществлении исследования применялись общенаучные и специальные исторические методы. В работе использовались архивные источники Государственного архива Тамбовской области. По результатам проведенного исследования можно отметить, что местные региональные управленческие элиты были склонны к расширению границ собственной власти. Модернизационные импульсы, направляемые из столицы, хотя и улавливались тамбовским руководством и дворянством, претворялись в жизнь рафинированно, исходя из местечковых интересов. С кризисом экономики нарастал и «кризис управленческой элиты». Местные власти все больше отстранялись от процесса модернизации сельского хозяйства в Тамбовской губернии, не осознавая того, что усугубляющаяся с годами агротехническая отсталость региона фактически превращается в очаг большого напряжения и грозит серьезными конфликтными ситуациями.

Ключевые слова: крестьянство, деревня, власть, модернизация, дворянство, реформа, Тамбовская губерния.

The article examines the period (1861-1898) after the abolition of serfdom in the region of Central Russia. This period is characterized by a difficult situation for the further development of the country in the new realities. Despite the modernization message from the upper echelons of power, in the depths of the regional elite, serf attitudes and customs were preserved, which were supported by peasant's patriarchal psychology. In this article the information on the adjustment of the nobility and landowners to the post-reform realities, on actions to realize their interests is supplemented. In carrying out the research, general scientific and special historical methods were used. The work is based on the archival sources of the State Archive of the Tambov Region. According to the results of the study, it can be noted that the local administrative elites were inclined to expand the boundaries of their own power. The modernization impulses directed from the capital, although caught by the Tambov leadership and the nobility, were implemented in a refined manner, drawing from the local interests. With the economic crisis, the "crisis of the management elite" also grew. Local authorities were increasingly distanced from the process of agricultural modernization in the Tambov province, not realizing that the agrotechnical backwardness of the region, which was aggravating over the years, was actually turning into a hotbed of great tension and threatened with serious conflict situations.

Keywords: peasantry, village, power, modernization, nobility, reform, Tambov province.
DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-99-112

Тамбовская деревня, вступая в период пореформенного развития, стояла на распутье. Поэтому первостепенной задачей на пути продвижения России к общеевропейскому процессу модернизации стало преодоление косности и консерватизма местного чиновничества.

Зачастую в структуре губернских правлений и местных управленческих звеньев работали представители дворянства, исходя из своих личных интересов стремившиеся к сохранению собственных привилегий и крепостнических порядков. Отчасти этому способствовал самодержавный полицейский строй, полученный в наследство от ушедшей эпохи.

По сути, местное дворянство, пользуясь своим служебным положением, стремилось подстроить «освободительный механизм» под личные интересы. Вот как характеризовал позицию тамбовских помещиков в пореформенный период предводитель лебедянского дворянства А. А. Жемчужников: «Освобождение крестьян – хорошая вещь... но приступили к нему несвоевременно: надо было дожидаться, когда не станет стариков» [22, с. 68]. Осознавая неизбежность и рациональность аграрной реформы, дворяне хотели отложить ее на потом. Но оказавшись лицом к лицу с новыми реалиями, помещики к 1870-м гг. либо распродали свои убыточные имения, либо пытались перестроить хозяйство соответственно новым условиям, применяя при этом новые технологии и новую систему взаимоотношений с бывшими крепостными.

Пользуясь выгодной экономической конъюнктурой на хлебном рынке, строительством и развитием сети железных дорог, в 1870-х гг. землевладельцы начали широко применять вольнонаемный труд. Так, число козловских имений, в которые начали привлекаться вольнонаемные, составляло в начале 1870-х гг. 80% [21, с. 11]. Стремясь «рационализировать» свое хозяйство, Тамбовские помещики стали активно применять технические средства и новые технологии в области растениеводства. «Порыв к рационализации» обуславливал появление общественных объединений помещиков-новаторов. В 1873 г. в Тамбове было организовано «Тамбовское общество сельских хозяев». Общество ставило в числе основных задач «рассуждение и беседы о сельскохозяйственных вопросах, изыскание наилучшего ведения хозяйства и устройства имений, распространение полезных сведений по части сельского хозяйства» [21, с. 11]. Оно просуществовало до начала 80-х гг. XIX в., когда сельскохозяйственный кризис уничтожил все надежды помещиков на «рациональное» хозяйство, прекратило его деятельность.

Позицию местной управленческой элиты относительно дальнейшей пореформенной модернизации губернии ярко демонстрирует переписка между министерством внутренних дел, губернатором К. К. Данзасом, губернским предводителем дворянства и рядом лиц, относящихся к управленческой верхушке. В связи с проводимой аграрной реформацией, в марте 1861 г. встал вопрос об открытии местного отделения поземельного банка. Как писал К. К. Данзасу управляющий министерством внутренних дел Валуев 13 сентября 1861 г., «в настоящее время при совершившемся преобразований... поземельная собственность крайне нуждается в развитии кредита и в устройстве земельных банков. Правительство, сознавая такую... потребность, изыскивает средства удовлетворения оной центральных земских кредитных учреждений на прочных основаниях» [3, д. 1566. л. 35].

Всем заинтересованным лицам, городским головам, предводителям дворянства и др. представителям руководящего звена местного чиновничества по указанию губернатора из высших слоев тамбовского общества были разосланы проекты устава поземельного банка. Для проведения их в жизнь чиновники должны были дать свои замечания и предложения. Дворянское собрание, рассматривая вопрос об учреждении в Тамбовской губернии общего поземельного банка, нашло его положительное решение невозможным [3, д. 1566. л. 130, 130-об., 130-а.].

В целом же предложение организации поземельного банка в губернии встречено было неоднозначно. Так, Усманский предводитель дворянства 17 ноября 1861 г. писал губернатору о том, что пока не будет установлена окончательно ценность вольнонаемного труда

и не будет определена его стоимость относительно земледельческого труда, «открытие банка не представит успеха» [3, д. 1566. л. 144-об.]. В свою очередь Борисоглебский предводитель дворянства имел другое мнение. 8 сентября 1862 г. он направил губернатору письмо, в котором «находил данное предложение вполне полезным» [3, д. 1566. л. 133]. Важность организации банка подчеркивали и землевладельцы Моршанска, они также выразили свое желание участвовать в формировании банковского капитала [3, д. 1566. л. 139].

Косность и традиционализм местной дворянско-управленческой верхушки в эпоху великой модернизации ставили препятствия на пороге любых позитивных начинаний правительств. Местное элитарное чиновничество сдерживал инстинкт самосохранения. Опасаясь за свое будущее, за сохранение поместной частной собственности в модернизационном процессе, оно стремилось занять позицию тормоза или нейтрализации. Понимая свою неадекватность новым политическим и экономическим вызовам, администраторы старой закалки стремились любыми способами удержаться в изменяющейся управленческой системе, побуждаемые стремлением сохранить все имеющиеся в связи с этим льготы и привилегии.

Модернизационный импульс нанес мощный удар по традиционному аграрному тамбовскому обществу. Раскол произошел как среди всего общества, так и в среде элит. Если представители административной системы вынуждены были выступать проводником указаний из центра, то дворянство в большинстве своем стремилось снизить градус давления на собственные права, привилегии и собственность.

Крестьяне, оказавшись в ходе модернизации под чудовищным налоговым прессом, вынуждены были для выхода из тяжелой финансовой ситуации использовать все возможные экономические ресурсы. Как отмечал исследователь П. Черменский, «в 70-х годах тамбовские крестьяне распахали все, что можно было распахать на своих и помещичьих землях, и как только могли интенсифицировали культуру земли в рамках старого трехполья» [21, с. 6]. Но земли все равно не хватало, поэтому приходилось арендовать ее у помещиков. Общий анализ крестьянского землепользования в 1881-1884 гг. показал, что в данный период 34,1% всего количества домохозяев арендовало 442 тыс. десятин внеадельной пашни, что составляло 22,1% от крестьянских надельных пахотных земель. В целом же, в 1860-х гг. посевная площадь в Тамбовской губернии достигла 2116 тыс. десятин [21, с. 6].

«Земельный голод» и сохранявшиеся противоречия в крестьянском социуме грозили новой волной аграрного движения. Крестьяне, испытывая земельную жажду, весьма болезненно реагировали на применяемую помещиками практику «земельных отрезков» [23, с. 157]. Так, в 1870-80-е гг. отмечались отдельные выступления крестьян по причине отказа выполнять повинности в пользу помещиков из-за спорной с помещиками территории. В этот период были зафиксированы только два случая привлечения военной силы: в с. Мердуши Темниковского уезда и в с. Фоновка Липецкого уезда [17, с. 274].

Тяжелое положение тамбовского крестьянства, «упадок его благосостояния» признавал и сам губернатор, и министерство внутренних дел. В циркуляре губернаторам министр внутренних дел граф Д. Толстой 28 августа 1882 г. отмечал: «Из отчетов о крестьянском деле господ губернаторов, других имеющихся в министерстве официальных данных и добытых иным путем сведений несомненно подтверждается, что в этих местностях крестьянское сословие, получившее самоуправление и наделенное землею, вместо ожидаемого развития и преуспеяния, стало обнаруживать очевидный упадок своего экономического быта» [1, д. 1987, л. 54]. Основной причиной тому служили, по сведениям министерства, разделы крестьянских земель при отсутствии контроля со стороны сельского схода. Это оказывало влияние на интенсивность и качество обработки земли, и, как следствие, вело к снижению урожайности и платежеспособности крестьян.

Помимо вопроса землеустройства, после опубликования Манифеста 1861 г. перед местной властью встала не менее важная задача организовать под надзором губернаторов самоуправление крестьян. В реализации процесса местные управленцы выступали посред-

никами между высшими этажами власти и населением. Государственная власть хотела организовать дворянский контроль над местными органами самоуправления. При этом дворянству приписывалась роль устранения противоречий между сословиями. Тормозило процесс перестройки системы местного самоуправления и противоречивое отношение бюрократии к новоорганизованным органам местного самоуправления [9, с. 295].

1 января 1864 г. в Российской империи вводилась новая система управления на местах - земства. В уездах и губерниях они делились на распорядительные и исполнительные. Распорядительные органы – очередные земские собрания гласных (заседали один раз в год). В свою очередь земские собрания выбирали исполнительные органы, состоящие из нескольких членов и председателя земские управы.

После реформы нововведенные земства были включены в иерархию властных структур на местах, выполняя в системе управления посредническую и контролирующую функции. По замыслу реформы предполагалось, что земские органы будут заниматься важными для местных территорий хозяйственными и социальными вопросами и будут отделены от вопросов политических. Однако, независимо от воли правительства, деятельность земских учреждений постепенно вышла за рамки хозяйственных дел, охватив сферу публичной политики.

Губернские и уездные земства на Тамбовщине были сформированы в 1864 г. согласно введенному Положению о местном самоуправлении. Реформа требовала переустройства и местного хозяйства. Передовая общественность видела в земствах спасение от бюрократизма.

Земские должны были строиться на принципе сословности, однако фактически основой формирования сословных земских учреждений выступал имущественный ценз. Тем самым Положение 1864 г. косвенно создавало условия для формирования нового эшелона местной управленческой элиты. С введением в стране земств часть помещичьего дворянства активно включилось в процессы местного управления [9, с. 178].

Как уже отмечалось, по закону земства были призваны решать хозяйственные и социальные вопросы (строительство и содержания местных дорог, богаделен, больниц, организация продовольственной помощи населению в годы неурожая, развитие ветеринарии, осуществление агрономической помощи, сбор статистических данных, развитие образования и др.). Повышение урожайности в тамбовской деревне в 70-80-е гг. XIX в. было непродолжительным, а в 90-е гг. производство зерна увеличилось только за счет распашки леса, пастбищ и лугов, приоритетными задачами земств Тамбовской губернии ставились: повышение агрокультуры и обеспечение сельского населения продовольствием [6, с. 122].

После неурожая и последовавшего за этим голода 1891-1892 гг., стала очевидной острая необходимость агрономической помощи населению. Как мера экстренной помощи в 1894 г. губернским земством была учреждена агрономическая организация, которая своей деятельностью охватила все уезды губернии. За неимением материальных ресурсов, созданная организация предложила уездным управам содержать агрономов за свой счет. Большинство управ высказалось по этому вопросу отрицательно, и губернская агрономическая организация через год распалась [21, с. 53].

Зачастую многие начинания земств наталкивались на «стену» непонимания их значимости со стороны губернских властей. Как отмечает исследователь И. В. Двухжилова, при «всех успехах и неудачах земской деятельности «виновны» люди, составлявшие группу земских гласных. Именно они вырабатывали приоритетные направления земской деятельности» [7, с. 24].

Кроме всего прочего, важно учитывать и то, что социальную основу земских учреждений составляли дворяне, и, хотя их численное превосходство было не всегда и не везде налицо, именно дворянские депутаты, как правило, проявляли наибольшую активность. Не менее заметную роль в земстве играли и уездные предводители дворянства [5, с. 20-21]. Та-

ким образом, «благородное сословие» оказывало решающее воздействие на деятельность земских распорядительных и исполнительных учреждений.

Великие реформы 1860-1870 гг., повлекшие за собой рост рыночных отношений, способствовали изменению существовавших в течение многих веков условий общественного производства, развитию производительных сил страны, росту общественного разделения труда. Наряду с отменой крепостного права, введением органом местного самоуправления, судов, распространением просвещения проводимые преобразования создавали базу для изменения экономического и политического уклада общества. Процесс реформации в полной мере затронул и Тамбовскую губернию.

После отмены крепостного права «дворянство лишилось даровой доставки хлеба на крестьянских подводах, что, несомненно, сократило предложение помещичьего хлеба» [21, с. 7]. Это вынуждало местных помещиков лоббировать в правительстве вопрос о строительстве железных дорог в Тамбовской губернии. Во второй половине XIX века территория региона покрылась линиями железных дорог (не менее 7 линий). Земства приняли активное участие в финансировании их постройки.

Развитие железнодорожной сети создавало условия для более глубокого включения Тамбовщины во всероссийский рынок, в первую очередь это касалось хлебного рынка. В пореформенный период на продовольственный рынок, наряду с помещичьим зерном, все больше стал попадать крестьянский хлеб. Развитию этого процесса способствовала активизация железнодорожных перевозок [21, с. 7].

В 1891 г. на Особом совещании по проблемам развития товарных отраслей сельского хозяйства обсуждался вопрос о роли путей сообщения для организации развития хлебной торговли. На совещании, наряду с записками министра финансов, отзывами биржевых комитетов, сельскохозяйственных обществ, директора Департамента железнодорожных дел Циглера, рассматривались записки от председателя правления Общества Рязано-Уральской железной дороги И. Е. Ададунова под заголовком «К вопросу о хлебных залежах» и председателя правления Общества Юго-Восточных железных дорог В. А. Введенского под названием «Залежи хлебных грузов и провозная способность железных дорог» [16, с. 99]. На основании представленных заявлений после обмена мнениями членами собрания были определены основные причины хлебных залежей на местах. Ими оказались: недостаточное развитие российской железнодорожной инфраструктуры, а также недостаток складских помещений для хранения сельскохозяйственного сырья. Пореформенная модернизация страны дала мощный импульс развития для Тамбовской губернии в целом, в частности, это сказалось на повышении уровня аграрного производства, развитии путей сообщения и других сферах. В ходе реформы в новую систему товарно-производственных отношений включались не только представители местной аграрной элиты, но представители управленческого звена других сфер производства.

Строительство железных дорог, кроме всего прочего, призвано было способствовать решению важной для осуществления аграрной реформы переселенческой проблемы. Переселение крестьян из малоземельных волостей и обществ рассматривалось одним из ключевых мероприятий в предотвращении аграрного кризиса. «По некоторым данным уже в 1890-е гг. выше 40% сельского населения оказалось «лишним» [10, с. 5].

Переселенческое движение в тамбовской деревне начало активно развиваться после отмены крепостного права. Крестьянские реформы, проводившиеся в 60-х г. XIX в., предельно ограничивали свободные переселения процедурой «перечисления» в другие сельские общества, основанной на жесткой регламентации и полной самостоятельности миграции, что стало причиной всплеска стихийных выселений из ЦЧР [11, с. 39]. Законные миграции на льготных условиях (с небольшим числом участников) производились на основании специальных законоположений о заселении колонизируемых территорий (Дальний Восток, Алтай, Заволжье и др.).

Первым законодательным актом, регламентирующим миграционный процесс, стали «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» от 10 июля 1881 г. Однако правовая регламентация переселенческого акта не привела к положительным результатам: для чиновников проблема переселения зачастую оборачивалась административными взысканиями, для крестьян - экономическим упадком хозяйств, возвращением из мест поселений. Для правительства стала совершенно очевидной необходимость корректировки соответствующих законов. В связи с этим в 1881 г. было созвано «Совещание сведущих людей по переселенческому вопросу», собравшее на дискуссию ведущих земских деятелей Воронежской, Рязанской, Тамбовской и других центральных губерний. Собравшиеся отметили, что «остановить эти переселения невозможно и поэтому остается только их регулировать», призвали правительство к широкому обсуждению нового закона, что «оградило бы переселенцев от всех невыгодных последствий наугад и способствовало бы общему поднятию земледельческой производительности государства» [11, с. 39].

Новый общий закон от 13 июля 1889 г. и его последующие дополнения, в первую очередь, правила от 15 и 27 апреля 1896 г., заложили юридическую основу широкого заселения территории Сибири. Успех проведения в жизнь нового законодательства во многом предопределили сопутствующие меры сдерживающего и стимулирующего характера [11, с. 40]. Как отмечает А. И. Новиков, «сначала никакого законодательства не было: шли, как придется, по паспортам. С увеличением числа переселенцев увеличивался беспорядок распределения их на местах; начали образовываться скопища нищих на некоторых сборных пунктах, разразились болезни и голод. Тогда, чтобы поправить дело, была выдумана сложная и весьма неудачная процедура выхлопывания разрешений из губернского присутствия» [12, с. 183]. Присутствие должно было выступать «тормозом» нежелательного для благородного сословия процесса оттока излишних рабочих рук из деревни. Однако несмотря на сдерживающие меры, миграционные процессы нарастали. «К 1897 г. из губернии выехало 260 тыс. сельских жителей, почти десятая часть населения Тамбовщины на тот момент» [10, с. 5]. При этом проблема перенаселения сохраняла свою актуальность.

Малоземелье и демографический подъем, охвативший страну в целом, и Тамбовскую губернию, в частности, подталкивал крестьян к переселению. Согласно законодательству, в 1890-х гг. процесс получения права на переселение начинался с выдачи ходоку-переселенцу свидетельств от семьи или нескольких крестьянских дворов. Совершив поездку и выбрав место для переселения, ходок возвращался. Для того чтобы получить право на выезд необходимо было обладать достаточными денежными средствами. «Во избежание явки в Сибирь семей нищих, не имеющих чем обзавестись по приезде, закон требовал, чтобы эта семья выручила от продажи своего имущества не менее 300 рублей» [2, д. 21, л. 1]. Кроме материальных, на пути крестьян, при получении проходных свидетельств и паспортов, стояли несколько административных барьеров: разрешение общины, административные решения земского начальника, губернского присутствия и конечной инстанции - переселенческого управления Министерства внутренних дел.

Несмотря на то, что вопрос переселения крестьян регулировался законодательством, в ряде случаев мнение «на местах» оказывалось решающим. В миграционную политику достаточно активно вмешивалась губернская власть. Окончательный вердикт по переселению в каждом конкретном случае выносился на заседании административного отдела Тамбовского губернского присутствия, в составе губернатора, вице-губернатора, управляющего казенной палатой и других представителей местной управленческой элиты.

В административный отдел Тамбовского губернского присутствия поступала масса прошений от крестьян о переселении их в районы со свободными землями. Все они фиксировались в специальном журнале административного отдела Тамбовского губернского присутствия. В записи от 24 февраля 1897 г. отмечалось, что А. Д. Головнин, непременный член присутствия, доложил о желании крестьянина деревни Александровки Оржевской волости Кирсановского уезда Александра Васильева Ларькина с семьей переселиться в Си-

бирь. К прошению прилагался «приговор» крестьян села Петровское Моршанского округа, позволявший крестьянину переселиться на новое место. Рассмотрев ходатайство, губернское присутствие поставило: «разрешить крестьянам деревни Александровки испрашиваемое им переселение в Томскую губернию» [1, д. 21, л. 1, л. 1-об.].

На том же заседании губернского присутствия было рассмотрено прошение крестьян деревни Ржаксинские выселки Ржаксинской волости Кирсановского уезда Петра Ананьева Попова и Лариона Савельева Попова о переселении их в Амурскую область. Земский начальник 3 участка Кирсановского уезда предоставил документы, которые содержали сведения о «семейном и экономическом положении просителей». Из материалов следовало, что «разрешение на переселение в Амурскую область может получить только проситель Петр Ананьев Попов, как имеющий для переселения достаточно собственных средств, Ларион же Попов переселиться на свой счет не может» [1, д. 21, л. 3, л. 3-об.]. В соответствии с заключением земского начальника губернское присутствие вынесло решение о переселении Петра Ананьевича Попова, а ходатайство Лариона Попова оставило без удовлетворения.

В отношении ходатайства малоземельного крестьянина Михаила Дмитриевича Фролова села Уварово Уваровской Волости Борисоглебского уезда о переселении его в Амурскую область губернское присутствие приняло положительное решение, т.к. проситель имел достаточное количество средств для переезда. При семье, состоявшей из трех человек и располагавшей 2 десятинами 11 саженьями надельной земли, Фролов имел имущества на 413 рублей [1, д. 21, л. 8, л. 8-об.].

В ряде случаев для разрешения вопроса о переселении крестьян на новое место тамбовскому губернатору С. Д. Ржевскому приходилось лично обращаться к своим коллегам. Так, 24 февраля 1897 г. на заседании административного отдела Тамбовского губернского присутствия было рассмотрено дело по ходатайству нескольких крестьян Липецкого уезда деревни Яковлевки о переселении на казенные земли деревни Букаевой Белебеевского уезда Уфимской губернии. Для выяснения возможности переселения на имя местного губернатора был отправлен запрос. В ответном письме 13 января 1897 г. уфимский губернатор сообщил, что «переселение ...прекращено, а поэтому ходатайство крестьян Ворошила, Никифорова и Наумова о переселении их в означенную губернию удовлетворено быть не может» [1, д. 21, л. 4, л. 4-об.]. На основании данного письма губернским присутствием было постановлено: «Ходатайство отклонить, о чем объявить... через надлежащего земского начальника, а дело считать конченным» [1, д. 21, л. 4-об.].

Тамбовские крестьяне, став за время реформы грамотнее и дальновиднее, «осмеливались» обращаться к руководителям других регионов напрямую, минуя своего губернатора. Так, жители деревни Рахмановские выселки Новогаритовской волости Козловского уезда Сергей Нистратов с прочими обратились к томскому губернатору с просьбой о разъяснении, могут ли они при переселении в Томскую губернию обзавестись хозяйством [1, д. 21, л. 7]. Свой ответ томский губернатор направил тамбовскому губернатору С. Д. Ржевскому 11 июня 1896 г. В нем говорилось, что «по... установленным порядком разрешении на переселение» переселенцам будет отведено по 15 десятинам земли на каждую душу мужского пола, также, в случае «действительной нужды» будет оказана помощь [1, д. 21, л. 7].

На заседании земского присутствия было рассмотрено заключение земского начальника 2-го участка Козловского уезда о семейном и экономическом положении крестьян-переселенцев. Выяснилось, что двое просителей отказались переселяться, «остальные семнадцать семей подтверждают свое ходатайство... просители земли не имеют и положение их на Родине крайне тяжелое» [1, д. 21, л. 35]. Земский начальник со своей стороны просил губернское присутствие поддержать ходатайство крестьян. Ходатайство было удовлетворено, дело отправлено на окончательное утверждение в переселенческое управление Министерства внутренних дел.

11 марта 1897 г. на заседании Тамбовского губернского присутствия, наряду с его постоянными членами: губернатором С. Д. Ржевским, управляющим государственным

имуществом С. А. Шпилевым и др. - присутствовал чиновник Министерства внутренних дел по особым поручениям А. А. Чарушин. Его приезд был вызван запросами в адрес Министерства с мест относительно проблем, связанных с переселением крестьян. Он дал ряд разъяснений «для однообразного применения новых правил о порядке выдачи разрешений по переселению крестьян в Сибирь» [1, д. 21, л. 9]. А. А. Чарушин разъяснил представителям местной административной власти ключевые положения циркуляра министра от 20 января 1897 г. за № 1, устанавливающие новый порядок переселения. «При рассылке этого циркуляра господам земским начальникам Тамбовской губернии никаких особых рекомендаций подано не было, так как циркуляр сам по себе составлен настолько подробно, что если бы дополнить его местным руководством, то скорее можно вызвать затруднения при исполнении, нежели облегчить задачу господ земских начальников» [1, д. 21, л. 9]. Представитель Министерства подробно остановился на пункте 9 циркуляра, согласно которого, все ходатайства о переселении должны рассматриваться губернским присутствием вне очереди с обязательным информированием просителей о состоявшихся по ним распоряжениям Тамбовского губернского присутствия.

На заседании выяснилось, что губернское присутствие стремилось сократить количество переселенцев из региона, о чем выносились соответствующие решения. Одно из них было связано с ходатайством тамбовских крестьян о переселении в Сибирь. Земское присутствие предписывало прекратить делопроизводство по затянувшимся делам, проинформировав о том крестьян [1, д. 21, л. 9]. А. А. Чарушин находил такое распоряжение «целесообразным», т.к. пересмотр этих дел мог бы побудить к переселению тех, кто «продолжает вести хозяйство на Родине» [1, д. 21, л. 9-об].

Изменения в законодательстве вызывали у местного начальства некоторые вопросы, в частности: «Имеют ли право земские начальники своею властью разрешать одиночной семье окончательно переселиться? На чей счет должны посылаться телеграммы, и на какие средства заготавливать земским начальникам бланки проездных документов? От кого зависит разрешение переселения в Самарскую губернию?» После продолжительных дискуссий было принято решение о необходимости взаимодействия в переселенческих вопросах представителей местного административного аппарата и переселенческого управления. Вместе с тем ход обсуждений показал, что Тамбовское губернское присутствие склонялось к передаче решающего голоса в вопросе переселения губернатору.

11 июля 1897 г. на очередном заседании Тамбовского губернского присутствия рассматривалось прошение крестьян селений Жуковской волости Спасского уезда выехать в Самарскую губернию. Несмотря на то, что прошение было удовлетворено земским начальником и тамбовским губернским присутствием, переселенческое управление Министерства внутренних дел ходатайство отклонило, обязав местную администрацию собрать полные сведения об экономическом положении каждого крестьянина в отдельности и их сельских обществ в целом. Основанием отказа послужило заявление Министерства об ограничении количества свободных земель в Самарской губернии, в связи с чем «переселения на эти земли могут быть разрешены лишь в случаях особой необходимости и при том только таким семьям, кои... не обладают достаточными средствами для переселения в более отдаленные местности империи» [1, д. 21, л. 19, л. 19-об.].

Решение проблемы аграрного перенесения региона тормозилось административными барьерами. Значит, была возможность решить отчасти проблему переселения интенсификацией аграрного производства. Сложившиеся обстоятельства выдвигали перед местной властью новые требования.

«Капитализация сельского хозяйства требовала серьезного реформирования инфраструктуры села: внедрения современной техники и удобрений, использования урожайных культур и более современных технологий земледелия; изменения самого менталитета земельных собственников – отказа их от ряда «упорных предрассудков» и перехода к рациональному хозяйствованию. На помощь государству в решении этих масштабных задач

пришли общественные структуры – земства и общественные организации...» [18, с. 41], - отмечает А. С. Туманова.

Внедрение прогрессивных технологий в регионе шло слабо. Хозяйства не спешили применять новые приёмы агротехнологии. Органы власти в большинстве случаев оказывали лишь консультативные функции. В пореформенный период мероприятия по совершенствованию природопользования и природоохраны инициировались узким слоем землевладельцев, которые вели собственное хозяйство, располагали для этого достаточными финансовыми и организационно-техническими возможностями.

«Несмотря на заметное постепенное сокращение принадлежавшей им земли (с более чем 782592 дес. по данным конца 1880-х гг. до 370800 дес. к 1917 г. – на 53%), они оставались ведущими производителями сельскохозяйственной продукции на всем протяжении пореформенного периода. Крупнейшие помещики Тамбовской губернии (Долгорукие, Бенкендорф и др.) занимали видное положение в правящей элите, проявляли устойчивый интерес к экономическим новациям» [19, с. 19]. Но таковых были единицы. В целом же высшие и местные элиты оказывали малоощутимое воздействие на практику природопользования.

Несмотря на стремление большинства тамбовских помещиков «затянуть» процесс выкупа крестьянами наделов, в среде местной элиты культивировались взгляды о необходимости углубления аграрных преобразований и повышения эффективности использования сельскохозяйственных угодий. Так, помещик Кирсановского уезда В. М. Петрово-Солово в докладе Валуевской комиссии 1872-1873 гг. «писал о малых наделах крестьян и высоких выкупных платежах» [20, с. 26].

В Тамбовской губернии в конце XIX века усиливают свою деятельность губернские общества. В уставах тамбовских СХО принадлежность членов к какому-либо сословию или социальной страте не оговаривалась, но на практике, особенно на начальном этапе существования сельскохозяйственных обществ, в их составе были обеспеченные люди (на 90% это были дворяне), имеющие возможность платить членские взносы. Со временем состав обществ стал пополняться выходцами из средних слоев населения, демократизироваться. Сельскохозяйственные общества оказывали заметную помощь в модернизации аграрных хозяйств и помещиков и крестьян (проводили испытания машин, приобретали и внедряли новые сорта и породы).

Самой крупной организацией Тамбовской губернии в области сельского хозяйства являлось Сельскохозяйственное общество, открытое в феврале 1902 г. губернатором С. Д. Ржевским. Инициаторами его создания стали известные земские деятели, помещик В. М. Петрово-Солово, князь Д. А. Кугушев, С. И. Кондырев, М. П. Колобов, П. П. Сущинский» [18, с. 44]. Отметим, что активно работать Тамбовское сельскохозяйственное общество начало лишь на втором десятилетии своей деятельности.

Одним из ключевых факторов, влиявших на образование сельскохозяйственных обществ в Тамбовской губернии, была политика правительства по упрощению процедуры регистрации организации. «До 1866 года они учреждались императорской властью после соответствующего заключения Комитета министров... Начиная с 1866 г. учреждение уставов обществ сельского хозяйства было всецело отнесено к компетенции Министерства государственных имуществ...» [18, с. 41].

Важное вехой в деятельности тамбовских сельскохозяйственных обществ стало издание в 1898 г. устава СХО, обобщившего и модернизировавшего действующую практику учреждения СХО, упростившую процедуру их открытия. СХО, бравшие за основу положения нормального устава, могли открываться губернаторами без участия Министерства государственных имуществ [14, с. 22]. В дальнейшем решение об открытии общественных организаций принималось в соответствии с «Временными правилами об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. в губернском по делам об обществах присутствии.

В целом же, сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии, выполнив свою организационно-хозяйственную функцию, сошли с исторической арены. Однако их дея-

тельность принесла свои конкретные плоды для региона, она высоко оценивалась в отчете за период с октября 1917 по конец 1918 гг. В нем, в частности, отмечалось: «Общественные организации... в тяжелую годину всеобщего развала и зверского дикого стремления к удовлетворению только своих эгоистических целей... стремились стать выше выгоды отдельных личностей и задаться целью внести в общий мрачный хаос разрушения светлую струю общественного творчества...» [4, д. 2, л. 40].

Однако обращения и призывы местных активистов зачастую не находили отклика у представителей административной власти. Новая когорта местных управленцев не хотела, да и не имела возможности оказания должной помощи сельскохозяйственным организациям.

В конце XIX в. обострилось противодействие крестьян Тамбовской губернии взиманию властями недоимок по налогам. По мнению тамбовских историков, «дело было, видимо, не только в обнищании части крестьянского населения, но и в том, что заметные круги, втягивались в рыночную экономику, научившись зарабатывать деньги, не желали с ними расставаться [8, с. 28-29]. В этих условиях от местных властей требовалось не только прежнее умение строго исполнять указания «сверху», добиваясь их исполнения самыми жесткими методами, но и умение проявлять гибкость в разрешении различных вопросов аграрного производства.

Власти недопустимо затягивали решение аграрного вопроса, действовали непоследовательно, а нередко попросту халатно. Характерный конфликт произошел в 1893 г. между крестьянами села Тафино и деревни Красиловка Липецкого уезда Тамбовской губернии. В 1859 г. Липецкий уездный суд отрезал у этих сельских обществ 619 десятин земли в пользу помещиков Головиных. В 1869 г. Тамбовская судебная палата утвердила это решение. Крестьян в известность не поставили, хотя они числились за государством, их интересы должна была защищать палата государственных имуществ.

Во время размежевания 1871 г. сельские общества узнали об отчуждении земли и подали жалобу в губернское правление, которое приняло сторону ответчика. В 1885 г. Сенат подтвердил решение губернского правления, но в 1887 г. по жалобе противной стороны указал, что хоть отчуждение и незаконно, земля должна остаться у фактических владельцев до судебного разбирательства. Крестьянам о втором решении не сообщили, и в 1892 г. они обратились в Сенат с просьбой о новом размежевании. Сенат указал, что вопрос о размежевании должен решаться в судебном порядке. Однако до крестьян заключение Сената также не дошло, в 1893 г. они начали распахать земли, которые считали законно своими. По жалобе помещика Д. Головина на место преступления прибыл губернатор барон В. П. Рокасовский с тремя ротами солдат. 17 крестьян были арестованы, двух зачинщиков высекли розгами, для кормления солдат у сельского старосты конфисковали корову. На прощание губернатор посоветовал сельским обществам «искать своих прав судебным порядком» [13, с. 65-66].

Ситуация в Тамбовской губернии по сравнению с другими регионами страны была относительно стабильной и благополучной. «В 1890 - 1900 гг. здесь произошло 8 крестьянских выступлений: в 1891 г. – 3, в 1890, 92, 93, 94, 97 – по одному. В 1895, 96, 98, 99, 1900 гг. – ни одного. В 1901-1904 гг. зафиксировано 14 крестьянских волнений, соответственно 2,5, 6,1. В 1902 и 1903 гг. имели место поджоги, в остальных случаях – отравы посевов, самовольная запашка земель» [13, с. 66].

В целом же тамбовские крестьяне испытывали недостаток в продуктах питания даже в урожайные годы. Так, земский агроном П. Тихобразов отмечал: «По отзывам корреспондентов нужно признать, что урожай ржи в 1896 г. в общем итоге был недостаточен для довольствия крестьянского населения Тамбовской губернии» [15, с. 15].

Некоторый спад крестьянских волнений в предреволюционный период был обусловлен в первую очередь развитием сельского хозяйства и благоприятными природными условиями, способствующими росту урожайности. На 1 января 1905 г. в хлебных магазинах

имелось 2465918 пудов зерна и 1416611 руб.; в «ссудах, благонадежных к поступлению», 1510498 пудов зерна и 469955 руб. До нормы не хватало (даже при условии полного погашения ссуд) 850569 пудов зерна и 1443363 руб. Кроме того, мало развитое скотоводство, садоводство и огородничество только начинало возрождаться в больших размерах с промышленной целью [13, с. 67].

Важными вопросами для администрации региона оставались вопросы выплаты разного рода податей. Как отмечал А. И. Новиков, в «Записках земского начальника», написанных в 1899 г. при сборе недоимок, применялись чрезвычайные меры вплоть до продажи крестьянского имущества [12, с. 129]. На практике описи составлялись заранее в августе и не проверялись земским начальником, а становой пристав продавал крестьянское имущество, не принимая описи в расчет. В ряде случаев продажу имущества крестьян-должников инициировал крестьянский сход во избежание выплат по круговой поруке. Зная это, крестьяне старались найти деньги для погашения задолженности, пусть и ценой заклада последней полосы земли или продажи лошади. Такой метод как заключение в «холодную» был менее эффективным и применялся в основном старостами и волостными старшинами на предварительном этапе сбора налогов.

Однако при слаженной работе местных властей вопрос с недоимками разрешался краткосрочно. Вот наглядный пример деятельности помещика и земского начальника 9-го участка Козловского уезда А. И. Новикова из источника: «До 1891 года 9 участок имел за собой массу крестьянских недоимок, которые еще более увеличились в 1891 году по случаю неурожая. Но несмотря на это, к 1 декабря 1896 года недоимки по участку все были заплачены, а также был заплачен и оклад текущего года, так что участок остался чист, что всецело нужно отнести к деятельности г. Новикова» [12, с. 30].

Однако подобные действия не всегда были осуществимы в силу тяжелого экономического положения деревни. Тамбовское крестьянство, попав в сети «системной бедности», одновременно испытывая «земельный голод» и давление налогового бремени, становилось агрессивным по отношению к внешнему миру. Наибольшим раздражителем по-прежнему оставалось дворянство с его «оскудевшими» имениями, а также представители местной управленческой элиты с их политическим безразличием и близорукостью.

В пореформенный период крестьянство Тамбовской области столкнулось с аграрным перенаселением. Земли не хватало для нормальной жизнедеятельности крестьянского двора. Это приводило к сильной конфронтации внутри крестьянского мира, и также с другими сословиями. Если крестьянин арендовал землю, причём такой тоже не хватало, то доходы его снижались и доставались собственнику земли. В селах увеличивалось число бедных хозяйств.

Ситуация складывалась отрицательная, переустройство хозяйств и обновление агротехнологий было не возможно. Крестьянские хозяйства все больше приходили в упадок. Государственная власть не предпринимала существенных преобразований. Шло дальнейшее разорение сельских жителей, даже частично страдало и дворянство. При этом усиливалось положение крупных собственников земли и приближенных короной к власти.

Для выхода из кризиса, усугубленного бурным ростом населения, тамбовской деревне требовалась интенсификация аграрного сектора, включающая комплекс мероприятий: освоение усовершенствованных севооборотов, привлечение квалифицированных специалистов, использование новых улучшенных орудий труда и технологий в сфере аграрного производства, привлечение инвестиций. Отдельные мероприятия по рационализации природопользования, проводившиеся в высококультурных частновладельческих хозяйствах региона, демонстрировали лишь посылы к индустриальной модернизации и решающей роли в самом процессе не играли.

Тамбовские управленческие элиты пытались в пореформенное время сохранить свои властные полномочия. Призывы по обновлению положения дел, исходящие из столицы, доходили до местных «начальников», но реализовывались выборочно, с учетом своих интере-

сов. Все больше проявлялась не способность губернской администрации решить проблему отставания развития сельского хозяйства. Модернизация этой сферы решила бы проблему социальной напряженности и смягчила противоречия между сословиями.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 1987.
2. ГАТО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 21.
3. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1566.
4. ГАТО. Ф. Р.-3544. Оп. 1. Д. 2.
5. Двужилова, И. В. (2010). *История Тамбовского края середины XIX - начала XX веков*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. 120 с.
6. Двужилова, И. В. (2001). *Итоги деятельности Тамбовского земства в 70-80-е годы XIX века* // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. молодых ученых и студентов. Вып. 7. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. С. 122-126.
7. Двужилова, И. В. (2003). *Социальный состав Тамбовского земства (1865-1890 гг.)*. Тамбов: Юлис. 140 с.
8. Есиков, С. А., Канищев, В. В. (1995). *Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния, 1861-1921 гг.)* // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. С. 25-35.
9. *Земское самоуправление в России, 1864-1918: в 2 кн. Кн. 1: 1864-1904.* / [редкол.: Н. Г. Королева (отв. ред.), А. П. Корелин, Л. Ф. Писарькова]. М.: Наука, 2005. 427 с.
10. *Крестьянское движение в Тамбовской губернии, 1917-1918: доклады и материалы* / составитель В. Данилов и др. М.: РОССПЭН, 2003. 477 с.
11. Курцев, А. Н. (1995). *Миграции крестьян и царская политика в 1861-1916 гг. (по материалам Центрально-Черноземного региона)* // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. С. 36-44.
12. Новиков, А. И. (2010). *Записки о земстве и сельской школе*. Тамбов: б/и. 370 с.
13. Помогаев, В. В., Ильин, С. А. (2002). *Российские политические партии и аграрное движение в Тамбовской губернии 1905-1906 гг.* // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX-начало XX вв.): Сборник научных статей. Выпуск 4. Тамбов. С. 64-73.
14. Свиридов, В. В. (2006). *Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии: Вторая половина XIX - начало XX вв.*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Тамбов.
15. *Сельскохозяйственный сборник Тамбовской губернии* / Под ред. П. П. Тихобразова. Тамбов: Тамбовское губернское земство. 1897. Выпуск I. Урожай 1896 года. 75 с.
16. Симонова, М. С. (1987). *Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции*. М.: Наука. 252 с.
17. *Тамбовская энциклопедия* (2004) / автор-сост. А. М. Абрамов. Тамбов: Юлис. 708 с.
18. Туманова, А. С. (1998). *Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии на рубеже XIX-XX столетий* // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв). Сборник научных статей. Выпуск 2. Тамбов. С. 39-43.
19. Хмель, Е. В. (2004). *Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв.*: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Тамбов.
20. Цинцадзе, Н. М. (2010). *Обсуждение демографических и экологических последствий крестьянской реформы 1861 г. и причин аграрного кризиса в Центрально-*

земледельческих губерниях России на страницах периодических изданий второй половины XIX века // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. Сборник научных статей. М.-Тамбов: Издательство ТГУ. С. 25-33.

21. Черменский, П. Н. (1928). *От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861-1917-й годы.* Тамбов: Пролетарский светоч. 100 с.

22. Чичерин, Б. Н. (2010). *Годы и время.* Тамбов: Издательство ТГУ. 265 с.

23. Энгельгардт, А. Н. (1987). *Из деревни. 12 писем. 1872-1887.* М.: Мысль. 639 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO). [State Archives of the Tambov Region] F.26. Op. 1.D. 1987. (in Russian).

2. GATO. F. 26. Op. 3.D. 21. (in Russian).

3. GATO. F. 4. Op. 1.D. 1566. (in Russian).

4. GATO. F. R.-3544. Op. 1.D. 2. (in Russian).

5. Dvuzhilova, I. V. (2010). *Istoriya Tambovskogo kraja serediny XIX-nachala XX vekov* [History of the Tambov Territory in the middle of the XIX-beginning of the XX centuries]. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta. (in Russian).

6. Dvuzhilova, I.V. (2001). *Itogi deyatel'nosti Tambovskogo zemstva v 70-80-e gody XIX veka* [The results of the activities of the Tambov zemstvo in the 70-80s of the XIX century] in Trudy TGTU: Sb. nauch. st. molodykh uchenykh i studentov, vyp. 7. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta, 122-126. (in Russian).

7. Dvukhzhilova, I. V. (2003). *Sotsial'nyy sostav Tambovskogo zemstva (1865-1890 gg.)* [The social composition of the Tambov zemstvo (1865-1890)]. Tambov, Yulis Publ. (in Russian).

8. Esikov, S. A., Kanishchev, V. V. (1995). *Spetsifika antigosudarstvennogo protesta krest'yan (Tambovskaya guberniya, 1861-1921 gg.)* [The specifics of the anti-state protest of the peasants (Tambov province, 1861-1921)] in Krest'yane i vlast': Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii 7-8 aprelya 1995. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta. 25-35. (in Russian).

9. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864-1918* (2005). Zemstvo self-government in Russia, 1864-1918: in 2 vols. Book. 1: 1864-1904. / [editorial board: N. G. Koroleva (editor-in-chief), A. P. Korelin, L. F. Pisarkova]. Moscow: Nauka, 427. (in Russian).

10. *Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoj gubernii, 1917-1918: doklady i materialy* (2003). Peasant movement in the Tambov province, 1917-1918: reports and materials / compiled by V. Danilov et al. M.: ROSSPEN, 477. (in Russian).

11. Kurtsev, A. N. (1995). *Migratsii krest'yan i tsarskaya politika v 1861-1916 gg. (po materialam Tsentral'no-Chernozemnogo regiona)* [Peasant Migration and Tsarist Policy 1861-1916 (based on materials from the Central Black Earth Region)] in Krest'yane i vlast': Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii 7-8 aprelya 1995. Tambov, Publ. Tamb. gos. tekhn. un-ta. 36-44. (in Russian).

12. Novikov, A. I. (2010). *Zapiski o zemstve i sel'skoy shkole* [Notes on the zemstvo and the rural school]. Tambov, b/i. (in Russian).

13. Pomogaev, V. V., Il'in, S. A. (2002). *Rossiyskie politicheskie partii i agarnoe dvizhenie v Tambovskoy gubernii 1905-1906 gg.* [Russian political parties and the agrarian movement in the Tambov province 1905-1906] in Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX-nachalo XX vv.): sbornik nauchnykh statey, vyp. 4. Tambov, 64-73. (in Russian).

14. Sviridov, V. V. (2006). *Sel'skokhozyaystvennyye obshchestva Tambovskoy gubernii: Vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.* [Agricultural societies of the Tambov province: the second half of the XIX - early XX centuries]. (PhD dissertation abstract). Tambov. (in Russian).

15. *Sel'skohozyajstvennyj sbornik Tambovskoj gubernii* (1897). Agricultural collection of the Tambov province / Ed. P. P. Tikhobrazova. Tambov: Tambov provincial zemstvo. Issue I. Harvest of 1896. 75. (in Russian).
16. Simonova, M. S. (1987). *Krizis agrarnoy politiki tsarizma nakanune pervoy rossiyskoy revolyutsii* [The crisis of the agrarian policy of tsarism on the eve of the first Russian revolution]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
17. *Tambovskaya enciklopediya* (2004) [Tambov Encyclopedia] / author-comp. A. M. Abramov. Tambov: Yulis. 708. (in Russian).
18. Tumanova, A. S. (1998). *Sel'skokhozyaystvennyye obshchestva Tambovskoy gubernii na rubezhe XIX-XX stoletiy* [Agricultural societies of the Tambov province at the turn of the XIX-XX centuries] in *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv)*. Sbornik nauchnykh statey, vyp. 2. Tambov, 39-43. (in Russian).
19. Khmel', E. V. (2004). *Formirovanie ratsional'nogo prirodopol'zovaniya v khozyaystvakh krupnykh zemlevladel'tsev Tambovskoy gubernii v kontse XIX - nachale XX vv*. [Formation of rational nature management in the farms of large landowners in the Tambov province in the late 19th - early 20th centuries] (PhD dissertation abstract). Tambov. (in Russian).
20. Tsintsadze, N.M. (2010). *Obsuzhdenie demograficheskikh i ekologicheskikh posledstviy krest'yanskoy reformy 1861 g. i prichin agrarnogo krizisa v Tsentral'no-zemledel'cheskikh guberniyakh Rossii na stranitsakh periodicheskikh izdaniy vtoroy poloviny XIX veka* [Discussion of the demographic and environmental consequences of the peasant reform of 1861 and the causes of the agrarian crisis in the Central agricultural provinces of Russia on the pages of periodicals of the second half of the 19th century] in *Demograficheskie i ekologicheskie problemy istorii Rossii v 20 veke*. Sbornik nauchnykh statey. M.-Tambov, TGU Publ., 25-33. (in Russian).
21. Chermenskiy, P. N. (1928). *Ot krepostnogo prava k Oktyabryu v Tambovskoy gubernii: Ocherk ekonomiki i kul'tury poreformennogo perioda. 1861-1917-y gody* [From serfdom to October in the Tambov province: An outline of the economy and culture of the post-reform period. 1861-1917 years]. Tambov, Proletarskiy svetoch Publ. (in Russian).
22. Chicherin, B. N. (2010). *Gody i vremya* [Years and time]. Tambov, TGU Publ. (in Russian).
23. Engel'gardt, A. N. (1987). *Iz derevni. 12 pisem. 1872-1887* [From village. 12 letters. 1872-1887]. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).

**Парахин С. А.,
Безгин В. Б.**
(Тамбов)

УДК 94(470.326)

РАССТРЕЛЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ И СЕЛЬСКИХ ЗАЛОЖНИКОВ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1918-1921 гг.

В статье изучена практика применения высшей меры наказания – расстрела, использованного репрессивными органами советской власти в борьбе с крестьянским протестом в Тамбовской губернии периода гражданской войны. Исследование осуществлено на основе архивных источников, введенных в научный оборот впервые. В работе использованы историко-сравнительный и системный методы. Дан анализ фактов расстрела крестьян, осуществленных карательными органами в ходе подавления сельских «мятежей» 1918-1919 гг. и в период борьбы с восстанием 1920-1921 гг. в Тамбовской губернии. Установлены факты внесудебных расправ в форме публичных расстрелов крестьянских повстанцев и заложников из числа мирного населения, к которым прибегала военно-партийная администрация в оккупированных районах. Выяснена роль института заложников как репрессивной меры в действиях правительственных войск по подавлению крестьянского восстания. Сделан вывод о том, что если в период сельских «мятежей» 1918-1919 гг. расстрел применялся лишь к их организаторам, то в период крестьянского восстания 1920-1921 гг. этой форме смертной казни «активных» повстанцев был придан системный характер, а расстрел заложников из числа местных жителей получил широкое распространение.

Ключевые слова: сельский «мятеж», крестьянское восстание, чрезвычайная комиссия, повстанцы, заложники, приговор, расстрел, трибунал.

The article examines the practice of using the supreme punishment - execution, used by the repressive bodies of the Soviet government in the fight against peasant protests in the Tambov province during the civil war. The research was carried out on the basis of archival sources introduced into scientific circulation for the first time. The work uses historical-comparative and systemic methods. An analysis of the facts of the execution of peasants carried out by punitive agencies during the suppression of rural "riots" of 1918-1919 and the period of the struggle against the uprising of 1920-1921 in the Tambov province is given. The facts of extrajudicial killings in the form of public executions of peasant rebels and hostages from among the civilian population, which were resorted to by the military-party administration in the occupied regions, were established. The role of the institution of hostages as a repressive measure in the actions of government troops to suppress the peasant uprising has been clarified. It is concluded that if during the period of rural "riots" in 1918-1919 execution was applied only to their organizers, then during the peasant uprising of 1920-1921 this form of the death penalty for "active" insurgents was given a systemic character, and the shooting of hostages from among local residents became widespread.

Keywords: rural "rebellion", peasant uprising, extraordinary commission, rebels, hostages, sentence, execution, tribunal

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-113-124

Проблема места и роли насилия в гражданской войне остается актуальной темой исторических исследований. В ходе подавления крестьянского протеста коммунистический режим широко использовал такую форму репрессии как расстрел инсургентов и заложников. Цель работы состоит в анализе практики применения

высшей меры наказания к крестьянам, участникам антиправительственных выступлений периода 1918-1921 гг. в Тамбовской губернии. Задачи исследования заключались в установлении фактов расстрелов крестьянских повстанцев, определении органов, выносивших приговоры такого рода, выяснении причин применения к инсургентам высшей мере наказания, а также роли казни заложников в карательных операциях советских войск. Документальную основу работы составили материалы партийных, советских органов и воинских частей, задействованных в борьбе с сельскими выступлениями 1918-1919 гг. и крестьянским восстанием 1920-1921 гг. в Тамбовской губернии. Впервые практика расстрела крестьян изучена в контексте репрессивных мер, примененных властью с целью усмирения восставшей тамбовской деревни. Научная новизна обусловлена как оригинальностью постановки проблемы, так и использованием ранее неизвестных источников.

Смертная казнь посредством расстрела – явление, присущее любому вооруженному противостоянию, и время гражданской войны в советской России не исключение тому. Революционное законодательство рассматривало смертную казнь как действенную форму репрессий и карательную меру в борьбе с противниками новой власти. Постановлением советского правительства от 5 сентября 1918 г. право внесудебных расстрелов было дано Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), а постановлением наркомата юстиции 16 июня 1918 г. ревтрибуналы могли применять расстрел за контрреволюционные выступления [28, с. 109]. А декретом от 22 мая 1920 г. губернские революционные трибуналы получили право на немедленное исполнение приговоров о расстреле [28, с. 110].

Мирный переход власти в руки советов в Тамбовской губернии, быстро сменился периодом растущей напряженности по причине тех мер, которые новая власть проводила в селе. Это изъятие метрических книг в приходах, военные мобилизации, создание коммун, образование комбедов, всех тех мероприятий, которые вызывали у сельских жителей негативную реакцию, принимавшую форму открытого протеста. Летом-осенью 1918 по губернии прокатилась волна таких крестьянских выступлений. Так называемые сельские «мятежи» этого периода возникали по разным причинам, носили локальный характер, редко выходили за пределы села или волости.

Ситуация в селе ухудшилась по причине проводимых продовольственных реквизиций и военных мобилизаций. Обоснованное недовольство крестьян тыловой губернии реалиями гражданской войны было воспринято коммунистическим режимом как действие ему враждебное. Информация о «белогвардейских мятежах», как их трактовало губернское руководство, содержится в рапортах начальников милиции уездных участков губернии. Так, согласно донесения начальника милиции 5-го участка Лебедянского уезда «21 октября 1918 г. по постановлению Спасского сельского схода с. Доброго все население волости было призвано к общему восстанию и недопущению вывоза из села ржи, собранной петроградскими представителями. К полудню этого дня в с. Доброе прибыл отряд Шидловского. В ночь последовали аресты и допросы виновных, семь зачинщиков были отправлены Лебедянскую ЧК» [14, д. 18, л. 46].

Крупное восстание возникло в ночь с 23 на 24 октября 1918 г. в Рудовской волости Кирсановского уезда. Выступление крестьян было настолько мощным, что сил местного гарнизона и милиции оказалось недостаточно, и территория уезда была объявлена на осадном положении. Только с подходом вооруженных отрядов из Саратовской и Пензенской губерний мятеж был ликвидирован, а шесть крестьян, главных зачинщиков восстания, были арестованы и приговорены к расстрелу [13, д. 18, л. 45]. Приговор был приведен в исполнение в присутствии схода в 7 часов вечера 29-го октября у сарая на площади рядом с волостным советом [13, д. 42, л. 36об]. Спустя две недели, как следует из протокола № 11 заседания Кирсановской ЧК, по обвинению священника с. Осиновый Гай Косьмодемьянского и крестьянина Панова, было принято решение, их как «лиц, призывавших толпу к разгрому Советов в тот момент, когда было восстание контрреволюционных банд, и уезд был введен

в осадное положение, расстрелять и широко опубликовать среди населения» [8, д. 24, л. 27об].

По донесению районного начальника милиции Елатомского уезда от 13 ноября 1918 г. в д. Узково Саватеевской волости кулаками было организовано восстание против сельского совета, какой и был разогнан. Зачинщики в числе шести человек арестованы и препровождены в распоряжение Елатомской ЧК [14, д. 18, л. 48]. В тот же день в с. Дрязги Усманского уезда местные жители, «обучающиеся обязательному военному строю на почве недовольства местной властью арестовали волостной совет» [14, д. 18, л. 50об]. Боевыми действиями сопровождалось крестьянское восстание 2-7 ноября 1918 г. в Шацком уезде. Оно, началось в с. Конобеево, охватило территорию шести сопредельных волостей и завершилось попыткой восставших захватить уездный центр. Мятеж был подавлен только после интенсивного артиллерийского обстрела крестьян отрядом, прибывшим из Тамбова. Утром 7 ноября 1918 г. окрестности г. Шацка были очищены от восставших, а карательные отряды отправились в разные стороны с целью поимки участников и расстрела организаторов мятежа [14, д. 18, л. 46-47]. Об организации и вооружении восставших крестьян свидетельствует содержание милицейских сводок. В одной из них, присланной из Моршанского уезда, читаем: «Наступление на ст. Вернадовка произведено 11 ноября 1918 г. К вечеру было пройдено 4 линии окоп и занято с. Пичаево. В с. Гагарино, где был штаб белогвардейской сволочи, захвачено одно трехдюймовой орудие, 6 пулеметов, 2 грузовых автомобиля, склад с бензином, маслом, спиртом, более 200 винтовок, а также масса бомб. Зачинщики привезены в ЧК и расстреляны» [14, д. 18, л. 53]. Таким образом, сельские «мятежи» в тамбовской деревне ноября 1918 г., возникавшие стихийно, приобрели черты организованности и форму вооруженного сопротивления. Их подавление сопровождалось арестом участников выступления и расстрелом их организаторов. Так, 18 ноября 1918 г. после подавления мятежа в с. Бондари Тамбовского уезда отрядом губернской ЧК было расстреляно 30 человек, главных зачинщиков беспорядков [14, д. 18, л. 26].

Осенью 1918 г. единственными органами, которые имели право применять расстрел как высшую меру наказания, были губернская и уездные чрезвычайные комиссии. По сведениям, полученным из Тамбовской губЧК, в 1918 г. произошло шесть восстаний, в ходе которых погибло 24 чел. и 112 чел. было расстреляно [20, с. 49]. По всей видимости, число жертв «красного террора» было большим. Так, на 1-й конференции представителей уездных и районных ЧК Тамбовской губернии, проходившей 5 декабря 1918 г., руководители уездных ЧК рапортовали о своих «успехах» в деле подавления сельских «мятежей». Спасской уездной ЧК «было произведено до 30 расстрелов ярых зачинщиков. Восставшие жгли и разбирали мосты, когда были собраны главари восставших, их расстреляли на площади на виду у всех» [9, д. 34, л. 36об]. В Шацком уезде местные чекисты «в некоторых волостях расстреливали по 40-50 чел., а всего во время беспорядков было расстреляно до 500 крестьян» [9, д. 34, л. 37].

После подавления мятежа мобилизованных унтер-офицеров 4-6 октября 1918 г. в Борисоглебске по данным уездной ЧК было арестовано 47 чел., из которых 42 инсургента были расстреляны [9, д. 40, л. 4]. А 8 октября 1918 г. Борисоглебской УЧК был обнародован приказ № 1, согласно которому населению уезда предписывалось сдать в трехдневный срок все имеющиеся у него на руках оружие. «Владельцы обнаруженного после указанного срока, оружие и припасов будут расстреливаться на месте без суда и следствия» [9, д. 40, л. 9]. Власть прекрасно сознавала, что наличие оружия у населения является мощным побудительным фактором к восстанию.

С введение продовольственной разверстки основной причиной сельских волнений 1919 г. в Тамбовской губернии были изъятие хлебных излишков и реквизиция скота, осуществляемые продотрядами, наводнившими местные села. Учиненное ими насилие спровоцировало новую волну аграрных беспорядков. Только по официальным данным, в период с мая по июнь 1919 г. Тамбовской губЧК по обвинению в бандитизме было арестовано 123

чел. из которых 23 чел. приговорены к расстрелу [20, с. 53-54]. В таблице срочных представлений управления Усманской уездной милиции за август 1919 г. имеется следующая запись: «5 августа с.г. в с. Телелюй Нижне-Матреновской волости произошло восстание граждан против членов комиссии и агента по снабжению 8-й армии на почве реквизиции у граждан 8 голов рогатого скота. При восстании убит красноармейцем Лутовым гражданин с. Телелюя Федор Шишкин. Толпою сильно избит член особой продовольственной комиссии т. Колотушкин и агент Кленов. Четверо главарей восстания арестованы и переданы Усманской ЧК» [14, д. 18, л. 172]. По данным исследователей А. В. Малько и С. В. Жильцова, за семь месяцев 1919 г. органами ВЧК по стране было расстреляно 2 089 чел., а всего за год и семь месяцев, время функционирования этого органа «революционной защиты», — 8 389 чел. [19, с. 121-123].

К расстрелам губернская власть прибегала и в ходе борьбы с дезертирами. Отношение местного крестьянства к проводимым весной 1919 г. мобилизациям в Красную Армию выразилось в массовых уклонениях от воинского призыва. «Зеленая» волна уклонистов и дезертиров буквально «захлестнула» тамбовскую деревню. «Масло в огонь» крестьянского недовольства подливали карательные действия отрядов по борьбе с дезертирами. Уполномоченный по Борисоглебскому уезду Ф. Г. Беляков в середине мая 1919 г. докладывал в местный уком РКП(б), что численность местных дезертиров «составляет до трех тысяч человек, они вооружены винтовками, пулеметами, орудием» [9, д. 364, л. 17]. По его мнению, в Пичаевской, Русановской, Козловской волостях дезертиры открыли настоящую войну, избивая и убивая работников партии [9, д. 364, л. 1об]. О деятельности Рязанского отряда по борьбе с дезертирами в Рассказовском районе сообщал 27 мая 1919 г. уездный уполномоченный И. Гаврилов. «За время пребывания отряда в Рассказовском районе было сделано две облавы, одна из них в с. Нижне-Спасском, другая на часть с. Рассказово и окрестного леса. Всего было поймано 70 дезертиров, в с. Нижне-Спасском трое бежавших подстрелены» [9, д. 375, л. 6]. С целью усиления борьбы с дезертирством Тамбовский губернский военный комиссар Шидарев 15 августа 1919 г. издал приказ о создании военно-революционного трибунала при губвоендезертуре [17, д. 8, л. 25]. Главным контингентом трибунала стали дезертиры, уклонившиеся от мобилизации и укрыватели дезертиров [17, д. 9, л. 3].

В ряде случаев расстрел крестьян осуществляли должностные лица не имеющих на то полномочий. Так, в июле 1919 г. следственной комиссией при Тамбовской губЧК было принято к производству дело о бывшем председателе Нащекинского волостного исполкома Павле Шитове, обвиненном в незаконном расстреле граждан с. Бондари Уточкина, Мачихова, Михеева, Барышникова. В Кирсановский укомболь был направлен запрос, в котором заведующий следственным отделом просил срочно сообщить какие мандаты и полномочия имел Шитов, и было ли ему представлено право без суда и следствия расстреливать граждан [8, д. 213, л. 61].

О беззакониях, чинимых отрядом по борьбе с дезертирами под командой Крыгина, сообщал 8 декабря 1919 г. из Дублято-Масловской волости Тамбовского уезда районный организатор Михалков. Он писал, что этот отряд «вместо выдавливания дезертиров занимался вытаскиванием гусей из кладовых у беззащитных женщин. На все обращение женщин в совет о случившемся, они помощи не получили, даже от милиции. На его вопрос, почему такое плохое отношение к гражданам, ему ответили, что у т. Крыгина имеется на руках мандат, согласно которого ему предоставляется право всех лиц по его усмотрению расстреливать» [10, д. 41, л. 28-28об]. Из анонимной жалобы в комиссию по борьбе с дезертирством узнаем, что отряд Поликанова опустошал амбары, избивал нагайками, арестовывал беременных женщины. Пойманных в ходе облав дезертиров расстреливали на глазах односельчан [5, д. 206, л. 3]. Местное население было запугано так, что крестьяне заявляли представителям РКИ: «...можете нас исполосовать и мучить, но мы не можем вам жаловаться на отряды комдезертиров» [6, д. 302, л. 6]. По свидетельству А.Л. Окнинского, свидетеля со-

бытий тех лет, пойманных дезертиров убивали или на месте, или расстреливали их публично, на глазах всей общины [21, с. 148-149].

Приведенные примеры хорошо отражают ситуацию в тамбовской деревне, которая характеризовалась как «самодеятельностью» различного рода уполномоченных, считавших себя вправе осуществлять «революционную» расправу, так и убежденностью местного населения в том, что право тех на бессудные расстрелы санкционировано властью.

О нарастании протестных настроений в деревне, грозящих вылиться в открытую форму вооруженной борьбы, уже в начале лета 1920 г. сообщали в своих докладах районные начальники милиции уездов Тамбовской губернии. Из рапорта милиционера Лебедева начальнику 7-го района Митропольской волости Тамбовского уезда от 23 июня 1920 г. следует, что «в волости находится отряд по реквизиции хлеба, скота, яиц и масла под управлением уполномоченного т. Прожатковского. Отрядом творится различного рода насилие, как-то угон с пастбища скота, отобрание последнего пуда хлеба, ввиду чего население начинает вести себя озлобленно, и если впредь будут продолжаться такие действия со стороны отряда, то не в далеком будущем может произойти то, что происходило в 1918 г., а именно восстание банд» [14, д. 93, л. 272]. Милиционер Кобыстин из с. Кривополянье Тамбовского уезда в своем рапорте начальнику милиции 7-го района от 23 июня 1920 г. докладывал, что «уполномоченный по гужевой повинности по Кривополянской волости Бритвин чинит всевозможные произволы, массовые аресты и угрозы оружием, чем вызывает озлобление граждан вышеназванной волости, при чем за спокойствие не ручаюсь» [14, д. 93, л. 273].

Ответная реакция крестьян проявилась в форме физического насилия по отношению представителей коммунистической власти. Так, протоколом № 181 заседания Тамбовской губЧК от 22 июня 1920 г. было рассмотрено дело по обвинению 19 граждан с. Рамза в бандитизме. В результате обсуждения чекисты постановили: «всех 19 человек, участников террора коммунистов с. Рамза, как элемент вредный и опасный для Советской республики, расстрелять» [9, д. 958, л. 20].

Крестьянское восстание, которого опасались губернские власти, вспыхнуло в результате событий 17-19 августа 1920 г. в с. Афанасьевка Тамбовского уезда и в с. Туголуково Борисоглебского уезда, где отряды дезертиров при поддержке местных крестьян разгромили продовольственные отряды. После того как в с. Каменка Тамбовского уезда 21 августа 1920 г. местные жители разбили отряд по борьбе с дезертирами восстание приобрело организованный характер. В начале сентября 1920 г. в Тамбовском уезде происходили бои восставших крестьян с губернскими отрядами, в ходе которых правительственные войска применяли бессудные расстрелы захваченных с оружием повстанцев. Так, в местных «Известиях» от 4 сентября 1920 г. было размещено сообщение, что в результате атаки на с. Верхне-Спасское, где засели «бандиты», красной конницей было уничтожено около 150 крестьян, а 25 повстанцев, пойманные в селе с оружием, были расстреляны [18, 4 сентября, № 199]. В ходе карательной операции латышский отряд под командованием П. А. Альтова в ноябре 1920 г. сжег 230 домов и расстрелял 150 крестьян с. Никольское и с. Коптево Тамбовского уезда [27, с. 71].

Ведущую роль в физическом уничтожении повстанцев, захваченных в результате боевых операций, играл трибунала ВОХР. На основании вынесенных им приговоров к 6 сентября 1920 г. было «расстреляно свыше 250 бандитов и их пособников» [18, 7 сентября, № 201]. Например, 9 сентября 1920 г. в 16 часов выездная сессия ревтрибунала вынесла смертный приговор крестьянам с. Верхне-Спасское Тамбовского уезда Кириллову Павлу, Коновалову Алексею, Красову Семену, Краснову Фролу, Кириллову Герасиму за бандитское контрреволюционное восстание, убийство советских работников и коммунистов, разрушение советских хозяйств [15, д. 5, л. 59]. По сведениям коменданта Рассказовского района А. Я. Смоленского за время с 31 августа по 5 октября 1920 г. правительственными войсками «было захвачено около 500 участников бандитского движения, из которых около 100

было расстреляно военно-революционным трибуналом и выездной сессией губЧК» [12, д. 218, л. 264].

Поистине без усталости «трудились» в Сампурском и Рассказовском районах, созданные по предложению Тамбовского губисполкома от 21 августа 1920 г., две выездные сессии губЧК [9, д. 958, л. 54]. Только за период с 10 по 25 сентября 1920 г. выездной сессией ЧК Рассказовского района было расстреляно 65 крестьян [18, 2 октября, № 223]. За время с 25 сентября по 8 октября 1920 г. по расстрельным приговорам было казнено 40 человек [18, 21 октября, № 239]. Выездная сессия ЧК Сампурского района за период с 8 сентября по 13 октября 1920 г. расстреляла 24 активных участников восстания. Еще 44 крестьянских повстанца были лишены жизни в период с 14 октября по 21 октября 1920 г. постановлением выездной сессии ЧК Рассказовско-Инжавинского района [18, 2 ноября, № 248]. О каждом акте массовой казни восставших селян, с указанием их фамилий и места жительства, непременно сообщали в губернских «Известиях». Публикация «расстрельных списков» преследовала эффект устрашения и демонстрировала решительность коммунистической власти в борьбе с крестьянским протестом.

Таким образом, с самого начала восстания губернское руководство сделало ставку на масштабные репрессии, направленные на физическое уничтожение его участников. Согласно решению Тамбовского губисполкома высшую меру наказания (расстрел) необходимо было применять «к злостным дезертирам, принимавшим участие в восстании; к участникам восстания, захваченным на месте преступления с оружием в руках; лицам, имеющих и хранящим оружие; руководителям и подстрекателям вооруженного восстания» [12, д. 158, л. 448об]. Член коллегии РВТ Республики В. В. Ульрих в сообщении председателю РВТ Тамбовской губернии от 22 января 1921 г. разъяснял, что «из участников банд Антонова подлежат расстрелу... злостные дезертиры, захваченные с оружием в руках... коммунисты и советские работники, а равно и комсостав, примкнувшие к бандам Антонова» [1, с. 266].

В ходе оккупации мятежных районов ряд полевых командиров Красной Армии осуществляли бессудные расправы над повстанцами, захваченными в бою или пойманными во время облав. Инструктор Арбузов в докладе начальнику политического отделения 2-го боевого участка (БУЧ) от 17 февраля 1921 г. из Кирсановского уезда сообщал, что «командир 2-го полка т. Богомоллов выказывал зверское отношение к населению с. Паревка. Его красноармейцами во время перестрелки с бандитами было задержано два подозрительных, которые были раздеты и тут же расстреляны без всякого допроса. После ухода полка в с. Иноковку выяснилось, что им было расстреляно 15 человек и ограблено множество граждан с. Паревки» [12, д. 218, л. 264]. В справке секретного особого отдела от 9 февраля 1921 г., сообщалось, что «красные части ... отбирают хлеб, фураж, берут заложников и применяют расстрелы населения» [2, д. 4306, л. 14-15]. На собрании граждан с. Измайловка и с. Софьинка военкомом бригады т. Рябининым 10 июля 1921 г. в 12 часов расстреляны, как бандиты, местные крестьяне Иван Бирюков, Григорий Борисов, Петр и Тихон Косулины [16, д. 60, л. 47об]. По сообщению уполномоченного от 25 июня 1921 г. «за время работы в с. Понзари он дважды выезжал на операции с полком, привезено арестованных бандитов 12, расстреляно на месте 12» [16, д. 15, л. 47]. Из доклада Никольского волревкома от 24 июля 1921 г. следует, что «при облаве в с. Никольское убито 2 бандита, публично расстреляно 3 бандита: один за хранение оружия, один как укрыватель брата бандита, один как отец бандита» [16, д. 60, л. 74].

С целью повышения оперативности в рассмотрении дел, связанных с участием крестьян в восстание, были созданы выездные сессии революционного военного трибунала (РВТ). Об интенсивности их работы можно судить по числу вынесенных приговоров о расстрелах. Так, из списка осужденных к расстрелу по приговору 1-й выездной сессии РВТ при командующем войсками Тамбовской губернии за период с 25 февраля по 1 апреля 1921 г. следует, что за «активный бандитизм» высшей мере наказания было подвергнуто 34 крестьянина [9, д. 1030, л. 50]. По приговорам 3-й выездной сессии РВТ расстреляно 5 крестьян [9,

д. 1030, л. 50об], 4-й выездной сессии – 6 [9, д. 1030, л. 50об], 6-й выездной сессии – 13 [9, д. 1030, л. 50об-51], особой выездной сессий в г. Липецке – 6 [9, д. 1030, л. 51]. «Передовиком» в деле расстрела крестьянских инсургентов была выездная сессия 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Ею было вынесено 39 смертных приговоров в отношении крестьян с. Малые Алабушки Борисоглебского уезда [9, д. 1030, л. 51об]. А выездная сессия РВТ в Моршанском уезде приводила приговоры о смертной казни во исполнение прилюдно. О публичных расстрелах восставших крестьян среди белого дня в центре г. Моршанска с обязательным присутствием всей коммунистической организации РКП сообщал в своем докладе от 18 марта 1921 г. местный упродкомиссар [9, д. 1038, л. 42].

Максимум репрессии достигли летом – в начале осени 1921 г., что было связано с завершающим этапом военных действий по подавлению восстания [3, с. 1010]. При боевых участках были созданы «тройки» в составе начальника особого отдела, председателя ревтрибунала и заведующего политбюро, которые и решали участь захваченных в плен партизан. Об интенсивности их работы можно судить по документам. Так, с 28 мая по 7 июня 1921 г. через «тройку» при 2-м БУЧ прошло 716 чел., из которых 156 чел. были приговорены к расстрелу [16, д. 31, л. 491]. За период с 1 по 27 июня 1921 г. по решению этой «тройки» было казнено 145 крестьян, бойцов повстанческих отрядов [16, д. 30, л. 20, 43]. А всего в ходе операций на территории этого участка к 31 июля 1921 г. было расстреляно и зарублено 654 бандита [16, д. 30, л. 89]. В соседнем, 3-м БУЧ, действующем на территории Борисоглебского уезда, по отчету особого отдела по состоянию на 12 июля 1921 г. было приговорено к расстрелу 169 крестьян [9, д. 1058, л. 8об].

С организацией в «мятежных» районах особых отделов им были не только переданы от губЧК все «бандитские» дела, но и дано право расстреливать пойманных партизан. Об их активности в деле «искоренения бандитизма» можно судить по сводкам из волостей Тамбовского уезда за период с 5 июня по 5 июля 1921 г. «В с. Горелое было взято особым отделом 21 бандит, которые на общем собрании граждан расстреляны; в с. Чекмари поймано и расстреляно 29 чел.; в с. Солдатская Духовка – 5 чел.; при облаве в Хмелинском и Горельском лесничествах отрядом особого отдела расстреляно 12 повстанцев; по Больше-Двойневской волости изъято 40 бандитов, из которых расстреляно 34 чел.» [16, д. 31, л. 522, 523].

Начало осени 1921 г. было «урожайным» по числу расстрелянных повстанцев. Представления начальников особых отделений БУЧ о смертных приговорах крестьянам, участникам партизанских отрядов, рассматривались и одобрялись коллегией Тамбовской губернской ЧК. Из ее протоколов за сентябрь 1921 г. явствует, что она утвердила приговоры «тройки» при 10-й дивизии от 6 сентября о расстреле 6 человек и от 14 сентября – 27 крестьян [7, д. 1037, л. 94-94об]. А решениями коллегии от 14 и 21 сентября 1921 г. были утверждены приговоры о высшей мере наказания, вынесенные «тройкой» 3-го БУЧ, в отношении соответственно 35 и 30 крестьян [7, д. 1037, л. 95, 95об].

В ходе борьбы с повстанческим движением местные революционные комитеты (ревкомы) выступали для губернского руководства надежным проводником репрессивных мер, направленных против восставших крестьян и сочувствующего им населения. Ревкомы принимали активное участие в реализации известного приказа № 171 от 11 июня 1921 г., которым был санкционирован расстрел заложников из числа местного населения. По данным ревкома с. Подоскляй-Рождественское Нижне-Спасской волости здесь 5 июля 1921 г. после отказа общего собрания граждан выдать бандитов и оружие, было расстреляно пять заложников [16, д. 49, л. 93]. О преступных действиях членов ревкомом Кирсановского уезда начальник особого отдела армии 13 августа 1921 г. сообщал следующее: «Ревкомы не только избивают и издеваются над добровольно явившимися, но даже расстреливают таковых ... благодаря чему за последнее время приток добровольно явившихся совершенно прекратился...» [1, с. 536]. Только 7 сентября 1921 г. Никольским волревкомом этого уезда было расстреляно 22 «бандита» [16, д. 34, л. 26].

Можно только представить себе, сколько бессудных расправ совершили на местах эти чрезвычайные органы. Часто такие самосуды маскировали под случаи гибели задержанных «бандитов» при попытке бегства. Так, в сводке Экстальского волревкома от 3 августа 1921 г. сообщалось, что пять бандитов, отправленные под охраной в особый отдел, в районе д. Колобовой пытались бежать и были убиты конвоирами [16, д. 14, л. 108]. Также, якобы при попытке к бегству были ликвидированы четверо партизан, захваченные 28 августа 1921 г. в ходе облавы в Воронцовском лесу [16, д. 14, л. 106].

Анализ социального состава лиц, обвиненных в бандитизме и приговоренных к расстрелу, дает основание утверждать, что они были крестьянами, уроженцами Тамбовской губернии, середняками или бедняками по своему имущественному достатку, преимущественно неграмотными, и, как правило, имевшие семьи [3, с. 1016]. В большинстве своем казненные повстанцы были молоды, по нашим подсчетам, их средний возраст составлял 23,2 года [17, д. 86, л. 1-8]. Таким образом, в ходе подавления крестьянского восстания физическому истреблению была подвергнута наиболее активная часть тамбовской деревни.

В борьбе с крестьянским протестом коммунистическая власть широко использовала институт заложников. К взятию заложников коммунистическая власть прибегла в рамках введенного в стране «красного террора». Сведения о первых заложниках в тамбовской деревне датируются осенью 1918 г. Крестьяне д. Александровки Знаменской волости Тамбовского уезда 10 ноября 1918 г., недовольные наложенной на них контрибуцией подняли восстание, разоружили и арестовали продовольственный отряд численностью 35 чел. Несмотря на то, что восставшие освободили членов продотряда и вернули им оружие, начальником милиции 3-го участка было арестовано в качестве заложников 17 крестьян, которые были отправлены в Тамбовскую уездную ЧК [14, д. 18, л. 23].

С началом крестьянского восстания в губернии практика взятия заложников получила широкое распространение. Приказом оперативного штаба Тамбовской губЧК от 31 августа 1920 г. предписывалось «брать заложников из тех семей, члены которых примкнули к бандитам, ... если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться» [12, д. 218, л. 65]. В этот же день командиру взвода курсантов было приказано занять «с. Бокино, взять там заложников и в корне пресечь всякую возможность кулацкого выступления, а заложников направить в оперативный штаб губЧК» [15, д. 3, л. 24]. Еще более суровые кары сулил местному населению «бандитских» районов приказ № 4 от 4 сентября 1920 г. В нем говорилось, что «контрреволюционные банды будут стерты с лица земли, а население уезда и впредь будет беспощадно караться за самое малейшее содействие, или потворство бандитам – вплоть до сожжения виновных селений, заключение всего их взрослого населения в концентрационные лагеря и расстрела» [24, д. 153, л. 23]. Таким образом, коллективная ответственность за антиправительственные выступления возлагалась на мирное население, а расстрел заложников из их числа был возмездием и мерой устрашения.

Расстрел заложников был санкционирован приказом № 171 от 11 июня 1921 г. особой Полномочной комиссии ВЦИК. Он применялся по отношению к старшему работнику в семье в случаях: нахождения спрятанного оружия; укрывательства бандита, членов его семьи или имущества [1, с. 403]. Так, 15 июля 1921 г. крестьянин Петр Федорович Заварзин, житель с. Завражино Богуславско-Новиковской волости Тамбовского уезда и губернии, за сокрытие винтовки и сына, злостного бандита, решением уполномоченных политической «тройки» 28-й бригады 10-й стрелковой дивизии был приговорен к расстрелу. В этот же день за не сдачу оружия и предоставление убежища злостным бандитам были публично расстреляны в 16 час. 20 мин. крестьяне братья Жаровы, возраста 19 и 22 лет [16, д. 28, л. 253, 254].

В ходе осуществления репрессивных мер взятие заложников применялось не только к членам семей комбатантов, но и к местным жителям, т. н. «бандитских» сел. Например, 16 июня 1921 г. в с. Паревка Кирсановского уезда был обнародован приказ № 2 полномочной

«пятерки» участковой политической комиссии. Им предписывалось населения села в течение трех часов выдать всех бандитов и дезертиров, сдать все огнестрельное и холодное оружие и боеприпасы. Для обеспечения выполнения приказа брались заложники, которые будут расстреляны по истечении указанного срока, если требования не будут выполнены [7, д. 1053, л. 5]. И это не были просто угрозы. Только за период с 19 по 22 июня 1921 г. силами 15-й Сибкавдивизии в четырех селах Беломестно-Двойневской волости Тамбовского уезда расстреляно бандитов и заложников 154 человека [7, д. 1042, л. 17]. По сведениям из доклада военного отдела Больше-Лазовского райревкома за время работы с 11 июля по 1 августа 1921 г. в волостях было взято в качестве заложников 66 мужчин и 37 женщин, из них расстреляно 43 человека [16, д. 13, л. 156]. За этот период только на территории селений, входящих во 2-й БУЧ, были расстреляны 661 крестьянский повстанец и 217 заложников из числа мирного населения [4, д. 36, л. 132].

На основе традиционных для русского села принципов круговой поруки и солидарной ответственности коммунистическая власть стремилась принудить мирное население к отказу от поддержки восставших и их выдачи в руки карательных органов. Так, 28 июня 1921 г. в с. Кривополянье Тамбовского уезда военные арестовали все мужское население в возрасте от 15 до 60 лет. От них потребовали назвать имена односельчан – участников восстания. В ответ на отказ заложников сообщить что-либо о бандитах, было расстреляно 14 крестьян из их числа [16, д. 30, л. 37]. Председатель полномочной «пятерки» на заседании Кирсановской участковой политкомиссии 10 июля 1921 г. докладывал, что «в с. Богословке 3 июля было взято в заложники 58 человек. 4 июля была расстреляна первая партия в 21 человек, а 5 июля – 15 человек!» [16, д. 1, л. 381об]. Из содержания армейских сводок узнаем, что в с. Верхне-Спасское 12 июля 1921 г. из 150 заложников пятеро были расстреляны [16, д. 49, л. 120]. «Эффективность» практики расстрела заложников обсуждали и на заседании Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. В протоколе № 19 от 23 июля 1921 г. записано, что «первые заложники в количестве 80 чел. категорически отказались давать какие-либо сведения, они были расстреляны» [17, д. 42, л. 557]. Таким образом, военно-партийное руководство проверяло им же принятый месяцем ранее приказ № 116 о порядке чистки в «бандитски настроенных» волостях и селах. В нем говорилось, «что если население оружие и бандитов не указало по истечению 2-часового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники» [22, д. 13, л. 25]. На местах действовали еще жестче. Из доклада председателя политкомиссии 4-го БУЧ от 25 июня 1921 г. следует, что «давалось на размышление 30 минут, и если не выдавали, заложники расстреливались, и это продолжалось до тех пор, пока население не заговорит» [9, д. 1044, л. 17].

Документы свидетельствуют о том, что упорство крестьян преодолевалось, лишь после того как на их глазах казнили ни в чем не повинных односельчан. Из сводки политотдела о действиях 1-го стрелкового полка бригады ЗВО (Заволжского военного округа) явствует, что «10 июля 1921 г. состоялось собрание крестьян в с. Нижне-Спасском, где пришлось расстрелять 13 чел. заложников; в с. Грязницах проведено собрание крестьян, но только после расстрела 15 заложников начали выдавать оружие; в с. Верхнее-Спасском после расстрела нескольких бандитов выдано 4 винтовки, 2 шашки и одно седло» [26, д. 22, л. 13об]. По информации начальника особого отдела 2-го БУЧ от 13 июля 1921 г. после расстрела на сходе граждан с. Нижне-Спасское 8 заложников было сданы: «один револьвер Браунинг, 5 патронов к нему и 8 винтовочных патронов» [16, д. 32, л. 4об]. Председатель Трескинского волревкома 28 июля 1921 г. докладывал, что «в 9-м районе (д. Верхняя Казначеевка, Нижняя Казначеевка, Гвоздево, хутор Новиков), где никто не хотел выдавать бандитов, и только после того как было двое расстреляны, выдали группу, которая ловила и убивала коммунистов» [11, д. 6, л. 37об]. Согласно тексту разведывательной сводки штаба 3-го БУЧ от 20 сентября 1921 г., в с. Грибановка Борисоглебского уезда после расстрела 5 заложников местными жителями были сданы 190 винтовок и 3 револьвера [23, д. 103, л. 32].

Институт заложников применялся и как превентивная мера с целью предотвращения подрыва партизанами железнодорожного полотна. Согласно инструкции во исполнение приказа Полномочной комиссии ВЦИК от 27 апреля 1921 об охране железных дорог «заложники берутся в ограниченном количестве, желательнее не более пяти на каждую деревню, из числа замеченных в участии в бандитском движении, их семейств, вообще противосоветского, кулацкого, поповского элемента» [25, д. 19, л. 37]. Из приказа № 011 по 4-му БУЧ от 19 мая 1921 г. следует, что «в случае повреждения пути на каком-либо участке, заложников той деревни, которая несет охрану на поврежденном участке расстреливать, кроме того охраняющие этот участок сторож и члены сельских советов будут предаваться суду ревтрибунала» [25, д. 19, л. 15]. Таким образом, угроза расстрела заложников была использована военно-партийной администрацией в качестве террора по отношению местного населения, с целью лишить комбатантов поддержки с его стороны.

Изучение применения властью расстрелов крестьянских повстанцев и сельских заложников в ходе подавления протестных выступлений в тамбовской деревне 1918-1921 гг. позволило сделать следующие выводы. Практика расстрелов крестьянских повстанцев использовалась как способ физического уничтожения активных участников антиправительственных выступлений, а угроза их применения в отношении заложников как средство запугивания сельских жителей. В период гражданской войны правом применения высшей меры наказания (расстрела) обладали чрезвычайные комиссии, различного рода трибуналы. С целью осуществления репрессий в отношении повстанцев и сочувствующего им местного населения расстрелы применялись к активным повстанцам, плененным в ходе боев, захваченным с оружием при облавах, а также к лицам, укрывавшим бандитов и оружие, осуществлявшим шпионаж или иного рода содействие восставшим. Захват заложников из числа нонкомбатантов в районах оккупации производился для принуждения выдачи крестьянами оружия и указания мест нахождения бандитов. Для подавления сопротивления восставших крестьян, лишения повстанческих отрядов помощи со стороны местного населения власть прибегала к принципам круговой поруки и коллективной ответственности, что вынуждало сельские общества ради самосохранения идти на сотрудничество с коммунистическим режимом.

Список источников и литературы

1. «Антоновщина». *Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания*. Тамбов, 2007. 800 с.
2. Архив УФСБ по Тамбовской области. С-207. Т. 1, 2.
3. Безгин, В. Б. (2018). «Приговор приведен в исполнение немедленно»: телеграммы о расстрелах участников крестьянского восстания 1920-1921 гг. в фонде Военной коллегии Верховного трибунала // Вестник архивиста. № 4. С. 1009-1019.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1005. Оп. 1.
5. ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 14.
6. ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 1а.
7. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-830. Оп. 1.
8. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1.
9. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1.
10. ГАСПИТО. Ф. П-842. Оп. 1.
11. ГАСПИТО. Ф. П-9202. Оп. 1.
12. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
13. ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1.
14. ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1.
15. ГАТО. Ф. Р-2983. Оп. 1.

16. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1.
17. ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3.
18. Известия Тамб. Губ. Исп. Ком. Сов. Раб. КР. и Кр. Деп. 1920.
19. Малько, А. В., Жильцов, С. В. (2003). *Смертная казнь в России: История. Политика. Право*. М.: Норма. 224 с.
20. Мозохин, О. Б. (2018). *Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.)*. М.: Вече. 480 с.
21. Окнинский, А. Л. (1998). *Два года среди крестьян: Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 г. до ноября 1920 г.* М.: Русский путь. 239 с.
22. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 235. Оп. 2.
23. РГВА. Ф. 451. Оп. 1.
24. РГВА. Ф. 633. Оп. 1.
25. РГВА. Ф. 7709. Оп. 1.
26. РГВА. Ф. 34225. Оп. 1.
27. Самошкин, В. В. (2005). *Антоновское восстание*. М.: Русский путь. 360 с.
28. Тоскина, Г. Н. (2016). *Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917-1926 гг.)* // Lex Russica. № 12 (121). С. 106-112.

References

1. «Antonovshchina». *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj oblasti v 1920-1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya*. (2007). ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920-1921: Documents, materials, memoirs]. Tambov, 800. (in Russian)
2. *Arhiv UFSB po Tambovskoj oblasti*. [Archive of the FSB for the Tambov region]. S-207. T. 1, 2. (in Russian)
3. Bezgin, V. B. (2018). "Prigovor priveden v ispolnenie nemedlenno". *Telegrammy o rastrelakh uchastnikov krest'yanskogo vosstaniya 1920-1921 gg. v fonde VoЕННОI kollegii Verkhovnogo tribunala* [‘The Sentence Has Been Executed Straightaway’: Telegrams about Executions of the Participants of the Peasant Revolt of 1920-1921 from the Fond of the Military Board of the Supreme Tribunal] in *Vestnik arhivista*, 4, 1009-1019. (in Russian)
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archives of the Russian Federation]. F. 1005. Op. 1. (in Russian)
5. GARF. F. 4390. Op. fourteen. (in Russian)
6. GARF. F. 4085. Op. 1a. (in Russian)
7. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tambovskoj oblasti (GASPI-TO). [State archive of socio-political history of the Tambov region]. F. P-830. Op. 1. (in Russian)
8. GASPI-TO. F. P-837. Op. 1. (in Russian)
9. GASPI-TO. F. P-840. Op. 1. (in Russian)
10. GASPI-TO. F. P-842. Op. 1. (in Russian)
11. GASPI-TO. F. P-9202. Op. 1. (in Russian)
12. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO) [State Archives of the Tambov Region]. F. R-1. Op. 1. (in Russian)
13. GATO. F. R-17. Op. 1. (in Russian)
14. GATO. F. R-414. Op. 1. (in Russian)
15. GATO. F. R-2983. Op. 1. (in Russian)
16. GATO. F. P-4049. Op. 1. (in Russian)
17. GATO. F. R-4075. Op. 3. (in Russian)
18. *Izvestiya Tamb. Gub. Isp. Kom. Sov. Rab. KR.* (1920). [Izvestiya Tamb. Lips. Isp. Com. Sov. Slave]. KR. and Cr. Dep. (in Russian)
19. Mal'ko, A. V., Zhil'cov, S. V. (2003). *Smertnaya kazn' v Rossii: Istoriya. Politika. Pravo* [The Death Penalty in Russia: A History. Politics. Right] Moscow, Norma. (in Russian).

20. Mozokhin, O. B. (2018). *Repressii v cifrah i dokumentah. Deyatel'nost' organov VCHK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953 gg.)* [Repression in figures and documents. The activities of the Cheka-OGPU-NKVD-MGB bodies (1918-1953)] Moscow, Veche. (in Russian).

21. Okninsky, A. L. (1998). *Dva goda sredi krest'yan: Vidennoe, slyshannoe, perezhitoe v Tambovskoj gubernii s noyabrya 1918 g. do noyabrya 1920 g.* [Two years among the peasants: Seen, heard, experienced in the Tambov province from November 1918 to November 1920]. Moscow, Russkiy put'. (in Russian).

22. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [Russian State Military Archives]. F. 235. Op. 2. (in Russian).

23. RGVA. F. 451. Op. 1. (in Russian).

24. RGVA. F. 633. Op. 1. (in Russian).

25. RGVA. F. 7709. Op. 1. (in Russian).

26. RGVA. F. 34225. Op. 1. (in Russian).

27. Samoshkin, V. V. (2005). *Antonovskoe vosstanie* [Antonov uprising]. Moscow, Russkiy put'. (in Russian).

28. Toskina, G. N. (2016). *Evolyutsiya instituta smertnoy kazni v RSFSR i SSSR (1917-1926 gg.)* [The evolution of the institution of the death penalty in the RSFSR and the USSR (1917-1926)] in *Lex Russica*, 12 (121), 106-112. (in Russian).

Редин Д. А.
(Екатеринбург)

УДК 94(470)

«ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ УКАЗЫ» ПЕТРА I В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В 1713-1721 г. Петр I издает серию взаимосвязанных и взаимодополняющих указов, направленных на пресечение коррупции. В делопроизводственной документации тех лет они именовались «запретительными». Одновременно с этим царь предпринимает энергичные организационные меры, призванные обеспечить практическую реализацию этого законодательства. Автор задается вопросом, почему именно в эти годы монарх разворачивает беспрецедентную борьбу с коррупцией. Ответ видится в том, что это законодательство было вызвано серьезными изменениями в экономике России, породившими масштабную и системную экономическую преступность. Прежде всего, эти изменения произошли в сфере финансов и налогов. Они были связаны с насыщением национальной экономики деньгами, переводом большей части налогов и сборов в денежную форму, широкой практикой государственных закупок. Интенсификация денежных потоков при слабом контроле со стороны государства, открывшийся доступ к казенным средствам со стороны как чиновничества, так и частных лиц привели к резкому росту криминализации экономики. «Запретительные» указы Петра стали, таким образом, не только реакцией, но и важным индикатором перемен экономического характера; обозначили коррупцию как впервые возникшую системную угрозу интересам государства.

Ключевые слова: Петр I, экономика, экономическая преступность, налоги, государственные закупки, монетизация, коррупция.

In 1713-1721 Peter the Great issues a series of interrelated and complementary decrees aimed at the curbing of corruption. In the office documentation of those years, they were called “prohibitive”. At the same time, the tsar is taking energetic organizational measures designed to ensure the practical implementation of this legislation. The author wonders why it is during these years that the monarch is launching an unprecedented fight against corruption. The answer is seen in the fact that this legislation was caused by serious changes in the Russian economy, which gave rise to large-scale and systemic economic crime. First of all, these changes have occurred in the field of finance and taxes. They were associated with the saturation of the national economy with money, the transfer of most of the taxes and fees into monetary form, and the widespread practice of public procurement. The intensification of cash flows with weak control by the state, the access to state funds opened by both officials and private individuals led to a sharp increase in the criminalization of the economy. Thus, Peter's “prohibitive” decrees became not only a reaction, but also an important indicator of economic changes; they designated corruption as a systemic threat to the interests of the state for the first time.

Keywords: Peter I, economy, economic crime, taxes, public procurement, monetization, corruption.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-125-133

«Запретительные указы» – термин, который встречается в судебно-следственном делопроизводстве последних лет Петровского царствования. Он относился к тематически связанным указам 1714 – начала 1720-х гг., предмет регулирования которых по-разному трактуется в современной исследовательской литературе. Их характеризуют как антикоррупционные, как направленные на искоренение взяточничества, как законы, призванные пресечь должностную преступность. Д. О. Серов, при анализе общеисторической ситуации, в которой появились отмеченные указы, акценти-

ровал внимание именно на их антикоррупционной составляющей, заметив, что Петр I организовал и провел «первую в истории государства и права России массированную кампанию по борьбе с коррупцией» [26, с. 34]. Безусловно, все перечисленные мотивы в той или иной степени обозначены в названных указах и взаимосвязаны между собой. Но базовой темой, объединявшей эти акты, являлось, как представляется, то, что в современном праве именуется экономической преступностью, и направлены указы были на её пресечение.

Само понятие экономической преступности сформировалось поздно, в начале 1940-х гг. Традиционно, первую попытку выделить данный феномен и дать ему определение, связывают с именем американского криминолога Эдвина Сатерленда [2, с. 43]. Но новизна понятия не обязательно означает новизну явления. При всех трудностях определения «экономическая преступность»¹, думается, для дальнейших рассуждений будет продуктивным отталкиваться от понимания экономической преступности в практическом смысле, как сложной совокупности нескольких десятков составов преступлений, предусмотренных уголовным законом [5, с. 628]: хищения, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, сокрытие доходов от налогообложения (неуплата налогов), обман потребителей, незаконное предпринимательство в торговле, контрабанда, мошенничество, присвоение и растрата и т.п. Не трудно увидеть, что в этом перечне присутствуют явления, в той или иной степени существовавшие задолго до наших дней, да и до Петровского царствования тоже. Что же, в таком случае, подвигло монарха к разработке и внедрению специального законодательства, причем именно в указанный хронологический период?

По определению экономические преступления возникают в сфере экономики, той общественной хозяйственной деятельности, которая в самых общих чертах является совокупностью отношений в производстве, распределении, обмене и потреблении. Вероятно, возникновение комплекса законодательных мер, кумулятивно направленных на подавление криминала в экономике, сигнализирует, помимо прочего, о трех важных моментах: во-первых, о том, что в государственном хозяйстве к определенному временному рубежу накопились какие-то значимые изменения, открывшие возможности для преступного обогащения; во-вторых, о том, что масштабы этого преступного обогащения стали угрожать экономическим интересам самого государства; и, в-третьих, о том, что верховная власть осознала серьезность этой угрозы. Поэтому, анализ «запретительных указов» значим не только с точки зрения истории права, но и в более широком контексте, в частности, в контексте тех экономических перемен, которые проявились в первой четверти XVIII в. и оказали серьезное влияние и на право, и на организацию новых государственных институтов, и на характер социальных отношений, если под последними понимать, в том числе, такие явления как криминализацию образа жизни и мотиваций социально активной части населения.

Известно, что любые глобальные изменения общественного устройства или форм государственного правления, будь то коренные реформы или революции, приводят к росту нестабильности и, как следствие, разнообразных форм преступности. Петровские реформы, наложившиеся на затяжную и тяжелую войну с одним из сильнейших государств того времени – Швецией, не стали исключением. Для обеспечения победы над противником власти были вынуждены развернуть беспрецедентную по своим масштабам ресурсную мобилизацию, тяжесть которой прежде всего легла на податные слои населения, но также и на дворянство. Одновременно, война, стимулировавшая потребность в материальном обеспечении армии, её реорганизации в соответствии с лучшими европейскими образцами, создании новых родов войск и видов вооруженных сил (инженерные войска и военно-морской флот),

---

¹ В современной юридической литературе различают понятия «экономическое преступление» и «экономическая преступность». Первое относят к понятию уголовно-правового, а второе – к понятию криминологического характера [6, с.235]. Определение границ дефиниции «экономическое преступление» в уголовно-правовом смысле признается весьма сложным ввиду его известной условности [28, с. 32]. Поэтому, а также исходя из характера настоящей статьи, я использую термин «экономическая преступность».

вызвала или катализировала структурные перемены в экономике, в частности, в фискальной и финансовой сферах, среди которых отмечу следующие.

1. *Потребность резкого увеличения денежной массы, насыщения деньгами экономики страны.* Дефицит денег как, в первую очередь, средства обращения и средства платежа отчетливо ощущался в России и до воцарения Петра, а расстройство денежной системы, вызванное как долгосрочными (отсутствие собственного монетного сырья), так и ситуативными (затяжные войны второй половины XVII в.) причинами стало критическим к рубежу XVII-XVIII столетий. Только один перевод вооруженных сил на западноевропейские стандарты комплектования и снабжения лег тяжким бременем на государственную казну, поскольку, в отличие от традиционного поместного ополчения, требовал централизованного обеспечения войск всем необходимым за казенный счет. Не удивительно, что в череде петровских реформ самой первой по времени возникновения и самой протяженной по реализации стала денежная реформа, длившаяся в течение почти всего царствования своего инициатора. В научной литературе отмечают, что реформа была нацелена на достижение комплекса результатов: решение проблемы сырьевой базы для национальной чеканки монет; придание денежной системе упорядоченности; перевод денежного дела на качественно новый (аналогичный западноевропейскому) технико-технологический уровень; повышение государственного дохода от монетной регалии и т.п. [27, с. 37–41; 8, с. 65]. Но в конечном итоге главным смыслом реформы оставалось, говоря современным языком, *повышение коэффициента монетизации экономики*, что диктовалось не только потребностями внутреннего рынка и внешнеторговыми амбициями, но в не меньшей, если не в большей степени, военными расходами, достигавшими в разные годы Петровского царствования от 55 до почти 96% от общего дохода казны.

2. *Усложнение и расстройство налоговой системы.* В указанный период организация фиска отличалась невероятной сложностью и работала на грани возможного. До введения подушной подати, не столько упростившей прежнюю систему налогов и сборов, сколько принесшую новые проблемы, её структура насчитывала до полусотни, если не более, наименований прямых и косвенных платежей, отличавшихся при этом для разных категорий тяглого населения и варьиовавшихся в зависимости от местности. В самых общих чертах она состояла из *окладных* (таможенные и кабацкие, стрелецкие, оброчные, десятой денги, канцелярские, новоуравнительные, поведерные, подворные («с крестьянского дворового числа»), в Военную коллегию (с дворцовых, частновладельческих и монастырских крестьян), в Адмиралтейство (с тех же категорий), ямские и полоняничные (с тех же категорий), на наем подвод (с частновладельческих и монастырских крестьян), оброчные деньги и хлеб в Монастырский приказ (с архиерейских, монастырских крестьян), драгунам, драгунским лошадям и «на подъем каменщиков» (со всех категорий), в монастыри на кормовые припасы (со всех категорий), в Ижорскую канцелярию «за окладной лишней правянт» (с дворцовых), туда же на покупку фуража (со всех категорий), посошный хлеб) и *неокладных* сборов. Последние, будучи чрезвычайными, делились на «*посвягодные*», т.е. чрезвычайные, но более или менее постоянные (наиболее известные из них, хотя не исчерпывающие всего перечня – т.н. «канцелярские» сборы: с рыбных ловель, конских, с мостов и перевозов, с мельниц оброку четвертой доли, с оброчных бань, с оброчных земель и пчел, с постоянных дворов, от письма крепостей, табачные, венечные и выводные, с «русского платья и з бороды» и др.) и «*не посвягодные*», или «*запросные*», вводимые под ту или иную конкретную потребность («не посвягодные для случившейся войны», «работным людям в подмогу и на другие расходы» и проч.), вообще не поддающиеся учету [18, вклейка между л. 18-20; 20, л. 814-815]. Характерно, что большая часть этих налогов и сборов взималась *деньгами*, а не натурой. Соответственно, в данном случае можно говорить о *резком росте монетизации фиска* в смысле существенного замещения в его системе натуральных сборов деньгами.

3. *Появление новых форм хозяйственных отношений между государством и населением*, самым заметным проявлением чего стало интенсивное и масштабное развитие практи-

ки государственных закупок, также связанных со значительным оборотом *казенных денежных средств*. Потребности воюющей и реформируемой армии, строящегося флота не покрывались полностью за счет налоговых поступлений, страдавших, к тому же, от хронических недоимок. Отсюда возникла необходимость привлечения частной инициативы к поставкам фуража, продовольствия, других материальных припасов на договорной основе. Все это на языке того времени называлось *подрядом*¹. Примечательно, что заключить договор на поставку товаров или услуг мог любой подданный короны [18, л. 97]; в качестве заказчика от лица казны могло выступать любое государственное учреждение («приказы, и канцелярии, и губернии»; «в губерниях и канцеляриях, где кому лучится подрядить под Е.и.в. казенные всякие припасы») [Там же].

Всё перечисленное: запутанная и сложная система налогообложения и её монетизация, возросшие потоки денежных средств при одновременном ослаблении централизованного учета и контроля и возросшей самостоятельности местного административного аппарата (в ходе первой губернской реформы), качественно обострили криминогенную ситуацию в экономике, усугубившуюся открывшимся доступом к колоссальным казенным средствам через госзаказ для широкого круга частных лиц.

Это проявилось в появлении новых и в увеличении масштабов старых форм экономической преступности. Например, хаос в налоговой сфере стимулировал рост взяточничества в административном аппарате, ответственном за сбор налогов и платежей; должностные лица получили возможность за принудительные или добровольные подношения давать отсрочки по платежам или выплатам недоимок. Подобные преступления могли существовать и ранее; в годы реформ они стали лишь более частыми и повсеместными. Но источники фиксируют и новые проявления криминала, связанного с манипулированием фиском: сбор средств с тягловцев чинами местных администраций в свою пользу под видом взимания чрезвычайных податей. Наиболее яркий из известных примеров такого рода – преступная деятельность ишимского приказчика Семена Немтинова, спровоцировавшая восстание 1714 г. [4, с. 58-64; 1, с. 96-111; 21, с. 550-551]². На основании собственных указов сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин осуществлял через комендантов сбор податей с крестьян подгородных тобольских волостей в свою пользу; эти суммы фиксировались в т.н. «зачетных росписях» и выводились из официального налогообложения [17, л. 82, 83 об.]. О степени распространения подобных махинаций свидетельствует указ от 10 февраля 1720 г., повелевавший публиковать указы о сборе податей только в печатном виде, чтобы «некому б нельзя было прибавить или убавить» и грозивший тем, «кто сверх того что станет брать лишнее», смертной казнью или вечной ссылкой на галеры с «вырезанием ноздрей»³.

Крупные денежные суммы, стекавшиеся в губернские кассы для последующего перераспределения на нужды центральных ведомств, создавали искушение и возможности для прямых хищений государственных средств с использованием служебного положения. Отсутствие действенной системы контроля и круговая порука, существовавшая в управленческой среде, позволяли, например, руководителям старшего звена местного аппарата брать из губернской кассы крупные суммы денег «в зачет жалованья» в размерах, в разы превышавших их должностные оклады. Схема такого рода была, например, раскрыта во время следствия над санкт-петербургским вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым [19, л. 385]. Разумеется, крайне криминогенной была подрядная деятельность, в которой самое активное участие принимали должностные лица, в том числе – самого высокого ранга. Одним из наиболее резонансных дел такого рода стала т.н. «подрядная афера», организованная

¹ В контексте юридических понятий изучаемой эпохи подряд являлся родовым понятием, синонимичным понятию «договор». Подрядиться – означало заключить договор на предоставление товаров и/или услуг.

² Т. С. Мамсик, склонная считать ишимские события частью политических происков сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, также, тем не менее, не отрицает, что местные крестьяне начали восстание, будучи недовольными поборами Немтинова [7, с. 23].

³ Указ не опубликован в Полном собрании законов. Приводится по [3, л. 57–57 об.].

высшими государственными сановниками: кн. А. Д. Меншиковым, сенаторами В. А. Апухтиным и кн. Г. И. Волконским и упоминавшимся петербургским вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым. Схемы преступной наживы через подрядные махинации были незамысловаты. Речь шла либо о завышении договорной цены, либо о получении предоплаты по договору с последующим невыполнением или неполном выполнении обязательств поставки; разумеется, не исключались и комбинации этих вариантов. Администраторы участвовали в подрядных аферах через подставных лиц, выстраивая, порой, очень длинные цепи посредников. Принципиально важным было то, что преступность в сфере госзакупок приобрела массовый характер; в нее оказались вовлечены не только крупные сановники, но и широкий круг частных лиц самого разного социального статуса.

Интенсификация движения материальных средств, в том числе на внешнем рынке, привело к росту криминализации в сфере торговли: уход от таможенных платежей и контрабанда. В нее оказались вовлеченными не только рядовые участники – купцы и торгующие обыватели, но и должностные лица, ущерб от криминальной деятельности которых составляли очень внушительные суммы. Наиболее известными, выявленными следствием, но до конца еще не исследованными историками, стали контрабандные операции А. А. Курбатова (в его бытность архангелогородским вице-губернатором) и, особенно, комиссаров братьев Соловьевых, создавших, по справедливому замечанию Д. О. Серова, «международную преступную группу, занимавшуюся контрабандой российских товаров в особо крупных размерах» [24, с. 71].

Безусловно, все перечисленные преступления носили коррупционный характер, поскольку неизбежно подразумевали коммерческий подкуп, злоупотребление служебным положением и полномочиями, дачу и получения взяток в целях извлечения выгоды вопреки законным интересам государства и общества. Масштабы совокупных потерь бюджета от перечисленных преступлений, вероятно, стали так велики, что потребовали комплексных мер противодействия со стороны государства. Судя по всему, наиболее значительные потери выпали на период 1700-х – первой половины 1710-х гг. Как не безосновательно предполагал Д. О. Серов, подозрения о масштабных махинациях и хищениях в сфере налогов и подрядов, вероятно, достигли у Петра I некоего критического порога к концу 1700-х гг., что, возможно, стало причиной учреждения царем фискальской службы в 1711 г. [25, с. 67-68]. Результаты деятельности фискалов в первые годы существования института доказали справедливость опасений монарха и раскрыли невиданный размах хищений и коррупции, пронизавший систему государственной администрации до самых верхних эшелонов.

Вот тут-то и появляются на свет «запретительные указы», направленные на подавление преступной деятельности в сфере экономики (против «повреждения государственного интереса», говоря языком того времени). Первый из них датированный 24 апреля 1713 г., устанавливал санкцию в виде смертной казни и конфискации движимых и недвижимых имуществ для уличенных «повредителей интересов государственных» и их пособников [9, № 2673]. 25 августа того же года именным указом Петр I, среди прочего, запретил государственным служащим («судьям» и приказным, «кому какие припасы и запасы приемом и роздачею подлежат», заключать договоры на поставку товаров и услуг («подряды») с казной, как от своего имени, так и через подставных лиц [10, № 2707]. В нём же перечислялся круг составов преступлений, наносивших ущерб «интересам государственным и всего народа»: злоупотребления при раздаче государственных подрядов, вымогательство взяток за отсрочку платежей и взимание «кормов». В знаменитом именном указе от 24 декабря 1714 г. было сформулировано общее понятие о преступлении: «все, что вред и убыток государству приключить может суть преступление», в котором особо подчеркивалась недопустимость «никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымысла», – пожалуй, это стал первый указ ясно выраженной антикоррупционной направленности [11, № 2871]. Наконец, в именном указе от 25 января 1715 г. экономические преступления («похищение казны») были отнесены к кругу государственных преступлений

(3-й пункт «слова и дела») [12, № 2877]. Кроме этого, в 1717-1721 гг. еще 5 указов уточнили круг противозаконных действий должностных лиц (отнеся к ним, в том числе, волокиту в судебных делах и несправедный суд) и несколько раз подтвердили особое значение преследования «хищников» – взяточников и казнокрадов, конечное решение судьбы которых подлежало высочайшей воле [13, № 3081; 14, № 3298; 15, № 3601; 16, № 3756; 3, л. 57-57 об.]. Наконец, появление 17 апреля 1722 г. указа «О хранении прав гражданских», риторикой и текстуальными совпадениями воскресавшего в памяти указ от 24 декабря 1714 г., знаменовало определенное подведение итогов создания антикоррупционного законодательства. Как гласил текст самого указа, этим актом «яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов...» [23, с. 186-187.]. Эти и некоторые другие указы в большинстве своем связаны редакционно, часто носят дополняющий и расширяющий характер по отношению друг к другу, что свидетельствует о них как о результате целенаправленной и комплексной работы и позволяет проследить эволюцию законодательной мысли по созданию антикоррупционных норм.

Одновременно с целенаправленной законодательной деятельностью, Петр предпринял меры организационного характера, направленные на исполнение введенных норм. С этой целью в тот же период им была создана сеть контрольных, ревизионных, судебных и следственных органов. Среди них особенно следует отметить уже упомянутую фискальную службу, которая, в качестве подведомственного Сенату учреждения, хотя и была создана в 1711 г., но наибольшей результативности (выявления разнообразных случаев хищений и злоупотреблений) добилась к 1712-1714 гг. [25, с. 90]; специализированные следственные органы – т.н. «майорские» розыскные канцелярии (с 1713 г.); следственную канцелярию генерал-прокуратуры Сената (с 1722 г.), трансформированную в Розыскную контору Вышнего суда в 1723 г. (надо при этом отметить, что и до 1722 г. Сенат выполнял роль не только высшей судебной инстанции, но, посредством своей канцелярии, осуществлял следственные функции); Подрядную канцелярию, учрежденную в 1715 г. [Подробнее см. 22, с. 131-144]; прокуратуру (с 1722 г.).

***

Право – весьма чуткий индикатор общественных трансформаций. Потребность в новых нормах права обусловлена, обычно, появлением в обществе неких изменений, не поддававшихся до того под действие существующего нормативно-правового регулирования. Разумеется, юридическая реакция на такие изменения не мгновенна. Требуется определенное время, чтобы новации в общественных отношениях достигли определенной критической массы, а их значение было осознано законодателем. Известно также, что в некоторых ситуациях законодатель пытается понять общественные тренды, предвосхитить события и/или «отформатировать» развитие общества с помощью права в нужном для себя русле. Но результаты таких практик бывают сомнительны, нередко порождая «мертвые» нормы. Что касается законодательского «мейнстрима» России раннего Нового времени, то правовое регулирование было, все-таки, скорее именно реакцией на социальную динамику или попыткой фиксации/стабилизации устоявшихся отношений. Перечисленные законодательные и организационные меры, предпринятые Петром I в начале 1710-х – 1720-х гг. и направленные на противодействие экономической преступности, стали реакцией на изменения в системе государственного хозяйства страны. Имея своей *идеей* защиту экономических интересов короны, они четко определили основную *цель* поражения: коррупцию¹. Именно коррупция, как *система* злоупотреблений должностным положением на основе корыстных мотивов,

---

¹ Известные значения латинского слова *corruptio* – подкуп, продажность, но также и порча, разложение, растление. Петровское законодательство не оперировало этим латинским термином, но нашло ему вполне адекватную замену: *повреждение* государственного интереса.

явилась «побочным продуктом» превращения России в государство современного типа и структуроразрушающей угрозой его существованию. В этом смысле появление «запретительных указов» Петра является дополнительным признаком тех качественных изменений, которые произошли со страной в первые десятилетия XVIII в.

Список источников и литературы

1. Акишин, М. О., Шашков, А. Т. (1998). *Фискальный гнет петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII – начала XVIII в.)* // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI-XX вв. Новосибирск: Наука; Сиб. предприятие. С. 96-111.
2. Волкова, Н. М. (2013). *Эволюция взглядов на юридическую характеристику экономических преступлений* // Образование и право. № 7 (47). С. 142-149.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 57-57 об.
4. Голикова, Н. Б. (1963). *Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 г. (из истории классовой борьбы сибирского крестьянства)* // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 3. С. 58-64.
5. Долгова, А. И. (2013). *Криминология: учебник*. М.: Норма: Инфра-М. 1007 с.
6. Кузнецов, А. П. (2017). *Экономическое преступление и экономическая преступность: соотношение понятий* // Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (39). С. 235-239.
7. Мамсик, Т. С. (2013). *Экспедиция И. Д. Бухольца и «восстание» ишимских крестьян 1714 г.* // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 20-24.
8. Муравьева Л. А. (2007). *Денежная реформа Петра Первого* // Деньги и кредит. № 1. С. 63-71.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. ПСЗ-I. Т. V. № 2673.
10. ПСЗ-I. Т. V. № 2707.
11. ПСЗ-I. Т. V. № 2871.
12. ПСЗ-I. Т. V. № 2877.
13. ПСЗ-I. Т. V. № 3081.
14. ПСЗ-I. Т. V. № 3298.
15. ПСЗ-I. Т. VI. № 3601.
16. ПСЗ-I. Т. VI. № 3756.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82, 83 об.
18. РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Вклейка между Л. 18-20, 97.
19. РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 59. Л. 385.
20. РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 814-815.
21. Редин, Д. А. (2007). *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.)*. Екатеринбург: Волот. 608 с.
22. Редин, Д. А. (2020). *Канцелярия подрядных дел (к истории законодательно-административного регулирования государственных закупок в России петровского времени)* // Вестник государственного и муниципального управления. № 3 (37). С. 131-144.
23. Российское законодательство X-XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
24. Серов, Д. О. (2007). *Администрация Петра I*. М.: ОГИ. 288 с.

25. Серов, Д. О. (2012). *Фискальская служба и прокуратура России в первой трети XVIII в.* Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. 449 с.
26. Серов, Д. О. (2019). *Противодействие коррупции: опыт Петра I* // Юридический мир. № 9 (273). С. 27-35.
27. Шулькова, Н. Н. (2004). *Преобразования денежной системы России конца XVII – начала XVIII в. Реформа Петра I* // Денежные реформы в России: история и современность. М.: Древлехранилище. С. 37-41.
28. Яни, П. С. (1997). *Экономические и служебные преступления.* М.: Бизнес-школа «Интел-синтез». 201 с.

References

1. Akishin, M. O., Shashkov, A. T. (1998). *Fiskal'nyj gnet petrovskoj epohi i sibirskoe krest'yanstvo (k voprosu o dostovernosti perepisej konca XVII – nachala XVIII v.)* [Fiscal oppression of the Petrine era and the Siberian peasantry (on the question of the reliability of censuses of the late 17th – early 18th centuries)] in *Istoriya russkoj duhovnoj kul'tury v rukopisnom nasledii XVI-XX vv.* Novosibirsk, Nauka Publ.; Sib. Predpriyatie Publ., 96-111. (in Russian).
2. Volkova, N. M. (2013). *Evoljuciya vzglyadov na juridicheskuyu harakteristiku ekonomicheskikh prestuplenij* [Evolution of Views on the Legal Characteristics of Economic Crimes] in *Obrazovanie i pravo*, 7 (47), 142-149. (in Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (SASO)* [State Archives of the Sverdlovsk Region]. F. 24. Op. 12.D. 2.L. 57-57 rev. (in Russian).
4. Golikova, N. B. (1963). *Vosstanie krest'yan ishimskih slobod v 1714 g. (iz istorii klassovoj bor'by sibirskogo krest'yanstva)* [The Uprising of the Peasants of the Ishim Settlements in 1714 (from the History of the Class Struggle of the Siberian Peasantry)] in *Vestnik MGU*, 1963, ser. 8. *Istoriya*, 3, 58-64. (in Russian).
5. Dolgova, A. I. (2013). *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: Textbook]. Moscow, Norma Publ.; Infra-M Publ. (in Russian).
6. Kuznecov, A. P. (2017). *Ekonomicheskoe prestuplenie i ekonomicheskaya prestupnost': sootnoshenie ponyatij* [Economic Offense and Economic Crime: the Relationship of Concepts] in *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 3 (39), 235-239. (in Russian).
7. Mamsik, T. S. (2013). *Ekspediciya I. D. Buhol'tsa i «vosstanie» ishimskih krest'yan 1714 g.* [The Expedition of I. D. Bukholts and the “Uprising” of the Ishim Peasants in 1714] in *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2, 20-24. (in Russian).
8. Murav'eva, L. A. (2007). *Denezhnaya reforma Petra Pervogo* [Monetary Reform of Peter the Great] in *Den'gi i kredit*, 1, 63-71. (in Russian).
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting]. PSZ-I. T. V. No. 2673. (in Russian).
10. PSZ-I. T. V. No. 2707. (in Russian).
11. PSZ-I. T. V. No. 2871. (in Russian).
12. PSZ-I. T. V. No. 2877. (in Russian).
13. PSZ-I. T. V. No. 3081. (in Russian).
14. PSZ-I. T. V. No. 3298. (in Russian).
15. PSZ-I. T. VI. No. 3601. (in Russian).
16. PSZ-I. T. VI. No. 3756. (in Russian).
17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)*. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214. Op. 5.D. 2640.L. 82, 83 rev. (in Russian).
18. RGADA. F. 248. Book. 17. Inset between L. 18-20, 97. (in Russian).
19. RGADA. F. 340. Op. 1, part 1.D. 59.L. 385. (in Russian).
20. RGADA. F. 1113. Op. 1.D. 28.L. 814-815. (in Russian).
21. Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokратиya Urala v epohu petrovskih reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711-1727 gg.)* [Administrative Structures and

Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms (Western Districts of the Siberian Province in 1711-1727)]. Ekaterinburg, Volot Publ. (in Russian).

22. Redin, D. A. (2020). *Kancelyariya podryadnyh del (k istorii zakonodatel'no-administrativnogo regulirovaniya gosudarstvennyh zakupok v Rossii petrovskogo vremeni)* [Office of Contracting Affairs (on the History of Legislative and Administrative Regulation of Public Procurement in Russia during Peter's Time)] in *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 3 (37), 131-144. (in Russian).

23. *Rossijskoe zakonodatel'stvo H-HKH vekov. T. 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolutizma* [Russian legislation of the X-XX centuries. T. 4: Legislation of the period of formation of absolutism] / Otv. ed. A.G. Mankov. In 9 volumes / Under total. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature.

24. Serov, D. O. (2007). *Administraciya Petra I* [Administration of Peter I]. Moscow, OGI Publ. (in Russian).

25. Serov, D. O. (2012). *Fiskal'skaya sluzhba i prokuratura Rossii v pervoj treti XVIII v.* [Fiscal Service and Prosecutor's Office of Russia in the first third of the 18th century]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. (in Russian).

26. Serov, D. O. (2019). *Protivodejstvie korrupcii: opyt Petra I* [Anti-corruption: the experience of Peter I] in *Yuridicheskij mir*, 9 (273), 27-35. (in Russian).

27. Shul'kova, N. N. (2004). *Preobrazovaniya denezhnoj sistemy Rossii konca XVII – nachala XVIII v. Reforma Petra I* [Transformations of the Monetary System of Russia in the late 17th – early 18th centuries. Reform of Peter I] in *Denezhnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 37–41. (in Russian).

28. Yani, P. S. (1997). *Ekonomicheskie i sluzhebnye prestupleniya* [Economic and Official Crimes]. Moscow, Biznes-shkola "Intel-sintez" Publ. (in Russian).

Сень Д. В.
(Ростов-на-Дону)

УДК 94 (470.62)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШПИОНОВ АТАМАНА И. НЕКРАСОВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1708 – 1720-е гг.)¹

Исследуются причины, формы и способы отправки с территории Кубани, входившей в состав Крымского ханства, шпионов, чья «подрывная» деятельность чаще всего направлялась атаманом Игнатом Некрасовым. Впервые в науке системно анализируются задачи, ставившиеся этим некрасовским шпионам, а также условия, как способствовавшие, так и препятствовавшие их выполнению. В ходе достижения цели и задач использованы общенаучные и специальные исторические методы. Статья основана на письменных исторических источниках XVIII в. из нескольких федеральных и государственных архивов России. В работе уделено внимание географии «подрывной» деятельности таких людей, анализу их состава и особенностям подготовки для выполнения задач, не всегда связанных со сбором разведывательной информации на территории России. Были выявлены и изучены, кроме того, реакции различных категорий российских подданных, общавшихся со шпионами Игната Некрасова, в т. ч. уходивших на Кубань по их «подговорам». Системно проанализированы многочисленные розыскные, в т.ч. профилактические, мероприятия российских властей, направленные на пресечение/предотвращение деятельности некрасовских шпионов, а также на их поимку и организацию допросов.

Ключевые слова: Войско Донское, допросы, казаки-некрасовцы, Крымское ханство, пограничье, расспросные речи, Российское государство, шпионы.

The author investigated the reasons, forms and methods for sending spies from the territory of the Kuban, part of the Crimean Khanate to Russia. The Spies "subversive" activities were most often directed by the ataman Ignat Nekrasov. For the first time in academia, the author systematically analyzed the tasks assigned to these Nekrasov spies, as well as the conditions that both facilitated and hindered their implementation. Achieving the goal and objectives of this article, general scientific and special historical methods were used. The article is based on written historical sources XVIII c. from several Russian federal and state archives. The paper focuses on the geography of the "subversive" activities of such people. The analysis of their composition and the peculiarities of training to perform tasks that are not always associated with the collection of intelligence information on the territory of Russia. In addition, the reactions of various categories of Russian subjects who communicated with the spies of Ignat Nekrasov were identified and studied. Numerous search engines have been systematically analyzed, preventive measures of the Russian authorities aimed at suppressing / preventing the activities of the Nekrasov spies, as well as at their capture and organization of interrogations.

Keywords: Don Cossack Host, interrogations, Nekrasov Cossacks, Crimean Khanate, borderland, interrogative speeches, Russian state, spies.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-134-143

Помимо вопросов об интенсивности отправки в Россию шпионов с Кубани и реакциях на их агитацию российских подданных (в т. ч. рассмотренных в первой части этой моей статьи), обозначу еще несколько актуальных исследовательских проблем. Среди них – определение И. Некрасовым кандидатур на роль шпионов, логистика их подготовки и отправки (включая переодевание шпионов –

¹ Окончание. Начало см.: История: факты и символы. 2021. № 3. С. 82-93.

напр., монахами или старцами), наличие или отсутствие «прелестных писем» и т. п. Случалось, что шпионами становились выходцы с Дона и других территорий, в т. ч. казаки, имевшие там родственников, а также лица, ранее выполнявшие подобные задания [8, с. 66; 11, д. 103, л. 167-168]. Доноситель Ф. Медведев подслушал в 1726 г., что шпион-некрасовец Я. Резепка «...многократно повсегодно проводил (выделено мной. – Д. С.) с реки Дона к Некрасову на Кубань, а ныне де он Резенка (должно быть «Резепка». – Д. С.) похваляется провести с Дону казаков тысяч с десять, почему и дано де ему от Некрасова письмо, чтобы провести их мимо Азова» [8, с. 67]. И. Дубасов описал случай, когда в мае 1715 г. «по нашим городкам и селам (речь о г. Шацке и его округе. – Д. С.), в нищенском и монашеском одеянии, стали ходить шпионы и посланцы – подговорщики от бунтовщиков Некрасова и Яшки Шешкова, с Кубани. Во главе этих Некрасовских шпионов стоял некто Сокин, местный беглый наш монастырский крестьянин (выделено мной. – Д. С.). Власти встревожились и начали ловить изменников, а по всем дорогам и переправам организованы были разъезды, так как со дня на день ожидалось нападение на наш край кубанцев и некрасовцев» [7, с. 14]. Русские люди, отмечал А. А. Гераклитов, предлагали татарам свои услуги в качестве знатоков местности – из числа тех, кто бежал из России на Кубань под воздействием агитации некрасовцев [3, с. 323]. Таким человеком оказался, к примеру, М. Афанасьев, бежавший с группой своих товарищей на Кубань «для воровства» – чтобы «кубанцев подводить под русские государевы города, села и деревни» [3, с. 323]. Таким образом, отправка с Кубани таких и подобных им людей могла обеспечить той или иной шпионской миссии (одиночной или групповой) дополнительный успех. Полагаю, что для И. Некрасова привычным было личное общение с отправляемыми в Россию шпионами, включая определение им целей, задач, сроков выполнения заданий и т.п. [11, д. 103, л. 167; 9, с. 280].

Дело облегчалось для некрасовцев знанием местной обстановки и жизни на Дону, причем, данное суждение можно распространить на поведение разных некрасовцев, не только шпионов. Случалось, они выдавали себя за жителей донских станиц, хотя подобный прием не всегда удавался. Однажды донские казаки и калмыки, переправлявшиеся в 1716 г. через р. Егорлык, повстречались с группой всадников численностью около 90 чел. При этом, один из неизвестных донцам людей сказал, «что будто и они донские же их казаки ис Паншиной и ис Кагалиной станиц и идут-де для добычи под Кубань» [5, д. 1471, л. 59; см. также: 5, д. 1471, л. 60-60 об.]. Вышедший с Кубани в 1711 г. казак-некрасовец рассказал, что «...де ныне у речки Еланчику некрасовцы их говорили з салдатами, что бутто хотят притти с повинною, и чтоб к ним прислать верное письмо; и то де они говорили неправду, обманывая салдат, как бы из них кого поимать для языка. Он же де слышал, естли будет приход государевых войск х Кубани, то кубанцы хотят уйти в горы и некрасовцы с ними ж» [10, д. 31, л. 45 об.].

Шпионы И. Некрасова регулярно снабжались перед отправкой в Россию письмами, анализ информации (чаще всего – косвенной) о которых составляет отдельную исследовательскую задачу. Ее следует изучать на фоне не менее важных и актуальных задач – о письмах из России на Кубань, направленных от некрасовских сторонников и осведомителей, а также о других формах коммуникации. По словам одного некрасовского шпиона (1715 г.), донской казак В. Гордеев, якобы приходившийся кумом И. Некрасову, «о всяком возмущении о чем с российской стороны не уведает, о том о всем пишет в Азов и на Кубань к вору Некрасову. А имеет де он торговой промысл и для того промыслу ездит в Черкасской и бывает в Азове почасту» [11, д. 103, л. 167 об.]. В 1718 г. донской казак Е. Щедрин рассказал по «государеву слову» об одном хоперском казаке, сообщившем о переписке И. Некрасова с верховыми городками: «...чтоб они шли жить на Кубань... А как де они пойдут з Дону на Кубань, и они б казаки о том к нему... писали» [12, д. 6, л. 74]. Казак И. Чаган, вернувшийся в 1720 г. с Кубани на Дон и прощенный Войском Донским, будучи допрошен, даже запросился в столицу – желая донести на тех людей, «которые с тем Некрасовым списывались» [6, д. 1476, л. 24]. По данным казака ст-цы Быстрианской А. Козловца,

верховые казаки отправляли своих пятерых казаков на Кубань к И. Некрасову, «которые де от толь возвратились к нему обратно с письмом» [14, с. 20]. Российским властям также доносили на казака ст-цы Беляевской Безбороду, якобы отправившего в 1726 г. к тому же И. Некрасову пятерых своих бурлаков [14, с. 18].

В ходе организации шпионской сети И. Некрасов не гнушался пользоваться услугами «случайных» и, скорее всего, не вполне проверенных людей. Одна такая история, состоявшая с участием беглых российских солдат, произошла в 1715 г. в окрестностях османского Азова. Один из ее главных участников – беглый солдат «Зиновьева баталиона» В. Петров, оказавшийся в 1715 г. в османском Азове и повстречавшийся в его округе с И. Некрасовым и его казаками [11, д. 103, л. 198]. Собственно, дело стало развиваться после того, как 11 октября 1715 г. беглеца доставили в Тамбов из Транжаменты, а вице-губернатор С. А. Колычев написал о нем и его показаниях гр. Ф. М. Апраксину 13 октября 1715 г. [11, д. 103, л. 198]. Комендант Транжаменты А. Пиль писал вице-губернатору С. И. Колычеву 29 сентября о том, что В. Петров был доставлен к нему с Дона с письмом от войскового атамана В. Кумшацкого, датированным 20 сентября 1715 г. Из пространного письма А. Пили и копии расспросных речей В. Петрова стали известны обстоятельства побега солдата с Дона в Азов и общения с И. Некрасовым. После побега В. Петров «пришел в Азов и турченин де именем Ивлей, взяв, отвел ево к паше своему, азовскому, и тот де паша Василья... велел взять тому ж турченину... к себе в работу, и жил у него недели з две...» [11, д. 103, л. 201]. С двумя другими беглецами из России В. Петров ловил на Дону под Азовом рыбу. Туда приехал со своими казаками И. Некрасов, ранее прибывший в Азов, и пожаловавший в ватагу для покупки рыбы. Уточнив у беглецов, не «обусурманились ли они», И. Некрасов пригласил их на разговор в свою палатку [11, д. 103, л. 199]. Приведя всех троих «ко кресту» (при этом беглецы целовали икону), И. Некрасов вручил каждому из них по письму, адресованному «сиятельному адмиралу» (Ф. М. Апраксину?), судье Военного приказа (?) и фельдмаршалу Б. П. Шереметеву [11, д. 103, л. 199 об.]. По словам В. Петрова, атаман собирался «великому государю вину свою заслужить» и обещал, что если адресаты ему ответят, то он «Азов возмет и туок вырубит».

Подчеркну, что, по словам В. Петрова, все три письма были написаны до «приходу их к нему Некрасову в палатку, а кто писал... не ведает... Толко де те писма при нем Некрасове и при товарищех ево им Василью с товарищи вычитали и прочетчи запечатав, им отдали» [11, д. 103, л. 202]. После этого И. Некрасов якобы изложил им план по захвату Азова. В частности, атаман нашел повод перезимовать со своими казаками в Азове, попросив об этом азовского пашу [11, д. 103, л. 202]. Некрасовцы сопровождали беглецов до Каланчинских башен, откуда те направились «кубанскою стороною и шли три ночи, а днями лежали в камышах...». Ниже р. Аксай товарищи В. Петрова покинули его, намереваясь «переехать через Дон и идти чрез Бахмут». После этого В. Петров пошел в Черкасск, зашив в шапку врученное ему И. Некрасовым письмо. После разговора в местном шинке с донскими казаками о своем пребывании в Азове В. Петров попал в руки войскового караула. Уже на следующий день его препроводили к коменданту А. Пиллю в Транжамент, где затем расспрашивали и пытали. По распоряжению А. Пили были организованы розыски шапки с якобы зашитым в нее письмом. Атаман Войска Донского М. Кумшацкий позже писал коменданту, что он лично «при старшинах тое шапку распорол всю, никакова писма не явилось». После этого В. Петрова пытали, «а с пытки говорил те ж речи, что и в роспросе выше сего, а товарищи де вышеписанные Преображенского полку салдат Яков Андреев, да саратовец Михайло Герасимов с такими ж писмами пошли подлинно на Бахмут...» [11, д. 103, л. 200].

Весной 1715 г. (точнее, за три недели до Пасхи) И. Некрасов отправил с Кубани «в Русь» восемь своих шпионов, одетых «нищенским образом» [11, д. 103, л. 167]. Был среди них и Ф. Позняков, пойманный в мае того же года в с. Архангельском Козловского уезда. На допросе «с пытки» шпион показал, что вместе с товарищами он был отправлен «вором»

И. Некрасовым «для проведыванья и осмотра от казачьих городков по черте государевых полков...» [11, д. 103, л. 167]. Шпионам надлежало передать собранную информацию казаку ст-цы Тепикинской В. Гордееву, который «всякую ведомость к нему, Некрасову, станет чинить» [11, д. 103, л. 167]. Часть группы сумела добраться до указанной станицы, откуда местные казаки, сторонники И. Некрасова, отправили ее в «русские города», кроме одного шпиона – В. Жука. Ф. Позняков рассказал в ходе допроса, что именно В. Гордеев должен был сообщить собранную информацию И. Некрасову на Кубань: «...и с тем ведением на Кубань к Некрасову нарочно посылать...» [11, д. 103, л. 167 об.]. Особенно важны слова о том, что В. Гордеев, якобы приходившийся кумом И. Некрасову, «о всяком возмущении о чем с российской стороны не уведает, о том о всем пишет в Азов и на Кубань к вору Некрасову. А имеет де он торговой промысл и для того промыслу ездит в Черкасской и бывает в Азове по часту» [11, д. 103, л. 167]. Товарищи же Ф. Познякова отправились с Дона через Усерд, Острогжск, Старый и Новый Осколы до Москвы, где должны были встретиться на Красной площади. Интересно, что перед отправкой шпионов в Россию И. Некрасов якобы заявил, что дождется от них «ведомости», а если не дождется, то «со всеми единомышленники своими хотел итить для разорения под украинные государевы города, а иминно под Танбов, под Казлов, под Усерд, под Острогжск, под Новой и под Старой Осколы и под другие города» [11, д. 103, л. 168]. Копия этих расспросных речей была направлена С. Колычевым гр. Ф. М. Апраксину 15 мая 1715 г. вместе с отпиской, сообщающей об оперативных розыскных мероприятиях в связи с информацией о некрасовских шпионах [11, д. 103, л. 165–166 об.]. Так, помимо необходимых указов, отправленных на Дон, были посланы т.н. опасные указы «в украинные города х кому надлежит и в слободские полки Воронежской губернии к полковником черкасским...».

В том же 1715 г. И. Некрасов отправил в Россию еще, как минимум, одну группу шпионов «в нищецком, а иные и в старческом платье с иконами...» [9, с. 279]. 10 мая командующему войсками в г. Шацке О. С. Засецкому был послан указ из Тамбовской губернской канцелярии, повелевавший «того города в уезде смотреть на крепко ежели где явитца посланные с кубани от вора и изменника Некрасова шпионы и оных людей ловить и роспрашивая присылать в Танбов тотчас, а от приходу и незапных набегов от воров Некрасовцов и кубанцов иметь осторожность...» [9, с. 278]. Указом от 4 июня 1715 г. О. С. Засецкий извещался о поимке шпионов И. Некрасова, присланных в Тамбов, о которых писалось выше. Они рассказали «в роспросех и с пыток», что были отправлены с Кубани в «украинные по здешней черте города для проведыванья и осмотра его царевых войск... и велено де им шпионом наведався и усмотря оного возвратитца к тому ж вору Некрасову на Кубань в скорости» [9, с. 279]. Замечу, что шпионская группа была многочисленной – около 40 чел. Причем, как и в случае с группой Ф. Познякова, ее участники притворились нищими, а также старцами с иконами! И. Некрасов торопил своих шпионов – перед отправкой им было сказано, что если они «умедлят» с возвращением, то «кубанская орда вся и вор Некрасов»... имеют намерение итить под черкасской и по другие украинные города» [9, с. 279]. Эти сведения «заподлинно» подтвердились: согласно оперативным данным, кубанцы и некрасовцы «пошли и реку Дон между казачьих городков Багаева и Бесергенева перелезли и Донец перешли ниже быстрянка (ст-цы Быстрянской. – Д. С.) на сей бок» [9, с. 279]. В анализированном выше июньском указе говорилось о необходимости принятия О. С. Засецким мер по поимке и допросу шпионов с Кубани, а также об организации постоянных застав и разъездов «конных и оружейных людей» [9, с. 279].

Замечу, что российская сторона тоже использовала потенциал шпионов для сбора разведывательной информации о противнике на южном направлении. 3 ноября 1722 г. на Дон была направлена царская грамота, сообщавшая о сенатском решении: отправлять на Кубань и в Крым российских шпионов, в т.ч. под видом «добрых купцов». Им повелевалось «о намерениях их (не некрасовцев, замечу, а татар и турок. – Д. С.) всячески проведывать, а для такой же предосторожности и посылок в Белгороде иметь из Слободских полков с пе-

ременою по пятьдесят человек» [14, с. 1]. Грамотой же, отправленной на Дон еще 29 октября 1722 г., Войску Донскому повелевалось «посылать к Кубанской степи ради проводывания партий, а на Кубань добрых шпионов...» [14, с. 2]. Указ Военной коллегии 1720 г., адресованный воронежскому вице-губернатору С. А. Колычеву, содержал важную, подробную информацию о формах и методах борьбы со шпионами И. Некрасова и с их помощниками. Предполагалось действовать решительно, в т.ч., как сказано в документе, «жестокими указами», адресованными комендантам и воеводам. Властям надлежало активно ловить и допрашивать шпионов, узнавать о путях их проникновения в Россию и пр. При всех церквах повелевалось «публиковать» сообщения о том, что если кто «такова шпиона где пропустит или квартиру ему даст», а увидев – не поймает и не приведет – то «без всякого милосердия казнены будут смертью» [8, с. 66]. В июле 1720 г. в Пензенской провинции были пойманы некрасовские шпионы, включая П. Сапана, присланные от И. Некрасова «для возмущения и бунту, и осмотреть крепосте (так в публикации. – Д. С.) и служилых людей» [13, с. 157]. Властям также стало известно о крестьянине д. Малая Пуза Арзамасского уезда – Г. Ерославцове, принимавшем у себя дома П. Сапана. В том же месяце крестьянина схватили вместе с сыновьями и отправили, соответственно, в Пензу и в Арзамас. Из других документов дела стало известно еще об одном некрасовском шпионе, по-видимому, из той же группы – И. Межданове [13, с. 158]. Еще в октябре того же года следствие продолжалось, характеризуясь некоторыми особенностями. В частности, не подтверждалась вина крестьянина Г. Ерославцова, которого было решено временно отпустить «на поруки».

О поимке некрасовского шпиона П. Сокина и его показаниях сообщалось царской грамотой на Дон от 31 декабря 1720 г. [1, с. 285-287]. Впрочем, еще 22 сентября 1720 г. Войско Донское информировалось по тому же вопросу на основании соответствующего доношения царю из Воронежа от вице-губернатора С. А. Колычева. Чиновник, кроме того, информировал царя об отправке «экстракта» расспросных речей П. Сокина, присланных из Тамбова от комиссара Ознобишина [1, с. 286]. А грамотой от 31 декабря 1720 г. Петр I сообщал Войску Донскому о мерах по розыску некрасовских шпионов в Воронежской губернии и за ее пределами [1, с. 286]. Судя по всему, в этом документе пересказывалось содержание царского указа С. А. Колычеву, цитировавшегося выше по публикации И. И. Дмитренко. Вновь обращаю внимание на системный и продуманный характер правительственных мероприятий как по розыску некрасовских шпионов, но и по предотвращению недонесения на них со стороны местного населения. Важно сказать о том, что подобные указы были отправлены в Казанскую, Астраханскую губернии, а также украинскому гетману И. И. Скоропадскому [1, с. 286]. Таким образом, аналогичное повеление получило и Войско Донское – «во всех ваших казачьих городках о престоережении от таких шпионов и о поимке оных чинить по вышеписанному нашему, царского величества, указу» [1, с. 286]. Донцам также сообщалось о необходимом взаимодействии, в случае причастности донских казаков к «воровству» П. Сокина, с вице-губернатором С. А. Колычевым и с Коллегией иностранных дел [1, с. 286]. Впрочем, некоторые меры были приняты Войском Донским уже между 22 сентября и 31 декабря 1720 г. 8 декабря 1720 г. г. датирован войсковой (скорее всего – однотипный), указ атаману и казакам Средней Черкасской станицы, созданный, судя по всему, на основании одного из царских указов [4, д. 1393, л. 5]. Этим царским указом Войску Донскому повелевалось «пристерегать шпионов, которые иногда посылаютца... с Кубани от... изменника Некрасова и таких бы сыскивать, ловя, чинить им розыск...» [4, д. 1393, л. 5]. В случае поимки шпионов станичный атаман и казаки должны были доставлять их в Черкасск. Кроме того, казаков предупреждали, что если информация о шпионах не дойдет до властей, «и чрез то несмотрение пропустица шпион вглубь Российских городов», то виновные «повинны быть... жестокому наказанию без всякого милосердия смертью» [4, д. 1393, л. 5].

Документы подтверждают мнение о том, что известия о поимке и расспросах некрасовских шпионов регулярно вызывали как обеспокоенность высших, центральных и мест-

ных (в т.ч. губернских учреждений), так и принятие жестких контрмер. Обо всем этом речь шла, например, в указе от 8 февраля 1720 г., определявшем реакцию Военной коллегии на сведения о расспросных речах еще одного пойманного некрасовского шпиона, отправленных вице-губернатором С. А. Колычевым генерал-лейтенанту кн. И. Ю. Трубецкому при его письме от 12 января 1720 г. [2, д. 2, л. 17]. Это известие вызвало быструю «цепную» бюрократическую реакцию, связанную с актуализацией письменной переписки между различными администраторами высокого уровня, как военных, так и гражданских. В их числе оказались генерал-майор Г. С. Кропотов, С. А. Колычев, казанский губернатор А. П. Салтыков. Им тоже должны были направить указы о том, чтобы «оных шпионов сыскивать и которые из них или из других сысканы будут, тех, оковав, присылать за крепким караулом в Санкт-Петербург в Военную коллегию и впредь таких шпионов накрепко преследовать...» [2, д. 2, л. 17–17 об.]. Предполагалось предпринять и другие жесткие меры, в т.ч. направленные на борьбу с кубанцами и с «изменниками», т.е. с некрасовцами, а также с их шпионами [2, д. 2, л. 17 об.].

Наиболее поздние, из известных автору, документов о некрасовских шпионах относятся к 1726–1728 гг. [2, д. 2, л. 1-194]¹. Краткий пересказ соответствующей истории содержится в публикации И. И. Дмитренко [8, с. 65-68]. Впрочем, ученый не вполне верно определил ее начало – на самом деле извет яицкого казака Ф. Медведева (исходное основание всего последующего розыска) относился не к 1727 г., а к 1726 г. 28 ноября 1726 г. в Транжаментной канцелярии был допрошен русский человек – Федор Иванов сын Медведев, отправившийся из Яицкого войска на второй неделе Великого поста «для гулбы звериной ловли» [2, д. 2, л. 150]. На Дону с ним случилось серьезное происшествие: ниже Качалинского городка, напротив Голубых, его ограбили калмыки [2, д. 2, л. 150]. После этого он направился в Бабскую станицу, а затем, по Северскому Донцу – до ст-цы Луганской, «и пришел на речку Деркул в зимовье, в котором живут Митякинской станицы казак Феофил Клементьев» [2, д. 2, л. 150 об.]. Там, по словам изветчика, он и встретился с некрасовскими шпионами – Я. Резепкой и, как выяснилось впоследствии, с Д. Михневым. С р. Деркулы изветчик пошел на Миус, где обнаружил «камышников», двух казаков ст-цы Луганской. Затем он якобы подслушал в земляке разговор этих людей: «...оной Резепка многократно проводил повсягодно с реки Дону казаков к Некрасову на Кубань. А ныне де он, Резепка, похваляетца, хотя де проведет з Дону казаков тысяч из десять. И того де ради дано ему... с Кубани от Некрасова и письмо, чтоб мимо Азова оных казаков и провесть на Кубань. И ныне оной Резепка живет на Деркуле в зимовом курене... Феофила Клементьева» [2, д. 2, л. 150 об.]. Далее Ф. Медведев сообщал о 15 людях, живших на р. Миус и «на Крынках», якобы готовых бежать на Кубань весной 1727 г., «а хлеб, и ружье, и платье спрятано у них в земле» [2, д. 2, л. 151 об.].

По данному извету в Транжамент были доставлены 13 декабря 1726 г. шесть колодников, допрошенные «порознь» в тамошней канцелярии. Среди них оказались Дмитрий Степанов сын Михнев, Феофил Клементьев сын Кулемзин, Григорий Иванов сын Тимофеев, Игнатий Воронков, Яков Колесников, Гаврила Епифанов сын Перепечин [2, д. 2, л. 4–15]. Среди них был и некрасовский шпион Д. Михнев, ранее отправленный С. Кобыльским с некрасовцем же Я. Резепкой «в Российскую империю, чтоб он, Резепка, призвал из донских горотков на Кубань к нему, Кабыльскому, попа и других людей» [2, д. 2, л. 4 об.]. Обращает на себя внимание фраза Д. Михнева о том, что это случилось после того, как С. Кобыльский со своими казаками «отделился... от... Некрасова» [2, д. 2, л. 4 об.]. Не исключено, что между двумя лидерами произошла ссора, потребовавшая от С. Кобыльского

---

¹ Выражаю благодарность к.и.н. П. А. Авакову за информацию об архивном деле из ГАКО. Копирование документов и их ввод в научный оборот осуществлены автором статьи.

не только «отделения» (переселения), но и поиска духовного лица для окормления именно своей группы.

Нам немного известно о происхождении Д. Михнева (однодворец, уроженец с. Петрова Будища Обоянского уезда) и Я. Резепки (до ухода на Кубань проживал в ст-це Краснянской на Северском Донце) [2, д. 2, л. 4 об., 72]. Если доверять показаниями Ф. Медведева, то Я. Резепка неоднократно занимался сманиванием людей из России. Так, изветчик рассказал, что, будучи на р. Деркуле в зимовье у казака Митякинской станицы, он «прислушал в землянке от некрасовцов», что «Резепка многократно проводит повсюдно с реки Дону козаков с Некрасову на Кубань...» [2, д. 2, л. 45]. По словам Д. Михнева, он покинул Кубань в 1726 г. вместе с Я. Резепкой вскоре после Петрова дня. Далее Д. Михнев подробно сообщал о попытках выполнить задание С. Кобыльского, об общении с казаками ст-цы Луганской, с казаком ст-цы Митякинской Ф. Клементьевым на р. Деркуле, в зимовье у которого он укрывался и пр. Обращает на себя внимание, что, знакомясь с новыми людьми, Д. Михнев открыто говорил им, что он некрасовец, присланный с Кубани с конкретной целью. Во время пребывания у Ф. Клементьева туда явился Я. Резепка с известием о том, что «он нашел вдоваго попа на пасике... которой поп ево, Резепку, с пасики збил» [2, д. 2, л. 6 об.]. После этого Я. Резепка сообщил о своем намерении идти в Чугуев – искать попа там, после чего дороги шпионов якобы разошлись...

Дело продолжилось в Воронежской канцелярии, куда шесть колодников были отправлены для розыска 21 декабря 1726 г. Туда же отправили в начале января 1727 г. и Ф. Медведева, сказавшего за собой «слово». Пытались власти отыскать и задержать Я. Резепку [2, д. 2, л. 45–46], но безрезультатно... хотя розыск расширялся, принося следствию все новые и новые данные, в т.ч. о загадочных «богородцах», среди которых оказались как донские казаки (в т.ч. Феофил Клементьев сын Кулемзин, принимавший у себя Д. Михнева и Я. Резепку), так и не казаки [2, д. 2, л. 52–63, 64–77]. К таким «богородцам» принадлежала и Агафья Нефедьева, проживавшая в ст-це Луганской, знакомая с изветчиком – Ф. Медведевым и намеревавшаяся бежать с ним на Кубань [2, д. 2, л. 64–66 об.]. Она показала, что о Я. Резепке слышала от «богородца ж Ивана... которой ныне живет в Турецкой области, на Крынках (? – Д. С.), что он из Российской империи старуху с сыном, которая жила на Миусе... отвел на Кубань...» [2, д. 2, л. 65 об.]. Интересно, что некоторые из «богородцев» считали, что Я. Резепка и его товарищ пришли специально с Кубани для «призыву з Дону богородцем» [2, д. 2, л. 70 об.]. К характеристикам «богородцев» можно отнести и то, что они уходили из привычных мест проживания (станец), поселяясь в землянках. Повидимому, речь могла идти о принадлежности таких людей к какой-то из старообрядческих групп.

Полагаю, что 8 февраля 1727 г. начался новый этап этого масштабного розыскного дела [2, д. 2, л. 74–77, 78–86]. Д. Михнев, Ф. Кулемзин «с товарищи четырнатцать человек» были доставлены «на Воронеже в застенки и розыскиваны» [2, д. 2, л. 78]: В частности, шпион Д. Михнев стал активно отказываться от своих прежних показаний [2, д. 2, л. 78]. Другие участники (напр., Г. Тимофеев), напротив, указали на новые детали его биографии: мол, попал в плен к туркам и «показал о себе некрасовцом и оные де (турки-османы. – Д. С.) его отпустили, и по тому де отпуску пошел он и жил у Некрасова лет с пять...» [2, д. 2, л. 78 об.]; на причастность «богородцев» к расколу [2, д. 2, л. 79], на особенности уговоров шпионами потенциальных беглецов «бежать с собою на Кубань, объявляя, что у них жить хорошо и на Кубани де староверят и за старую веру не гонят» [2, д. 2, л. 79]. Тот же Г. Тимофеев показал, что собиравшиеся в зимовье люди действительно «имели раскол и перекрещивались вновь от расколщика ж Игнатъя Семенова, которой у них в зимовье был учителем и имеет у себя книги» [2, д. 2, л. 79]. Параллельно данной части розыска продолжались поиски Я. Резепки, отправившегося с р. Деркулы к еще одному «богородцу», казаку ст-цы Луганской И. Пенкину на р. Теплую, а потом якобы собиравшегося в г. Маяцк («Мояки») Бахмутской провинции [2, д. 2, л. 87–88 об., 98–99]. Между тем, измученных до-

просами людей подвергли очередным пыткам (напр., Ф. Кулемзина, Г. Тимофеева жгли огнем), которые приводили к новым признаниям, в т.ч. о намерении бежать на Кубань весной 1727 г. [2, д. 2, л. 110–111, 112–113 об.]. Оговору подвергся поп ст-цы Кочетовской Анисим Щербак, якобы знакомый со шпионом Я. Резепкой [2, д. 2, л. 127, 128 и др.]. А. Щербака позже допросили в Воронежской губернской канцелярии, но тот обвинения отверг. Также поймали И. Пенкина, тоже ставшего отрицать обвинение в свой адрес [2, д. 2, л. 133–133 об.]. А вот И. Воронков показал, что Я. Резепка все-таки проживал у казака ст-цы Луганской И. Пенкина, которого он якобы хотел отправить для «подговору попа Анисима Щербака, которой Луганской станицы от казаков отрешен и никуда не определен...» [2, д. 2, л. 129]¹. В июле 1727 г. в воронежском застенке расспросили еще двух человек, намеревавшихся весной бежать на Кубань – Я. Мартинова (по подговору Ф. Медведева, но видевшегося с Я. Резепкой и знакомого с Ф. Кулемзиным) и И. Кривкина (по подговору Ф. Медведева) [2, д. 2, л. 146–148]. По словам И. Кривкина, извetchик рассказывал, что от И. Некрасова и С. Кобыльского присланы для подговора «на Кубань з Дону богородцов» шпионы – Д. Михнев и Я. Резепка [2, д. 2, л. 147 об.].

Еще в августе-ноябре 1727 г. некоторых обвиняемых продолжали пытаться в застенке..., но кому-то повезло больше других [2, д. 2, л. 148 об.–149, 193–193 об.]. По данным И. И. Дмитренко, Д. Михнев умер до окончания дела. Другой некрасовский шпион, Я. Резепка, так и не был схвачен властями. Ф. Клементьева было указано «бить кнутом нещадно и вырезав ноздри, сослать вечно в ссылку в Сибирь» [8, с. 67]. Еще десятерых обвиняемых ожидали битье кнутом и ссылка в Сибирь, но без вырывания ноздрей. Вдову А. Нефедьеву наказали 30 ударами и освободили. Без наказания освободили еще одного человека – И. Сапелкина. Наконец, замечает И. И. Дмитренко, все эти наказания были приведены в исполнение по императорскому указу «на Воронеже на торговой площади в торговый день...» [8, с. 67]. Что касается дальнейшей судьбы примечательного явления, проанализированного в статье, то, по моему мнению, оно вскоре пришло в упадок. По крайней мере, нам неизвестны регулярные известия о последующих отправках с Кубани в Россию некрасовских шпионов. Причины такого положения дела предстоит изучить, причем, скорее всего, они не связаны с состоянием сохранившейся и актуализированной источниковой базы. Замечу, что примерно в тот же период, когда количество сведений о некрасовских шпионах резко сократилось (т.е. к концу 1720-х гг.), со страниц письменных исторических источников исчезло имя атамана И. Некрасова! Автор статьи связывает данное обстоятельство со смертью (гибелью) атамана, последовавшей, предположительно, не позже 1729/1730 г. Замечу, что на т. н. кубанский период жизни И. Некрасова пришлось основное время бытования явления, организованного именно им. Следовательно, «угасание» шпионской активности казаков-некрасовцев можно, в первую очередь, связать именно с уходом из жизни атамана И. Некрасова. Сомнительно полагать при этом, что на судьбу указанного шпионства существенно повлияли контрмеры российских властей, либо изменившееся к нему отношение со стороны правящих Гиреев и их представителей на Кубани.

Переходя к выводам, подчеркну, что исследованное в статье шпионство необходимо отнести к активной деятельности именно казаков-некрасовцев. Впрочем, оно вообрало в себя некоторый предыдущий опыт донского казачества и первых («старых») кубанских казаков. Эти первые кубанские казаки (т. н. казаки-ахреяне) хотя и занимались сманиванием, но не были замечены в активной шпионской деятельности. Некрасовские шпионы и их «подрывная работа» – любопытный феномен из истории уже следующего этапа освоения Кубани казачеством, берущего свое начало летом 1708 г. Расцвет указанного явления пришелся на 1710-е – 1720-е гг. Создание на Кубани шпионской сети, тем не менее, происходило не сти-

¹ Промежуточные результаты проверки в Воронежской губернской канцелярии показаний А. Щербака, И. Пенкина, И. Воронкова см. в документе за август 1727 г. [2, д. 2, л. 133–134]. Несмотря на жестокие пытки, в т.ч. с использованием огня, обвиняемые продолжали стоять на своем.

хийно, а организованно, целенаправленно и под контролем атамана И. Некрасова. Судя по источникам, именно он направлял деятельность своих шпионов, которая, помимо прочего, укрепляла его позиции в казачьей среде и в глазах крымцев, ногайцев, турок-османов. При подготовке людей для занятий шпионством И. Некрасов и его соратники проявляли гибкость и изобретательность (использование метода переодевания/мимикрии, привлечение к занятию шпионством людей, знакомых с территорией предполагаемой засылки и пр.). Метод отправки в Россию сразу нескольких шпионов, судя по источникам, являлся более пространственным – по сравнению с засылками шпионов по одному.

Подрывная деятельность некрасовских шпионов на территории России отличалась функциональным разнообразием. Она включала в себя сбор всевозможной разведывательной информации, сманивание на Кубань российских подданных, передачу «прелестных» писем, а также другие эффективные формы «воровства». Некрасовские казаки сумели создать для России несколько крупных проблем военно-политического характера, отнимавших у царских администраторов немало времени и ресурсов. Шпионы И. Некрасова сыграли во всем этом особенную и заметную роль, явно недооцененную в предшествующей историографии. О некрасовских шпионах и о борьбе с ними регулярно писали друг другу крупные российские сановники, военные; в курсе дела также был царь Петр I. Такое положение вещей случайностью назвать нельзя: некрасовская угроза (со всеми ее составляющими, включая шпионство) четко осознавалась властью как действительно реальная и масштабная, требующая к себе постоянного внимания. В статье было доказано, что российские власти системно осуществляли многочисленные розыскные, в т. ч. профилактические, мероприятия, направленные на пресечение/предотвращение деятельности некрасовских шпионов, а также на их поимку и организацию допросов. Гибель (смерть) И. Некрасова в конце 1720-х гг., судя по всему, подвела черту под всем предыдущим функционированием т. н. некрасовского шпионства. Она же, скорее всего, вызвала известный кризис, «угасание» разветвленного (по формам и методам реализации) шпионства в местной казачьей среде, потерявшего для нее былое значение и привлекательность.

Список источников и литературы

1. *Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным.* Новочеркасск: б/и, 1891. Т. 1. 347 с.
2. Государственный архив Курской области. Ф.1692. Оп.1. Д. 2.
3. Гераклитов, А. А. (1923). *История Саратовского края в XVI-XVIII вв.* Саратов: Друкарь, 1923. 381 с.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.55. Оп.1. Д.1393.
5. ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.1471.
6. ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.1476.
7. Дубасов, И. И. *Реферат о бытовых чертах Шацкого края начала XVIII века* // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1893. Вып. XXXVII. Отдел I. С. 7–15.
8. Дмитренко, И. И. (1899). *К истории некрасовцев на Кубани* // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. С. 65–68.
9. *Копии указов Императора Петра I, имеющих отношение к истории Тамбовской губернии* // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов: Типография Губернского правления. 1895. Вып. XL. С. 275–324.
10. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д.31.
11. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1718 г. Д. 6.

13. *Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского. 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества* / автор-составитель В. А. Гусев. Волгоград: б/и., 2019. Вып. 12. 392 с.

14. [Фелицын, Е. Д.] (1904). *Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области*. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет. Т. 1. 306 с.

References

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Vojska Donskogo, sobrannye general-majorom A. A. Lishinym*. (1891). [Acts relating to the history of the Don Army, collected by Major General A. A. Lishin]. Novocherkassk: b / i, Vol. 1. 347. (in Russian).

2. Heraclitov, A. A. (1923). *Istoriya Saratovskogo kraja v XVI-XVIII vv.* [History of the Saratov Territory in the XVI-XVIII centuries]. Saratov: Drukar, 381. (in Russian).

3. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti*. (GAKO). [State Archives of the Kursk Region]. Form 1692. Op. 1. D 2. (in Russian).

4. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* (GARO). [State Archives of the Rostov Region] F.55. Op. 1. D.1393. (in Russian).

5. GARO. F.55. Op. 1. D.1471. (in Russian).

6. GARO. F.55. Op. 1. D.1476. (in Russian).

7. Dmitrenko, I. I. (1899). *K istorii nekrasovtsev na Kubani* [To the history of Nekrasov Cossacks in the Kuban] in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoy oblasti*, 1, 65-68. (in Russian).

8. Dubasov I. I. *Referat o bytovykh chertakh Shatskogo kraja nachala XVIII veka (1893)*. [Abstract of Dubasov I. I. on the everyday features of the Shatsk region at the beginning of the 18th century] in *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, XXXVII, I, 7-15. (in Russian).

9. *Kopii ukazov Imperatora Petra I, imeyushchih otnoshenie k istorii Tambovskoj gubernii* (1895) [Copies of the decrees of Emperor Peter I related to the history of the Tambov province] in *News of the Tambov Scientific Archive Commission*. Tambov: Printing house of the Provincial Government. XL. 275–324. (in Russian).

10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенно-Morskogo Flota* (RGAVMF) [Russian State Archives of the Navy]. D. 233. Op. 1. File 31. (in Russian).

11. RGAVMF. F. 233. Op. 1. D. 103. (in Russian).

12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 111. Op. 1. 1718. D. 6. (in Russian).

13. *Sluzhba donskih kazakov. Otstavnye kazaki Vojska Donskogo. 1777 god: materialy po istorii i genealogii kazachestva* (2019) [Service of the Don Cossacks. Retired Cossacks of the Don Army. 1777: materials on the history and genealogy of the Cossacks] / author-compiler V. A. Gusev. Volgograd: b / I; Vyp. 12. 392. (in Russian).

14. [Felicyn, E. D.] (1904). *Sbornik arhivnyh dokumentov, odnosyashchih k istorii Kubanskogo kazach'ego vojska i Kubanskoj oblasti*. [Collection of archival documents relating to the history of the Kuban Cossack army and the Kuban region]. Ekaterinodar: Kuban Regional Statistical Committee. T. 1. 306. (in Russian).

Чориян С. К.
(Ростов-на-Дону)

УДК 37.038

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

Среди учебных заведений армянского города Нахичевани-на-Дону особое место занимала Екатерининская женская гимназия. Это учебное заведение проделало эволюцию от трехклассного училища до женской гимназии, появление которой знаменовало проявление у довольно консервативного армянского общества внимания к женскому образованию. В отличие от церковно-приходских школ - армянских учебных заведений города, где преподавателями выступали армяне, упомянутая гимназия была учебным заведением, в котором преподавался широкий круг предметов, которые вели преподаватели самых разных национальностей. Изучаемые здесь предметы совпадали с предметами гимназической программы, включая различные языки, математику, физику, историю, рисование, танцы и т.д. Городское общественное управление Нахичевани-на-Дону всегда проявляло трогательную заботу о Екатерининской женской гимназии и все проблемы, которые возникали у Попечительского совета гимназии, оперативно решались. Екатерининская женская гимназия пользовалась большим авторитетом у местного населения, что выразилось в переполненности ее учащихся и возникновении параллельных классов.

Ключевые слова: гимназия, женское образование, Нахичевань-на-Дону, Попечительский совет, Родительский комитет.

Among the educational institutions of the Armenian city of Nakhichevan-on-Don, a special place was occupied by the Catherine women's gymnasium. This educational institution underwent an evolution from a three-year school to a female gymnasium, the appearance of which marked the manifestation of a rather conservative Armenian society towards female education. Unlike the parish schools Armenian educational institutions of the city, where the teachers were Armenians, the mentioned gymnasium was an educational institution in which a wide range of subjects were taught by teachers of various nationalities. The subjects studied here aligned with the subjects of the gymnasium program, including various languages, mathematics, physics, history, drawing, dance, etc. The city public administration of Nakhichevan-on-Don has always shown touching concern for the Catherine's female gymnasium, and all the problems that the Board of Trustees of the gymnasium faced were promptly resolved. Catherine's female gymnasium enjoyed great prestige among the local population, which was reflected in its overcrowding with students and the emergence of parallel classes.

Keywords: gymnasium, female education, Nakhichevan-on-Don, Board of Trustees, Parents' Committee.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-144-150

Одним из первых средних учебных заведений города Нахичевань-на-Дону считалась Екатерининская женская гимназия. Ее история является ярким примером постепенной эволюции обычной начальной школы до гимназии. Датой её основания можно считать 1857 год, когда в городе стало функционировать министерское женское училище, преобразованное впоследствии в женскую прогимназию. В 1860 г. на заседании Нахичеванской Городской думы рассматривался вопрос об открытии национального женского училища. В опубликованном объявлении выдвигались следующие требования к поступающим: «поступающая в первый класс должна иметь возраст от 8 лет, и при этом обладать навыками письма по-русски и по-армянски» [1, с. 433]. В училище предполагалось открыть такой подготовительный класс, при котором можно было получить такие навыки.

В этом учебном заведении (его скоро стали называть школой) предполагалось ввести богословие, русский язык, историю России, арифметику, чистописание и рукоделие.

На торжественном открытии школы в 1861 г. Городской Голова высказал не только своё мнение, но и мнение всех нахичеванцев о женском образовании: «Прошло время, когда на женщину смотрели как на служанку. Сейчас, в наш просвещённый век... они не только родительницы своих детей, но и воспитательницы, учительницы» [5, с.78].

Открывшаяся женская школа имела 86 учениц и 11 учителей. А спустя ещё 20 лет, в 1881 г. женское училище было преобразовано в прогимназию. Эта четырёхклассная прогимназия, получившая название в честь императрицы Екатерины II, затем была преобразована в гимназию [8, с.308]. Сначала прогимназия размещалась в частном доме. В 1866 г. она переместилась в дом Шилтова на Бульварной площади. В делах Нахичеванской Городской Думы за 1890 г. содержатся сведения о строительстве нового здания для гимназии на углу Гостиной и Бульварной площади. Строительство велось два года [5, с.79].

По данным на 1887 г. учебное заведение ещё фигурирует как «женская прогимназия» [6, с.122]. В 1895 г. Нахичеванская женская прогимназия была преобразована в женскую гимназию и с этого времени становится средним учебным заведением. В честь Императрицы Екатерины II, которая обладала у местных армян особым авторитетом, гимназия была названа «Екатерининской». К тому же в нескольких десятках метров от гимназии находилась Екатерининская площадь, на которой возвышался памятник Великой Императрице.

Курс обучения в гимназии стал семилетним. Восьмой класс являлся дополнительным и давал после его окончания право преподавания в начальных и средних учебных заведениях. Воспитанница женской гимназии получала аттестат об окончании курса семилетней гимназии, а окончившим 8-летний курс – удостоверение о прохождении курса 8-го дополнительного класса. В начале XX века в гимназии, судя по сохранившемуся в Музее Русско-армянской дружбы свидетельствам об окончании гимназии, преподавали следующие предметы: Закон Божий, русский язык, церковно-славянский, словесность, математику, географию всеобщую и русскую, естественную историю (воздух, вода, движение суши, строение земли и т.д.), космографию (горизонт, созвездия, движение планет, кометы и т.д.), немецкий язык и французский языки, всеобщую и русскую историю, физику, физическую географию, чистописание, рисование, рукоделие.

Знания, полученные выпускницами Нахичеванской-на-Дону Женской гимназии, были настолько прочными, что зачастую преподавательский состав учебных заведений города пополнялся кадрами из выпускниц Екатерининской гимназии, которая до 1913 г. была единственным средним женским учебным заведением города. В деле Нахичеванской городской Думы за 1896 г. городской голова рекомендует инспектору начальных училищ при назначении учительниц в эти учебные заведения «отдавать предпочтение кандидаткам, окончившим местную гимназию» [7, л.75]. При устройстве на работу в частный дом учителем или домашней наставницей выпускница гимназии должна была предъявить свидетельство об окончании директору училищу того уезда, где будет проживать. По окончании учебного года учительница должна была предъявить директору училища также отчёт о своих занятиях в частном доме. Если домашняя учительница служила в частном доме в течение 20 лет, она имела право на пенсию или поступить в дом призрения бедных девиц на казённое содержание.

Важную роль в руководстве Екатерининской женской гимназии играл избираемый на заседании городской Думы Попечительский совет. Наибольшую активность в роли попечителя гимназии играл присяжный поверенный Г. Х. Чалхушьян, пользовавшийся среди родителей учащихся непререкаемым авторитетом. Каково же было возмущение и гласных Городской Думы, и родителей учащихся, когда отправленный на утверждение попечителя Харьковского Учебного округа список избранных Думой попечителей гимназии не был утвержден. Из неофициальных источников стало известно, что при принятии подобного решения попечитель Харьковского Учебного округа опирался на мнение Ростовского-на-Дону

градоназначника, недовольного политической позицией кадета Г. Х. Чалхушьяна. Посчитав подобное решение крайне несправедливым и предвзятым, Городская Дума проявила удивительное упорство: на заседании 27 февраля 1907 г., заслушав отношение попечителя Харьковского Учебного Округа о неутверждении в звании членов Попечительского совета Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназии гласных Думы Г. Х. Чалхушьяна, Г. И. Чубарова, и Ф. С. Кечекьяна, постановила: дополнительные выборы попечителей женской гимназии вместо неутвержденных в этом звании отложить до следующего заседания Думы. Вследствие этого Городская Управа вновь поставила этот вопрос на рассмотрение Городской Думы. На должность Членов Попечительского совета Нахичеванской Женской гимназии Городской Думой вновь были предложены следующие лица: Г. Х. Чалхушьян, Ф. С. Кечекьян, и Г. И. Чубаров, которые и были подвергнуты закрытой баллотировке шарами. Итоги: Чалхушьян Г. Х. +15-4, Кечекьян Ф. С. +17-2, Чубаров Г. И. +14-5. Городская Дума единогласно постановила: членами Попечительского совета Нахичеванской-на-Дону «Екатерининской» Женской гимназии на четырехлетие 1907-1911 годов считать избранными Г. Х. Чалхушьяна, Г. И. Чубарова и Ф. С. Кечекьяна, которых и представили на утверждение Попечителя Харьковского Учебного Округа [2, с.19]. На этот раз властям пришлось уступить, и выбранные Думой члены Попечительского совета были утверждены в этой должности.

Наряду с ростом популярности женского образования среди нахичеванских обывателей стремительно возрастала и популярность Екатерининской женской гимназии, что выразилось в увеличении притока учащихся и, естественно, в конечном итоге привело к переполненности классов. Попечительский совет Нахичеванской-на-Дону Екатерининской Женской гимназии, возбуждая ходатайство об открытии параллельного класса к 5-му основному и увеличении платы за право учения, объявляет следующее: «Как известно, г.г.гласным, в Нахичеванской «Екатерининской» женской гимназии существуют до 5 класса параллельные классы, а в 5 классе воспитанницы соединяются вместе и таким образом получается пятый класс с двойным комплектом воспитанниц. В нынешнем академическом году число учениц дошло до 80 и ничто не указывает на то, что в будущем эта цифра изменится, так как известно, как растет в населении потребность в просвещении. При посещении 5 класс во время урока французского языка, когда в классе было 62 ученицы и, несмотря на то, что форточка больших размеров была открыта и струя свежего воздуха студила головы воспитанниц, стало видно, что воздух в классе был нечистый, спертый и насыщен испарениями. Ежедневно пребывание в классе в течение 5 часов при таких антигигиенических условиях не может не отразиться как на здоровье учениц, так и на успешности их занятий. Принимая во внимание вышеизложенное, Попечительский совет гимназии имеет честь ходатайствовать перед Городской Думой об ассигновании с 1 января 1908 г. 1520 р. потребность на открытие пятого параллельного класса. Представляя этот вопрос на благоусмотрение Городской Думы, Попечительский совет считает своим долгом поставить в известность, что и Родительский комитет, и Педагогический совет Женской-Нахичеванской-на-Дону гимназии присоединяют свои голоса к настоящему ходатайству. Ввиду того, что открытием одного параллельного класса не может разрешиться вопрос переполнении старших классов женской гимназии и, по всей вероятности, в будущем придется открывать и следующие классы, а это потребует со стороны Городского Управления материальных издержек как на расширение помещения гимназии и оборудование классов, так и на содержание преподавательского персонала, Попечительский совет» [2, с.62], не желая чрезмерно отягощать городской бюджет, имеет честь предложить Городской Думе, по возможности увеличить оплату за обучение в женской гимназии на 1909-1909 академический год на 10 руб., т.к. взимать не 50, а 60 руб. Такое увеличение оплаты, скорее всего, не должно вызывать нарекание со стороны городского населения, так как, во-первых, взимавшаяся в гимназии плата во много меньше, чем в других городах (в Ростове 70 руб, а в 8 классе 85 руб.), а во-вторых, в Нахичевани-на-Дону уже давно остро ощущается потребность в открытии мужского среднего

учебного заведения, и осуществление этой задачи также входит в планы городского самоуправления, а одной из причин, тормозящих разрешение этой задачи, как известно, недостаток свободных средств. Само собой разумеется, что каждый родитель, платя лишние 10 руб. тем самым приходил на помощь Городскому управлению в скорейшем осуществлении этой насущной потребности, ибо тогда женская гимназия не будет поглощать львиную долю средств из городского бюджета, предназначенных для развития образования в городе.

Городская Управа и Финансовая комиссия согласились с предложением Попечительского совета о необходимости с 1 января 1908 г. открытия параллельного класса к 5 основному с ассигнованием на его содержание 1300 руб. в виду переполнения 5-го основного класса. Что касается изменения платы за обучение, то Городская дума согласилась с мнением Попечительского совета по данному вопросу и посчитала своевременным его разрешение. Повышение платы за обучение было вызвано постепенно возрастающими нуждами этого учебного заведения, удовлетворение которых потребует напряжения материальных сил со стороны города и дополнительных сметных ассигнований.

В конечном итоге гласные Думы согласились с увеличением оплаты за обучение до 60 руб. в год с подготовительного до 7 класса, оставив плату прежней лишь для 8 класса. Одним словом, Дума полностью согласилась с мнением Попечительского совета и Городской Финансовой комиссии [2, с. 64]. Все это свидетельствует о том, что городские органы власти уделяли большое внимание Екатерининской женской гимназии. Не случайно вопросы, связанные с функционированием гимназии, неоднократно рассматривались на заседаниях Городской Думы. Не меньшую заботу гласные Думы проявляли о бытовых условиях учащихся.

Еще в 1905 г. Попечительский совет Нахичеванской-на-Дону Женской гимназии вошел в Управу с заявлением о необходимости улучшения отопления гимназии, причем предлагал заменить существующее колориферное отопление пароводяным. Хотя Городская Дума в заседании от 30 мая 1905 г. принципиально выразило согласие на предложение Попечительства, тем не менее, постановление это осталось без разрешения, как за отсутствием средств, так и из-за того, что новый состав Попечительства ещё не был сформирован. По мнению Городской Управы, в настоящий строительный сезон представлялось безусловно необходимым осуществление предложений, возникших ещё в 1905 г., но Городская Управа посчитала, что устройство нового пароводяного отопления, стоящего по смете фирмы Зигель свыше 9000 тыс. руб., не является рациональным. В качестве примера Управа сослалась на существующее колориферное отопление в Городском театре, которое, по мнению членов Управы, вполне оправдывало свое назначение. Поэтому для членов Управы представлялось более целесообразным не устройство нового пароводяного отопления, а лишь радикальный ремонт существующего колорифера. По смете, представленной мастером печных работ Г. И. Широковым, такой ремонт потребовал бы расхода в 1500 руб. Поэтому Городская Управа просила разрешение Думы для ремонта в Женской гимназии существующего отопления ассигновать не более 1500 руб. Кроме того, членам Управы представлялось в женской гимназии необходимым и другие ремонты, как то клозетов, полов, окон, дверей, и т.д., что потребует по смете городского архитектора потребует расхода около 2600 руб. Таким образом, общая сумма, требуемая на ремонт Женской гимназии в рассматриваемый момент исчислялась примерно в 4000 руб. Представляя вышеизложенное на рассмотрение Городской Думы, Городская Управа полагала бы расход этот произвести из текущих средств, имея в виду при составлении дополнительной сметы [2, с.40].

Однако сэкономить на учащихся на этот раз не удалось. Гласные И. М. Тикиджи-Хамбуров и Г. Х. Чалхушьян и другие их коллеги нашли, безусловно, необходимым устройство именно пароводяного отопления в Нахичеванской Женской гимназии. Учитывая их авторитетное мнение, Городская Дума единогласно постановила: 1) поручить Городской Управе настоящим же летом переустройство существующего отопления в Нахичеванской женской гимназии на пароводяное, хозяйственным способом и при возможности с рассроч-

кой платежа и 2) одобрить предложение Городской Управы о необходимости внутреннего ремонта Женской гимназии согласно представленной в настоящем заседании сметы архитектора [2, с.41].

Столь же насущным явился вопрос об учреждении в гимназии должности женского врача. Родительский комитет «Екатерининской» женской гимназии обратился с ходатайством в адрес Городской Думы со следующим содержанием: «Нахичеванская Городская Дума, рассмотрев в январе минувшего года ходатайство Родительского комитета гимназии о приглашении в помощь имеющемуся врачу гимназии женщину-врача, признала это ходатайство заслуживающим уважения и предложила Городской Управе выработать условия службы женщины-врача при Женской гимназии. В связи с этим решением Городской Думы в Городскую Управу поступило немало заявлений от женщин-врачей о зачислении их на упомянутую должность в женскую гимназию. Однако со времени принятия данного решения Городской Думой прошел целый год, однако дело так и не сдвинулось с мертвой точки. По этой причине Родительский комитет вынужден был повторно обратиться внимание гласных Городской Думы с просьбой более внимательно ознакомиться с сутью вопроса, что могло бы в конечном итоге привести к безотлагательному замещению учрежденной должности женщины-врача при Нахичеванской Женской гимназии» [3, с.25].

Настойчивость, которую проявил при решении данного вопроса Родительский комитет женской гимназии, объяснялась столь же настойчивыми прошениями родителей воспитанниц о передаче врачебного контроля именно женщинам-врачам, число которых в России к началу XX в. значительно возросло. Мотивация родителей заключалась в следующем: только в самом младшем возрасте девочки не делают различий между мужчинами и женщинами врачами, но по мере роста и взросления к помощи мужчинам-врачам девочки обращаются крайне неохотно или вообще не обращаются. Все это приводило к тому, что с опозданием обнаруженные болезни начинали развиваться, приводя к серьезному расстройству растущего организма. Убедить воспитанниц гимназии не делать различий между врачами мужчинами и женщинами получается далеко не всегда и это приводит к тому, некоторые из них покидают стены учебного заведения с надломленным здоровьем. Такой распространенный среди воспитанниц недуг, как искривление позвоночника, определялся лишь при тщательном осмотре именно в нагом виде, чего мужчины-врачи, щадя скромность девочек, старались этого избегать. По мнению родительского комитета, при наличии женщины-врача подобный недуг можно было обнаруживать и лечить на самых ранних стадиях. По этой причине Родительский комитет выразил надежду, что воспитанницы будут с гораздо большим доверием относиться к женщине-врачу, которая всегда сможет им быстро оказать соответствующую помощь. Городская Дума, идя навстречу пожеланиям Родительского комитета, предложила Городской Управе выработать условия для приглашения женщины-врача. Со своей стороны, Управа рекомендовала не учреждать на постоянной основе должности женщины-врача, приглашая её по мере надобности с оплатой за каждое разовое посещение [3, с.27-28].

Екатерининская женская гимназия до 1913 г. была единственным средним учебным заведением города. Как отмечалось в делах Нахичеванской Городской Управы, «местная гимназия всегда переполнена и отказ в приёме за неимением мест – явление обычное. Вследствие этого масса нахичеванских девиц стремится в ближайшие гимназии города Ростова, Таганрога, Новочеркасска и проч.» [2, с.56].

По данным на 1913 г. педагогический коллектив был представлен в следующем виде: Председатель педагогического совета – статский советник Ложкин Василий Васильевич, начальница – Лазарева Анна Максимовна; законоучителя: протоиерей о.Иоанн Домовский и священник Погос Бедельянц; учителя русского языка – Понятовский Даниил Максимович, Тышковская Елена Петровна, Чижевская Мария Рафаиловна; математики – Тикиджи-Хамбуров Иоаким Эмманулович, Колоденко Екатерина Антоновна; арифметики – Туварджиева Мария Антоновна; французского – Плечко Антонина Федоровна, Кафферри Ольга

Андреевна; немецкого языка: Лукина Ида Павловна, Кезер Эмма Августовна, Рамман Елена Владимировна; армянского языка – Султан-Шах Мелкон Каспарович, Сармакешева Екатерина Лазаревна; истории – Антонов Василий Евлампиевич; географии – Корсунский Дмитрий Александрович, Зайцева Ольга Алексеевна; физики – Салтыков Яков Каспарович; рисования – Кохановский Яков Александрович; чистописания – Титрова Елена Карповна; рукоделия – Павлова Анастасия Петровна; подготовительного класса – Эльснер Леонид Павлович; пения – Анисенко Василий Семенович; танцев – Крыштановская Елена Дмитриевна; надзирательницы: Бочарова Л. М., Редичкина Д. В., Вейдле О. А., Трусова О. П., Черчопова А. С., Чернозуб Е. И., Кохановская М. А., Прокопович В. А. Врач: Летова Надежда Федоровна. Эконом – Попова Татьяна Карповна [5, с. 215-216]. Анализ состава педагогического коллектива показывает, что в Нахичеванской гимназии учителя-армяне составляли явное меньшинство: из 32 членов коллектива учителей армян было всего 7, двое из которых были учителями армянского языка, а один, естественно, священник Армянской церкви. Все это свидетельствует о том, что времена, когда состав педагогов Нахичевани-на-Дону состоял исключительно из армян, ушли в прошлое и педагогический коллектив стал интернациональным.

В том же 1913 г. на ремонт гимназии городскими властями было выделено 20 тыс. руб. [9]. Здание гимназии можно назвать одним из тех архитектурных сооружений, которые составляли гордость города Нахичевани-на-Дону. В 1910 г. в связи с увеличением студенческого контингента по проекту архитектора Х. К. Гусикянца инженером Н. Н. Дурбахом была надстроена двухэтажная пристройка [6, с. 114; 11, с. 314]. В его центральной части размещался вестибюль, парадная лестница, на втором этаже – актовый зал, где проходили различные торжественные мероприятия и отмечались различные праздники. Актовый зал выходил на фасад круглыми окнами и был оформлен высоким портиком с треугольным фронтоном. Свою планировку здание сохраняет в основном и сегодня (ныне это здание школы № 13 Пролетарского района г. Ростова-на-Дону).

Нельзя не отметить, что гимназия могла гордиться своими некоторыми учениками. К их числу можно отнести известную писательницу Мариэтту Сергеевну Шагинян, а с 1909 по 1911 годы три класса Екатерининской женской гимназии окончила будущий выдающийся отечественный историк Милица Васильевна Нечкина (1901-1985) [4, с.155].

Список источников и литературы

1. Бархударян, В. Б. (1996). *История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779-1917*. Ереван: Луйс. 528 с.
2. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы, 1907, № 4.
3. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы, 1908, № 1.
4. Вестник Российской академии наук, 2001, т. 71, № 2. С. 155-167.
5. *Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону (1913)*. Харьков, Типо-Литография «Художественный труд», 1913. 629 с.
6. Волошинова, Л. Ф. (2001). *Бульварная площадь*. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2001. 168 с.
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 258. Оп. 1. Д. 8.
8. *Донско-Азовский Календарь на 1887 г. (1886)* / ред. И. А. Тер-Абрамян. Ростов-на-Дону: тип. Тер-Абрамиан. 178 с.
9. Келле-Шагинов, И. М. (2015). *Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания*. Ростов-на-Дону: Новые русские. 320 с.
10. Приазовский край, 5 января, 1913, №4
11. Сидоров, В. С. (1996). *Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону*. Т.4. Ростов-на-Дону: Гефест. 404 с.

12. Халпахчян, О. Х. (1988). *Архитектура Нахичевани-на-Дону*. Ереван: Айастан. 168 с.

References

1. Barchudaryan V. B. (1996). *Istoriya armyanskoi kolonii Novaya Nakhichevan. 1779-1917*. [The history of the Armenian colony of New Nakhichevan. 1779-1917]. Erevan, Luis Publ. (in Russian)
2. Vedomosti Nakhichevanskoi-na-Donu Gorodskoi Dumy 1907, 4 (in Russian)
3. Vedomosti Nakhichevanskoi-na-Donu Gorodskoi Dumy 1908, 1 (in Russian)
4. Vestnik Rossiskoi akademii nauk, 2001, t. 71, 2, 155-167 (in Russian)
5. Ves` Rostov i Nakhichevan-na-Donu (1913). Char`kov, Tipografia «Khudozhestvennyi trud». (in Russian)
6. Voloshinova L. F. (2001). *Bul`varnaya ploshchad`* [Boulevard Square]. Rostov-na-Donu, Donskoi izdatel`skiy dom. (in Russian)
7. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* (GARO). [State Archives of the Rostov Region]. F. 258. Op. 1. D. 8. (in Russian)
8. Donsko-Azovskiy calendar` na 1887 g. (1886) / red. I. A. Ter-Abramyan. Rostov-na-Donu, tip. Ter-Abramiyan. (in Russian)
9. Kelle-Shaginov I. M. (2015). *Moya edinstvennaya zhizn`. Dnevnik i vospominaniya*. [My only life. Diaries and memoirs]. Rostov-na-Donu, Novue russkie Publ. (in Russian)
10. Priazoskiy kray, 5 yanvarya, 1913, 4 (in Russian).
11. Sidorov V. S. (1996). *Enciklopediya starogo Rostova i Nakhichevani-na-Donu* [Encyclopedia of Old Rostov and Nakhichevan-on-Don]. T. 4. Rostov-na-Donu, Gefest Publ. (in Russian).
12. Khalpakhchyan O. G. (1988). *Arkhitektura Nakhichevani-na-Donu* [Architecture of Nakhichevan-on-Don]. Erevan, Aiastan Publ. (in Russian).

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Иванов В. В.

(Комсомольск-на-Амуре)

УДК 94(597)+325.8

**ДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ США
И ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА НА «ТРОПЕ ХО ШИ МИНА» В 1961-1967 гг.
ПО МЕМУАРАМ АМЕРИКАНСКИХ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ**

Статья посвящена анализу действий частей специального назначения США и Южного Вьетнама на «Тропе Хо Ши Мина» в 1961-1967 гг. Одной из основных задач этих подразделений в период вьетнамской войны было уничтожение инфраструктуры материального обеспечения Вьетнамской Народной Армии (ВНА) – «Тропы Хо Ши Мина» в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Работа построена с привлечением мемуаров – переводов воспоминаний американских и вьетнамских участников боевых действий в Южном Вьетнаме и Лаосе, военнослужащих армий США и Демократической Республики Вьетнам. Указанные материалы размещены в монографиях американских и вьетнамских исследователей индокитайского конфликта 1960-1970-х гг. В начале 1960-х гг. в обстановке активной инфильтрации из ДРВ отрядов ВНА-НВСО администрация США приняла решение об отправке в Индокитай частей специального назначения («зеленые береты»). Большинство «зеленых беретов» служили в 5-й и 7-й группах специального назначения. Некоторые были назначены в «Группу исследований и наблюдений» при «Командовании по оказанию военной помощи Вьетнаму» для проведения секретных разведывательных операций и многие помогали готовить южновьетнамские силы специального назначения (LLDB). Большинство «зеленых беретов» охраняли границу Южного Вьетнама от инфильтрации из ДРВ. В отличие от «зеленых беретов» части специального назначения ВМС США также активно действовали в Южном Вьетнаме. Их задачей было блокировать все пути водные пути снабжения партизан посредством засад, минирования, нападений на базы НВСО. В 1965-1967 гг. смешанные отряды «зеленых беретов» и LLDB осуществляли дальние разведывательные миссии в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже и корректировали нанесение воздушных ударов по «Тропе Хо Ши Мина». ВВС США ежедневно бомбили «Тропу», определяя районы нанесения ударов по данным электронных устройств и разведанных, которые собирали секретные отряды, которые проникали в Лаос и Камбоджу. Однако, эти усилия не смогли замедлить переброску войск, грузов в южном направлении вдоль «Тропы Хо Ши Мина». Автор рассмотрел особенности создания и применения подразделений специального назначения США и Южного Вьетнама в 1965-1967 гг. В статье рассмотрены вопросы создания специальных подразделений в составе войск армии США. Автор пришел к выводу, что подразделения специального назначения США и Южного Вьетнама не достигли своих целей.

Ключевые слова: вьетнамская война, Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ), США, Республика Вьетнам (Южный Вьетнам) «Тропа Хо Ши Мина», части специального назначения, инфильтрация, Армия Республики Вьетнам (АРВ), Вьетнамская Народная Армия (ВНА).

The article devoted to the analysis of the actions of special forces of US and South Vietnam during 1961–1967. One of the main tasks of these units during Vietnam war – destruction main objects of «Ho Chi Minh Trail» in South Vietnam, Laos and Cambodia. The work is built with the assistance of a memoir – translations memories combatants in South Vietnam and Laos, soldiers and commanders of Army of US, South Vietnam and Democratic Republic of Vietnam (DRV). The

materials housed in the monographs of American and Vietnam researchers of the Indochina conflict, 1960–1970-s.

In the early 1960s, in the setting of active infiltration teams of PAVN from DRV administration of USA adopted decision to send to Indochina units of special forces (Green Berets). Many of the military personnel who served in Vietnam belonged to 5th and 7th Special Forces Groups. Some Green Berets were assigned to the U.S. Military Assistance Command's Studies and Observation Group (SOG) for making top secret intelligence operations and helped train the South Vietnamese special forces (LLDB). The most Green Berets defended South Vietnam's border from infiltration from DRV. Apart from Green Berets, special units of the US NAVY were also active in South Vietnam. The main task of the special forces of the NAVY was the blockade of all waterways supplying partisans from North Vietnam and Cambodia by means of ambushes, sabotage, laying of mines and raids on bases of PAVN. In 1965-1967s mixed teams of Green Berets and LLDB conducted long-range reconnaissance missions into Laos and directed air strikes against the «Ho Chi Minh Trail». The U.S. aircraft bombed the «Ho Chi Minh Trail» daily, targeting areas based on electronic detection devices and intelligence gained by covert teams that infiltrated the area. However, these efforts could not slow down the movement of troops of PAVN, supplies southward along the «Ho Chi Minh Trail». The author paid attention to the creation units of special forces as part of army units of US Army situated in South Vietnam during 1965–1967. Special attention is paid by the author to the analysis secret operations of Green Berets against «Ho Chi Minh Trail». The author concluded that the special forces of USA and South Vietnam failed to achieve the set goals.

Keywords: Vietnam war, Laos, Democratic Republic of Vietnam (DRV), USA, Republic of Vietnam (South Vietnam), units of special forces, infiltration, Army of the Republic of Vietnam (ARVN), People's Army of Vietnam (PAVN).

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-152-161

Актуальность рассматриваемой проблемы, в первую очередь, истекает из современной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке и, в особенности, в Средней Азии. В августе 2021 г. воинские контингенты США и их союзников были выведены из Афганистана. Это привело к захвату стратегической инициативы формированиями движения «Талибан», которые к концу лета овладели основными районами страны и крупными городами. Победа радикальных исламистов создала серьезную угрозу распространения гражданской войны в Афганистане на сопредельные государства – Туркмению, Таджикистан и Узбекистан. Эта перспектива вынудила Москву, Душанбе и Ташкент принять меры по укреплению пограничных рубежей с целью недопущения инфильтрации из Афганистана отрядов «Талибан», оружия.

Одним из самых главных критериев победы над врагом, ведущим партизанскую войну, являлась блокада путей доставки противнику всего необходимого: подкреплений, оружия, продовольствия. В период Великой Отечественной войны немецко-фашистские оккупационные власти принимали меры по пресечению одного из главных источников снабжения соединений «народных мстителей» - перевозкам грузов транспортной авиацией с «Большой земли». С этой целью создавались специальные отряды (ягдкоманды). Одной из наиболее важных задач для них являлся захват аэродромов «народных мстителей». В районах «партизанских краев» действовала гитлеровская истребительная авиация, занимавшаяся уничтожением советских транспортных самолетов. Жесткая воздушная блокада в 1942-1943 гг. привела к прекращению авиаперевозок для партизанских формирований в Крыму. Это обстоятельство поставило в тяжелейшее положение отряды «народных мстителей», действовавшие на полуострове. В отличие от боевых собратьев, сражавшихся в лесных массивах Белоруссии или Брянщины, они получали все необходимое исключительно по воздуху и оказались на грани гибели.

Проблема борьбы с тайной системой логистики противника отчетливо обозначилась в ходе локальных войн во второй половине XX в. Борьбу с партизанскими структурами обеспечения вели отряды английских «коммандос», SAS в Малайе и Кении; бельгийские парашютные части в Конго; португальские войска в Анголе, Гвинее и Мозамбике. Образование в 1960-1970-х гг. в Азии и Африке государств, ориентированных на сотрудничество с СССР, привело к образованию в этих странах оппозиции, которая также вела борьбу партизанскими методами, получая помощь извне. Противостояние протекало с неоднородной степенью эффективности.

В ходе колониальной войны в Алжире 1954-1962 гг. французы столкнулись с проблемой ликвидации сообщений, по которым к повстанцам прибывали подкрепления; доставлялось оружие из Марокко, Ливии и Туниса. Сложность положения заключалось в том, что перевозки осуществлялись караванами вьючных животных (верблюды, мулы). Некоторые районы глубинной Сахары и горного массива Атлас, по которым передвигались транспорты с оружием, были или малонаселенными или вообще необитаемыми. Следовательно, французы не имели представления о вероятных маршрутах движения; расположении колодцев, складов, местах ночлегов. Сложность мониторинга пустыни заключалась в том, что в глубинной Сахаре не было конкретных караванных маршрутов. Существовали только направления, по которым шли транспорты с оружием.

Париж принял беспрецедентные меры по изоляции партизанских отрядов Армии Национального Освобождения (АНО). Вдоль границ с Ливией, Марокко и Тунисом были созданы многокилометровые полосы сплошных проволочных электрифицированных заграждений и минных полей – «линия Мориса» и «линия Шалля», а также системы опорных пунктов, оснащенных бронетехникой и артиллерией. Тем не менее, крупные конвои АНО, несмотря на большие потери, совершили несколько прорывов через границу.

В ходе алжирской войны эффективным средством борьбы с караванами АНО стали парашютные и вертолетные десанты, которые патрулировали пустынные и горные районы. Их главными задачами были поиск и уничтожение транспортов с оружием. В отличие от армейских частей, эти формирования комплектовались из солдат и офицеров 1, 2 и 3-го парашютных полков Иностранного легиона. Они имели хорошую физическую подготовку, солидный опыт боев в условиях гор и пустыни.

В состав десантов включались «харки» - военнослужащие французской армии – арабы, берберы, кабилы. Они были отлично приспособлены к природным условиям, знали местные диалекты. Использование их в качестве проводников, переводчиков, консультантов по вопросам религии и традиций имело огромное значение для сбора развединформации, вербовки агентов из представителей местных племен [10, p.150].

В ходе афганской войны 1979-1989 гг. с участием Советской Армии одним из главных критериев подавления вооруженной оппозиции стала борьба на коммуникациях, по которым бандформирования получали все необходимое из Пакистана и Ирана. Полная блокада пограничных рубежей Демократической Республики Афганистан исключалась в силу географических условий: сложный рельеф, преобладание горных и пустынных районов. В этих обстоятельствах единственным выходом стало ведение мобильной войны с караванами.

Уничтожению конвоев с оружием придавалось огромное значение. В начале 1980-х гг. этим занимались советские армейские части в зонах своей ответственности. Борьба велась бессистемно, неэффективно. Позже задача по уничтожению караванов возлагалась только на части ВДВ и отряды спецназа.

Основные дороги, по которым передвигались транспорты с оружием, пролегали в горных районах, а также через пустыни Регистан и Дашти-Марго. В районах высокогорья, где караванные пути проходили по своеобразным «цепочкам», основными «звеньями» которых были опорные пункты моджахедов, бригады спецназа первоначально применяли так-

тику внезапных штурмовых и набеговых операций на укрепленные районы врага. Позже, с целью сокращения потерь, они перешли к поисково-засадным действиям.

Совершенно по иному оперировали отряды спецназа, зоной ответственности которых являлись пустыни Дашти-Марго и Регистан. Тактика налетов и засад здесь оказалась малоэффективной. Наиболее результативным приемом, который позволял обнаруживать и уничтожать вражеские караваны, стало создание мобильных групп, действовавших на трофейных автомашинах. В случае встречи с крупными силами врага, они могли вызвать резерв, поддержку артиллерии и авиации.

В аналогичной ситуации в 1990-е гг. оказалась группа российских войск в Таджикистане. В государстве, образовавшемся после распада СССР, шла гражданская война. Одним из главных условий стабильности в республике стала обеспечение защиты ее пограничных рубежей с Афганистаном с целью пресечения инфильтрации боевиков, оружия, наркотиков.

Весьма наглядный пример использования частей специального назначения в борьбе с партизанскими отрядами представляет война во Вьетнаме, где прослеживается весьма причудливая эволюция их использования. Еще в период колониальной войны 1946–1954 гг. французские колонизаторы столкнулись с необходимостью пресечения каналов снабжения коммунистического объединения Вьетминь из КНР. Однако блокировать вьетнамско-китайскую границу им не удалось. Доставка вьетнамским партизанам всего необходимого протекала практически беспрепятственно.

В конце 1950 – начале 1960 гг. в Южном Вьетнаме развернулось антиправительственное движение, поддерживаемое Северным Вьетнамом (ДРВ), СССР и КНР. Северовьетнамцы создали систему материального обеспечения южновьетнамских партизан, представлявшую собой систему тайных дорог и троп. Она пролегла по территории восточного Лаоса и Камбоджи. Инфраструктура получила наименование «Тропы Хо Ши Мина». Поставки оружия и подкреплений серьезно усилили коммунистические объединения Индокитае – Патриотический Фронт Лаоса (ПФЛ, Патет Лао) и Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). В это же время были созданы Народные Вооруженные Силы Освобождения (отряды Фронта Юга). Это немедленно отразилось на развитии военно-политической ситуации в Индокитае в пользу ДРВ и КНР.

В этой связи, в начале 1960-х гг. аппарат американских советников в Южном Вьетнаме MACV (Military Assistance Command, Vietnam, «Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму») придавал большое значение созданию частей специального назначения в армиях Южного Вьетнама и Лаоса [7, р.336]. С этой целью, копируя опыт вооруженных сил США, на Юге создавались отряды спецназа (LLDB, Luc Luong Dac Biet) [7, р.503]. Для высокой мобильности им придавали вертолеты. Главными задачами новых частей была не только борьба с партизанами, но действия в тылу врага. Несмотря на жесткий отбор и усиленную подготовку, южновьетнамские отряды спецназа продемонстрировали низкую боеготовность. Президент Д. Ф. Кеннеди приказал увеличить численность американских спецподразделений в Индокитае до 10 тыс. чел. [7, р.503].

В 1961 г. в Южный Вьетнам были передислоцированы американские 5-я и 7-я группы специального назначения («зеленые береты»). В марте 1962 г. сюда же прибыл 39-й батальон связи. [15, р. 43]. В апреле 1962 г. в районе Сокчанга (юго-западнее Сайгона) был расквартирован 362-й вертолетный эскадрон корпуса морской пехоты (НММ-362), в составе которого было 450 морских пехотинцев [15, р. 43].

Американцы, выполнявшие обязанности советников, членов экипажей самолетов и вертолетов, могли принимать участие в операциях на объектах «Тропы Хо Ши Мина», расположенных в Южном Вьетнаме. В соответствии с условиями Женевских соглашений по Индокитаю (1954 г.) и по Лаосу (1962 г.) им было запрещено пересекать границы Лаоса и Камбоджи. Южновьетнамская армия действовала неэффективно. Она не могла разгромить инфраструктуру логистики врага не только на сопредельной, но и на своей территории.

В начале 1960-х гг. для пресечения инфильтрации транспортов с оружием из ДРВ в Южный Вьетнам, в районы расположения «Тропы Хо Ши Мина» в Лаосе забрасывались отряды «зеленых беретов». Они насчитывали 15-25 чел., подготовленных для ведения партизанской войны в условиях джунглей [12, р. 120]. Эти формирования, действуя на «Тропе», устраивали засады на небольшие группы партизан, минировали тропы, передавали данные о перевозках врага для нанесения бомбовых ударов.

Перевозками «зеленых беретов» занимались пилоты частных американских авиакомпаний «Air American» и САТ, работавшие в Лаосе под патронажем спецслужб США. Пилот вертолета Т. Грейди вспоминал: «Заброска и вывоз – сброс грузов в отряды и эвакуация – могли быть ужасными. Они будут одеты в северовьетнамскую униформу или Патет Лао, так что вы реально не пожелали бы быть обстрелянными с ними на борту. Вы не знали – чего ожидать» [12, р.120].

После выполнения задания «зеленые береты» давали кодовый радиосигнал на главную базу и указывали место посадки для вертолетов. Т. Грейди вспоминал: «Было крайне сложно вывозить их. Они весьма часто оставались на неделю, месяц или что-то в этом роде. Они часто опаздывали или давали неправильные сигналы. А, если они были одеты во вражескую униформу, то вы, вообще, не были уверены, кто перед вами» [12, р.120].

Многие «зеленые береты» перед отправкой в Индокитай, прошли курс обучения в английской школе подготовки по ведению тайных операций в Кота-Тинги (Малайя). Сержант 5-й группы спецназначения Р. Гарофало вспоминал: «Наши полевые инструкторы были из SAS Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Они отрабатывали с нами все элементы боя, учили быть в боевой готовности все двадцать четыре часа в сутки, оборудовать оборонительные позиции при каждой остановке... при этом открывали огонь по любому, кто пересекал периметр, так как тогда в Малайе шла война, по крайней мере, вблизи границы» [10, р.159].

Параллельно с проведением операций на «Тропе Хо Ши Мина», «зеленые береты» продолжали создавать части быстрого реагирования и иррегулярные отряды из представителей горных племен Восточного Лаоса и Центрального плато (Южный Вьетнам). Они отличались друг от друга системой комплектования, уровнями подготовки. Горцы и сайгонский спецназ должны были совместно блокировать районы, где проходила «Тропа». При этом американским военным отводились исключительно советнические функции.

Тем не менее, эффективность южновьетнамского спецназа, отрядов горцев была весьма неоднородна. Сайгонские рейнджеры серьезно уступали «зеленым беретам» по уровню боевой и психологической подготовки. Кроме того, возникала серьезная проблема, заключавшаяся в традиционной вражде горных племен к вьетнамцам, независимо от их политических убеждений.

В Лаосе группы «зеленых беретов», получившие наименование «Sneaky Petes» («Подлый Пит»), численностью 2–3 чел. занимались вербовкой агентов из местного населения [13, р. 34]. Как правило, это были дезертиры из отрядов ПФЛ. Их разделяли на две категории. Первые действовали как двойные агенты. Под убедительными предложениями они возвращались в свои подразделения и занимались сбором и передачей развединформации.

Задачей других был поиск объектов «Тропы Хо Ши Мина». Они собирали сведения среди местных жителей. Кроме того, агенты «Sneaky Petes» устанавливали электронные устройства в районах, где предположительно находились коммуникации врага. Это позволяло осуществлять слежение за местами возможного передвижения партизан и транспортов с оружием, осуществлять наведение авиации или корректировку огня артиллерии [13, р. 34].

Несмотря на принимаемые меры, интенсивность сообщения по «Тропе Хо Ши Мина» постоянно увеличивалась. В 1964 г. спецслужбы США установили, что объем перевозок по «Тропе» вырос в 3 раза [12, р. 332]. На Юг стали прибывать небольшие подразделения Вьетнамской Народной Армии, тяжелое вооружение. В этой ситуации становилось очевидно, что группы «зеленых беретов» и южновьетнамского спецназа не в состоянии парализо-

вать функционирование «Тропы Хо Ши Мина». Американские спецслужбы создали десятки формирований такого рода, укомплектованных представителями местного населения. Эти части различались по системе набора личного состава, выполняемым задачам. Однако блокировать «Тропу» они не смогли [10, p. 167].

В 1964 г. США, обеспокоенные ростом активности НВСО-ВНА, увеличили объемы помощи Сайгону, но не решались на прямое вторжение в Южном Вьетнаме. Для обоснования расширения американского военного вмешательства на Юге Вашингтон выдвинул т.н. «теорию падающего домино». Суть ее была изложена в меморандуме Совета Национальной Безопасности № 288 (NSAM № 288), утвержденном 17 марта 1964 г. В документе указывалось: «Южный Вьетнам должен иметь возможность... принять внешнюю помощь для обеспечения собственной безопасности» [1, p. 29-36].

В рамках этого проекта, министр обороны США Р. Макнамара предлагал развернуть комплекс мер по пресечению инфильтрации отрядов НВСО, вооружения из ДРВ через территорию Камбоджи и Лаоса в Южный Вьетнам, в которые также были включены такие операции:

1. Проведение патрульных действий на границах Южного Вьетнама с Камбоджей и Лаосом.
2. Организация разведывательно-диверсионных акций спецслужбами США и Южного Вьетнама в Лаосе и ДРВ [1, p. 29–36].

Пентагон пришел к выводу о необходимости создания новых подразделений, подготовленных для действий в тылу противника. Основной состав в них должны были представлять не офицеры и сержанты спецслужб, а военнослужащие армии и флота.

Особое внимание уделялось созданию разведывательных частей спецназначения SOG (Recon Team) смешанного состава. SOG расшифровывался, как (Studies and Observations Group, «Группа исследований и наблюдений»). В реальности, это, созданное 24 января 1964 г., подразделение, представляло собой секретные формирования спецназа США [4, p.116–117]. В эти отряды входили представители определенной этнической группы (вьетнамцы, лаотянцы, кхмеры, нунги, тайцы) и военнослужащие США. Их задачами было ведение разведки, диверсии, террор в базовых районах НФОЮВ, провинциях на границах с Камбоджей и Лаосом.

Министр обороны США Р. Макнамара вспоминал: «Я понял, что коммунисты увеличат свои силы за счет рекрутирования на Юге и расширения инфильтрации с Севера. Объединенный Комитет Начальников Штабов и я рассчитали, что они увеличат число своих батальонов на 50 % в 1966 г. и, чтобы обеспечить эту крупную силу, будут перевозить 140 тонн грузов в день, эксплуатируя возможности «Тропы Хо Ши Мина» на 70 %» [9, p. 236].

Это обстоятельство, вынудило Пентагон в очередной раз увеличить численность специальных частей в армии Южного Вьетнама. Эти подразделения представляли собой отряды LRPP (Long-range Reconnaissance Patrols, дальние разведывательные патрули) [10, p. 177]. Каждое формирование получало кодовое наименование «проект «Дельта», «проект «Гамма».

В мае 1964 г. по приказу командующего MACV генерала Ч.У. Уэстморленда был создан отряд В-52 «проекта «Дельта». Первый командир нового подразделения майор Ч. Бекуит, имевший годичный опыт войны в Малайе, прибыв в Индокитай, убедился в его полной неэффективности. В составе В-52 общей численностью более 1 тыс. чел. он создал отряд спецназа (100 чел.). Из наиболее опытных бойцов были сформированы т.н. «марфонские группы». Каждая, численностью 12 чел., выполняя дальнейшее патрулирование, занималась выявлением коммуникаций снабжения отрядов ВНА-НВСО [10, p. 178]. Однако, после отбытия Ч. Бекуита в США по ранению, боеспособность подразделения вновь резко упала.

В 1964 г. американские спецслужбы провели операцию под кодовым наименованием «Steel Tiger» на «Тропе Хо Ши Мина» [15, р. 114]. Эффективность ее осуществления оказалась незначительной.

В своем докладе от 4 августа 1964 г. для подкомитета по вопросам обороны Сената США Р. Макнамара отмечал: «В 1963 г. большая часть оружия, доставленного из Северного Вьетнама в Южный, составляло французское и американское вооружение, использовавшееся до 1954 г. в Индокитае и Корее. Теперь вооружение, поставляемое в Южный Вьетнам, произведено в СССР и КНР. В 1963 г. все командиры и солдаты, проникшие через Лаос, были южновьетнамцами. В течение последних 18 месяцев большая часть инфильтраторов (около 10000 чел.) были северовьетнамцами регулярной дивизии (325-я дивизия)» [5, р. 66-67].

Весной 1965 г. США сосредоточили в Южном Вьетнаме крупную войсковую группировку. Ее численность постоянно наращивалась и к 1967 г. превысила 567 тыс. чел. [7, р.413] Выполняя союзнические обязательства, Австралия, Таиланд, Новая Зеландия ввели свои контингенты в Индокитай. Уже первые месяцы вторжения продемонстрировали крупные недостатки армии США. Интервенты, располагавшие тяжелой артиллерией, бронетехникой, не были подготовлены к боям в условиях горно-лесистой, заболоченной местности, джунглях. Кроме того, общевойсковые соединения, подготовленные к традиционным боевым действиям, не располагали достаточным количеством разведывательных частей, подготовленных для ведения борьбы с партизанами на значительном удалении от основных сил. По мнению генерал-лейтенанта Г. Г. Мура, сложный рельеф и, преимущественно партизанский, характер действий ВНА-НВСО, предопределили высокую роль мобильных подразделений интервентов и южновьетнамской армии [8, р. 123-138].

Это привело к отправке в Индокитай подразделений специального назначения всех родов войск (армия, ВМС, ВВС). Первоначально, в отличие от армейских частей, они комплектовались сверхсрочниками, прошедшими курс подготовки не только в США, но и в Японии, Малайе и Южном Вьетнаме. Задачи, возлагавшиеся на них, соответствовали уровню подготовки и специфики действий.

По мере эскалации интервенции США в составе соединений группировки вторжения создавались новые части специального назначения. В 1965 г. в каждом подразделении (до батальона включительно) создавались отряды LRPP. Они представляли собой небольшие группы опытных солдат и офицеров, главной задачей которых являлось ведение разведки на территории, контролируемой ВНА-НВСО. Обычная численность LRPP – 6 человек. В состав группы включались снайпер, радист и вьетнамец-проводник [10, р. 178].

Обычные патрули действовали на незначительном удалении от основных позиций, в зоне действия артиллерии. По сути, они выполняли функции боевого охранения. Их боевую эффективность ограничивали природные условия, высокая мобильность противника. В отличие от них, LRPP обладали значительным радиусом действия. В их задачи входило не только ведение разведки, на основании которой командование планировало операцию силами полка. Они также занимались организацией рейдов и засад [10, р. 177]. В этих случаях, одновременно оперировали несколько групп при поддержке авиации. Как правило, LRPP действовали в приграничных районах Южного Вьетнама с Лаосом и Камбоджей, где располагались участки «Тропы Хо Ши Мина».

Единого командования, системы формирования и подготовки LRPP не было. Например, в 1-й кавалерийской дивизии армии США, прибывшей во Вьетнам летом 1965 г., были созданы специальные роты дальней разведки. Они подчинялись только командованию соединения [10, р. 177-178].

Аналогичный тактический прием использовали соединения других родов войск. В 173-й воздушно-десантной бригаде (ВДБ) в каждом батальоне было создано пять отрядов LRPP. Численность этих формирований была неоднородной. Командир соединения генерал-майор Э. Уильямсон вспоминал: «Не прошло и нескольких дней, как стало очевидно,

что небольшие группы могут значительно эффективнее заниматься сбором развединформации, чем крупные поисковые отряды численностью до батальона и более. Мы уже подготовили своих людей к действиям в составе малых групп численностью от трех человек до полной роты и теперь отправили их на патрулирование в джунгли, на срок от нескольких дней до месяца, сбрасывая все необходимое с парашютом или доставляя на вертолетах» [10, р. 179-180].

В каждом соединении LRPP носили красноречивое название. В 173-й ВДБ они значились, как «команды «Дельта». В 1-й бригаде 101-й воздушно-десантной дивизии их именовали «командами головорезов» [10, р.179].

До начала вьетнамской войны в составе корпуса морской пехоты находились спецподразделения. Их основными задачами являлась разведка побережья, обеспечение высадки основных сил десанта. В Индокитае части морской пехоты выполняли несвойственные им функции. В этой связи, требовалась корректировка тактических приемов.

В 1965-1966 гг. в Южный Вьетнам прибыли 1-я и 3-я дивизии морской пехоты. 1-я дивизия дислоцировалась в районе демилитаризованной зоны между ДРВ и Южным Вьетнамом, прикрывала приграничные районы Юга с Нижним Лаосом. В зоне ответственности 3-й дивизии находилась долина А Шау. В этом районе находились объекты «Тропы Хо Ши Мина» [14, р.167]. Так же, как и армейские соединения, части корпуса морской пехоты остро нуждались в спецподразделениях, обученных действовать длительное время в тылах ВНА.

В 1965–1967 гг. в Южном Вьетнаме действовали 1,2,3 и 5-й разведбатальоны морской пехоты. Первоначально основной оперативной единицей этих подразделений был взвод разведки численностью 24 чел. (офицер, 23 сержанта и солдата). В его составе создавались группы «Reson» (4-6 чел.). Их задачами являлись: дальнейшее патрулирование, сбор разведанных, ведение ближнего боя [14, р. 34]. Радиус действия «Reson» определялся зоной ответственности соединения.

Командир 3-й дивизии морской пехоты генерал-лейтенант Дэвис отмечал: «В нашей оперативной зоне действовало до сорока таких патрулей; они являлись средством быстрого зондирования состояния и намерений противника. В результате мы достаточно четко представляли, где он находится, что делает и, что не менее важно, - знали, где его нет» [10, р.189]

Специальные группы подводных диверсантов («тюлени»), подчинявшиеся командованию ВМС США, действовали в дельте Меконга. Они уничтожали переправы врага, нападали на объекты «Тропы Хо Ши Мина», расположенные на реках [10, р. 189].

Параллельно с эскалацией интервенции в Южном Вьетнаме, расширялось американское вмешательство в Лаосе. В октябре 1965 г. группа войск спецназа армии США, базировавшаяся в лагере Кхамдык (пров. Куангчинь, Южный Вьетнам) успешно провела операцию «Shining Brass» в восточных районах королевства. Цель – осуществление разведки и диверсий на объектах «Тропы Хо Ши Мина». В итоге, ВНА-НВСО понесли урон. Впоследствии действия такого рода регулярно проводились в Лаосе в 1965-1971 гг. [2, р. 18].

В ноябре 1965 г. заместитель начальника MACV бригадный генерал К. Абрамс, признавая провал операций против инфильтрации на Юг, докладывал: «В настоящее время эта сеть дорог [«Тропа»] может транспортировать все необходимые грузы для северовьетнамских сил и Вьетконга [НВСО], по меньшей мере, на 2/3 северной части территории Южного Вьетнама. Свидетельством тому, стала мощная атака северовьетнамских войск против 1-й кавалерийской дивизии США... В этом сражении Северный Вьетнам израсходовал огромный объем боеприпасов. Американцы думают, что этот район – важная тыловая база коммунистов» [5, р. 67].

Развертывание США интервенции в Индокитае увеличило значение использования формирований горцев в планах американских спецслужб. Особое значение имели операции отрядов племени хмонгов, осуществлявшиеся совместно с американскими спецподразделе-

ниями против объектов «Тропы Хо Ши Мина». Их действия требуют отдельного подробного анализа.

В 1965 г. командование ВНА сформировало спецподразделение – «группа 565». Его непосредственной задачей являлась защита объектов «Тропы Хо Ши Мина» от нападений диверсионных групп врага [12, р. 332]. Для этого каждый промежуточный пункт, заправочная станция или переправа обеспечивались сильной охраной; оборудовались огневые позиции, проводились противодиверсионные мероприятия (минирование, засады).

Если в 1965 г. из ДРВ в Южный Вьетнам было переправлено 36 тыс. чел., в 1966 г. – 90 тыс. чел. [12, р. 332]. На ряде участков перевозки осуществлялись автотранспортом. «Тропа» периодически модернизировалась, строились новые объекты: развязки, склады, базы; оборудовались тысячи позиций для ПВО. Один из американских спецназовцев сообщал в рапорте: «Временами «Тропа Хо Ши Мина» была столь перегружена, что была подобна скоростной автомагистрали Лонг-Айленда в час пик» [12, р. 334].

В августе 1966 г. командование корпуса морской пехоты США приняло проект под кодовым наименованием «Stingray». Его основное содержание сводилось к модернизации тактики дальних патрулей группами по 5 чел. [11, р. 56]. В отличие от отрядов «Reson», их радиус действия был значительно расширен. Они оснащались современными средствами наблюдения и связи, снайперскими винтовками MAW XM-21 [11, р. 54].

Эффективность этой тактики оказалась высокой. По данным майора Б. Г. Нортон, принимавшего участие в ряде операций, в период с июня по декабрь 1966 г. в результате работы патрулей «Stingray» был уничтожен 601 боец ВНА. Потери американцев были ничтожны – 9 чел. [11, р. 55]

В 1967 г. в этих целях спецслужбы США развернули формирование новых отрядов («проект «Gamma»») [13, р. 211-212]. В рамках его реализации, для пресечения инфильтрации НВСО-ВНА в Южном Вьетнаме были созданы базовые лагеря в Кхамдык, Бенхет, Тхиенфуок, Будоп, Дасаенг, Тхьонгдык, Бупранг, Дакпек, Тонглечон. Отряды американского и сайгонского спецназа, находившиеся в этих пунктах, вели разведку в приграничных районах, совершали нападения на транспорты, осуществляли минирование. В 1965–1970 гг. отряды «проекта «Gamma» осуществляли операции в Камбодже и Лаосе. Части ВНА-НВСО наносили ответные удары большими силами по базам врага.

В 1966–1967 гг. Пентагон настаивал на расширении давления на ПФЛ. В этой связи, были разработаны планы акций, включая рейды, засады, диверсия против ВНА и Народной Армии Освобождения Лаоса (НАОЛ), созданной в середине 1960-х гг. С мая 1967 г. разведгруппы ЦРУ, укомплектованные американцами и лаотьянцами, осуществляли в восточных провинциях королевства программу «Shining Brass / Prairie Fire», основной целью которой являлся поиск и уничтожение объектов «Тропы Хо Ши Мина» [10, р. 168].

Активное участие в реализации этой программы приняли формирования армии генерала Ванг Пао (хмонги). Прекрасно ориентировавшиеся на местности, отряды горцев не нуждались в обеспечении, которое требовалось для группы спецназа США. Они могли неделями действовать в тылах врага, в труднодоступной местности.

В восточных районах Верхнего и Нижнего Лаоса, где располагались основные коммуникации «Тропы Хо Ши Мина», спецслужбы США создали систему «Igloo White», представлявшую структуру сейсмических и акустических приборов, осуществлявших постоянный мониторинг объектов «Тропы» [6, р. 172]. Учитывая, что горцы были неграмотны, американцы снабдили их радиопередатчиками с набором кнопок с изображениями танка, автомобиля, артиллерийского орудия. Когда разведчик обнаруживал конвой, он должен был нажать соответствующую кнопку столько раз, сколько видов техники мимо него проследовало. При каждом нажатии сигнал поступал на базу, где велся учет перевозок противника.

В местах предполагаемой дислокации отрядов ВНА-НВСО, периодически вели разведку вертолеты, оснащенные сенсорами («people sniffers»), которые реагировали на тепло,

запах человеческого тела и даже мочу [12, р. 335]. Данные о наличии людей поступали в штаб ВВС для нанесения ударов по районам присутствия врага.

Несмотря на усилия спецслужб, командования армий США и Южного Вьетнама, стратегия и тактика использования частей спецназначения против объектов «Тропы Хо Ши Мина» в целом оказались неудачными. «Тропа» не только не сократила, но и увеличила объемы перевозок.

Командир 559-го транспортного корпуса ВНА генерал-лейтенант Донг Сай Нгуен утверждал, что в 1967 г. его соединение перевыполнило общий план перевозок, утвержденный Ханоем, на 120 %; в провинции Тайнгуен – на 98 %; на участке шоссе № 9-Куангчай – на 100 %; в Центральном и Южном Лаосе – на 227 % [3, р. 59].

Фактический провал усилий частей спецназначения США и Южного Вьетнама по блокаде «Тропы» объяснялся следующими причинами:

1. Отсутствие единого командования всеми спецподразделениями. Военно-бюрократическая и гражданская административная структуры в Индокитае были чрезмерно громоздкими. В итоге, нередко приказы, требовавшие срочности, отдавались с опозданием, дублировали друг друга.

2. Слабая эффективность применения технологий по обнаружению объектов «Тропы». Густая растительность, сложный рельеф и мобильность частей ВНА-НВСО были серьезными препятствиями для точной техники.

3. Методы сбора развединформации оказывались неэффективными, т.к. требовали немедленных ударов по месту дислокации противника. В условиях Вьетнама и Лаоса осуществить это было крайне сложно.

4. ВВС США в 1966–1967 гг. наносили большой урон 559-му корпусу ВНА. Тем не менее, «Тропа Хо Ши Мина» продолжала активно работать.

5. «Тропа» представляла собой постоянно модернизирующуюся транспортную магистраль. Уничтожение нескольких объектов не могло привести к ее полному параличу.

6. Активные меры ВНА-НВСО по защите «Тропы»: эффективная оборона объектов, внезапные нападения на базовые лагеря спецназа врага.

В 1988 г. генерал У. Э. Де Пай (штаб Ч. У. Уэстморленда), главный разработчик операций 1965–1968 гг. заявил: «[Мы] в конце концов поняли, что мы не могли втянуть [Вьетконг и северовьетнамцев] в достаточно активное сражение, чтобы одержать победу в войне на истощение... Мы были высокомерны, потому что мы были американцы и мы были солдатами или моряками и мы могли сделать это, но оказалось, что это ошибочная концепция, учитывая тот факт, что «Тропа Хо Ши Мина» не была закрыта. Это была провальная концепция действий» [9, р. 212].

Таким образом, несмотря на результативность ряда операций, значительный урон, нанесенный войскам ВНА-НВСО, частями специального назначения США и Южного Вьетнама не удалось пресечь инфильтрацию из ДРВ в Южный Вьетнам по «Тропе Хо Ши Мина» в 1961-1967 гг.

Список источников и литературы

1. Barrett, D. M., Lyndon, B. (1998). *Johnson's Vietnam Papers: a documentary collection*. Texas A and M University Press. 869 p.
2. Conboy, K., Morrison, J. (1994). *War in Laos 1954-1975*. Carrolton, Texas: Squadron/Signal publications, Inc. 62 p.
3. Dong, Si Nguyen (2005). *The Trans –Truong Son Route*. Ha Noi: The Gioi Publishers. 338 p.
4. Gilmore, D. L., Giangreco, D. M. (2006). *Eyewitness Vietnam. Firsthand Accounts from Operation Rolling Thunder to the Fall of Saigon*. N. Y.: Sterling Publishing Co., Inc. 304 p.
5. Hoang, Khoi (2001). *The Ho Chi Minh Trail*. Ha Noi: The Gioi Publishers. 109 p.

6. Hamilton-Merritt, J. (1993). *Tragic Mountains: The Hmong, the Americans, and the Secret Wars for Laos, 1942-1992*. Bloomington. Ind. 580 p.
7. Kutler, S. (1996). *Encyclopedia of the Vietnam War*. N.Y.: Simon and Schuster Macmillan, 711 p.
8. Moore, H. G. Galloway, J. L. (2002). *We Were Soldiers Once...And Young. Ia Drang: The Battle That Changed the War in Vietnam*. Thorndike Press. P. 123-138.
9. McNamara, R. S. (1995). *In Retrospect. The Tragedy and Lessons of Vietnam*. Toronto: Random House. 439 p.
10. Neillands, R. (1997). *In the combat zone. Special Forces since 1945*. London: Weindenfeld Nicolson. 350 p.
11. Norton, B. H. (2000). *Stingray*. N.Y.: Ballantine Books. 357 p.
12. Robbins, C. (2001). *The Ravens. Pilots of the Secret War of Laos*. Bangkok: Asia Books. 476 p.
13. Valentine, D. (2000). *The Phoenix Program*. N.Y.: An Authors Guild Backprint.com Edition. 479 p.
14. Vetter, L. C. (1996). *Never without heroes. Marine Third Reconnaissance Battalion in Vietnam, 1965-1970*. N.Y.: Ivy Bokks. 370 p.
15. Willbanks, J. H. (2009). *Vietnam War Almanac*. N.Y.: Facts on File. Animprint of Infobase Publishing. 590 p.

References

1. Barrett, D. M., Lyndon, B. (1998). *Johnson's Vietnam Papers: a documentary collection*. Texas A and M University Press. 869 p.
2. Conboy, K., Morrison, J. (1994). *War in Laos 1954-1975*. Carrolton, Texas: Squadron/Signal publications, Inc. 62 p.
3. Dong, Si Nguyen (2005). *The Trans –Truong Son Route*. Ha Noi: The Gioi Publishers. 338 p.
4. Gilmore, D. L., Giangreco, D. M. (2006). *Eyewitness Vietnam. Firsthand Accounts from Operation Rolling Thunder to the Fall of Saigon*. N. Y.: Sterling Publishing Co., Inc. 304 p.
5. Hoang, Khoi (2001). *The Ho Chi Minh Trail*. Ha Noi: The Gioi Publishers. 109 p.
6. Hamilton-Merritt, J. (1993). *Tragic Mountains: The Hmong, the Americans, and the Secret Wars for Laos, 1942-1992*. Bloomington. Ind. 580 p.
7. Kutler, S. (1996). *Encyclopedia of the Vietnam War*. N.Y.: Simon and Schuster Macmillan, 711 p.
8. Moore, H. G. Galloway, J. L. (2002). *We Were Soldiers Once...And Young. Ia Drang: The Battle That Changed the War in Vietnam*. Thorndike Press. P. 123-138.
9. McNamara, R. S. (1995). *In Retrospect. The Tragedy and Lessons of Vietnam*. Toronto: Random House. 439 p.
10. Neillands, R. (1997). *In the combat zone. Special Forces since 1945*. London: Weindenfeld Nicolson. 350 p.
11. Norton, B. H. (2000). *Stingray*. N.Y.: Ballantine Books. 357 p.
12. Robbins, C. (2001). *The Ravens. Pilots of the Secret War of Laos*. Bangkok: Asia Books. 476 p.
13. Valentine, D. (2000). *The Phoenix Program*. N.Y.: An Authors Guild Backprint.com Edition. 479 p.
14. Vetter, L. C. (1996). *Never without heroes. Marine Third Reconnaissance Battalion in Vietnam, 1965-1970*. N.Y.: Ivy Bokks. 370 p.
15. Willbanks, J. H. (2009). *Vietnam War Almanac*. N.Y.: Facts on File. Animprint of Infobase Publishing. 590 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ряполов В.В.
(Елец)

УДК 94

**ИСТОРИЯ АНГЛИИ И США В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КАРАБУЩЕНКО П. Л., ВАРТУМЯН А. А.
«АНГЛОСАКСЫ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
(ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ)». 2021. 338 с.**

Начало XXI столетия в мировой истории было ознаменовано нарастающим влиянием различных глобализационных процессов, которые помимо объективных закономерностей, имеют также и субъективный характер, что проявляется в стремлении США и Западной Европы навязать всему миру свое цивилизационное устройство, свои ценности, культуру, образ жизни и мышления. Глобализация распространяется в форме «вестернизации», служит инструментом в руках ведущих держав Запада для установления доминирующего положения в международном сообществе. Для достижения этой стратегической цели применяются различные средства, в том числе информационные, призывающие к пропаганде переосмысления, пересмотра многих ключевых событий прошлого и формированию новых приоритетных оценок.

В этой связи вызывает большой интерес монография П. Л. Карабущенко, А. А. Вартумяна, которая представляет собой уникальный опыт самостоятельного исследования политической истории англосаксов в контексте проблемы фальсификации. Актуальность исследования определяется не только спецификой современных отношений Российской Федерации со странами Запада, но и тем, что необходимость противодействия попыткам фальсификации истории является важнейшей составляющей процесса сохранения исторической памяти. Вместе с тем, решение данной задачи предполагает комплексное изучение и междисциплинарный подход, что и проявляется достаточно ярко на страницах рецензируемой работы, в т.ч. в выборе методов исследования.

Выводы авторов основаны на изучении очень широкого круга источников и различной литературы. Библиографический список включает в себя как русскоязычные, так и англоязычные исследования разных лет, хроники, сборники документов, мемуары и воспоминания, что свидетельствует о масштабах проделанной авторами серьезной научной работы и вызывает несомненный интерес. Бесспорно, заслуживают одобрения попытка самостоятельного анализа столь обширного материала и стремление авторов уйти от догматических схем и подходов, преобладавших ранее в историографии, посвященной данной теме.

Структура монографии представляется логичной и последовательной, отражает избранную авторами проблематику работы, ее научную значимость и основные выводы. Исследование состоит из введения, двух частей, каждая из которых подразделяется на главы, построенные по проблемно-хронологическому принципу. Обращает на себя внимание количество глав: 4 в первой части и 7, почти в два раза больше, – во второй. Однако кажущаяся на первый взгляд структурная несоразмерность больше касается формы, а не содержания. По объему представленного материала обе части примерно сопоставимы. Первая посвящена анализу политической истории Англии, начиная с эпохи средневековья и заканчивая бурными событиями XIX в., связанными с обострением российско-британских отношений. А во второй части монографии авторы обращаются уже к истории англосаксонского Запада XX – начала XXI столетий, акцентируя внимание читателя на США в большей степени, учитывая постепенно возрастающую их роль и влияние в системе международных от-

ношений. В заключительном послесловии подведены итоги проведенного исследования и сделаны логичные выводы.

Основные результаты и выводы исследования изложены достаточно четко, аргументировано и смело. Авторами установлено, что основу внешней политики Великобритании и США на протяжении последних столетий составляло противостояние с Россией, обладавшей всегда огромной территорией. От этого во многом зависели стратегия и арсенал средств, применяемых руководством вышеуказанных держав на мировой арене. Как отмечают П. Л. Карабущенко и А. А. Вартумян в своей работе, сущность политического имиджа англосаксонской политики основывается на разнообразных мифах (в тексте монографии их указывается 20), которые необходимо разоблачить путем критического анализа. Следует заметить, что в процессе исследования авторы успешно решили данную задачу.

Общий научный уровень работы достаточен. Название вполне соответствует содержанию работы. Научная новизна, теоретическая значимость исследования также отвечают необходимым требованиям. Корректность терминологического аппарата, степень его применения, логичность изложения и владение научным стилем вполне удовлетворительны.

Вместе с тем, следует заметить, что данная работа не лишена отдельных стилистических погрешностей, которые вытекают во многом из эмоционально-экспрессивных оценок и суждений авторов. Заголовки отдельных пунктов (или параграфов) внутри глав сформулированы в несколько публицистичной манере, что представляется мало подходящим для научной работы. Однако данное замечание несколько не умаляет очевидных достоинств монографии, особенно с учетом выбранной авторами проблематики и набирающего в последние годы особую популярность жанра научной публицистики, адресованного широкой аудитории. Возможно, следовало бы добавить в качестве приложения иллюстративный материал, статистические данные, фрагменты источников, дополняющие общую картину исследования.

Тем не менее, монография П. Л. Карабущенко и А. А. Вартумяна, несмотря на определенные замечания, большинство из которых имеет рекомендательный характер, будет, конечно, интересна научному сообществу и является заметным вкладом в развитие не только современной историографии, но и политической науки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, Karina-best21@mail.ru

Безгин Владимир Борисович – доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия, vladuka62@mail.ru.

Белая Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, главный специалист, Российский фонд фундаментальных исследований, Москва, Россия, vgoraeva@mail.ru

Букалова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орел, Россия, stl1612@yandex.ru

Долгих Аркадий Наумович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, zhirgov-nikolai@mail.ru

Захаров Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Цифровые гуманитарные исследования», Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, elural@yandex.ru

Ерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент Мичуринского государственного аграрного университета, Мичуринск, Россия, erin1987@mail.ru

Иванов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Амурского Гуманитарно-Педагогического Государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия, sig.vv-ivanov@yandex.ru

Клевцова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, ksenijmel@mail.ru

Ковалев Дмитрий Анатольевич – археолог ООО «Центр охранных археологических исследований», Воронеж, Россия, batrik36@gmail.com

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, lyarin-denis@yandex.ru

Меркулов Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, aleksandrmerkulov@mail.ru

Меркулов Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орел, Россия, merkulovpavelredaktor@mail.ru

Мельникова Алена Романовна – младший научный сотрудник лаборатории «Бунинская Россия», магистрант Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия, alna.melnikova.2000@list.ru

Мягкова Юлия Яковлевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник, РРОО «Донское археологическое общество», Ростов-на-Дону, Россия, miya2007@yandex.ru

Николашин Вадим Павлович – доктор исторических наук, заместитель директора Технопарка «Державинский» Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, nikolashin.vadim@yandex.ru

Парахин Сергей Алексеевич – соискатель Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия, vapo12122@mail.ru

Редин Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, volot@mail.ru

Ряполов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, ryapol_77.ist@mail.ru

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, dsen1974@mail.ru

Чернышева Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, Москва, patiche84@mail.ru

Чориян Степан Кеворкович – стажер-исследователь Южного Научного Центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия, stepa.choriev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karine R. Ambartsumyan – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, Karina-best21@mail.ru

Vladimir B. Bezgin – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Tambov State Technical University, Tambov, Russia, vladyka62@mail.ru

Natalya N. Belaya – Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist, Russian Foundation for Basic Research, Moscow, Russia, voropaeava@mail.ru

Svetlana V. Bukalova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Central Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russia, stl1612@yandex.ru

Arkady N. Dolgikh – Doctor of Historical Sciences, Professor of Semenov-Tyan-Shanskiy Lipetsk State University, Russia, adonli@mail.ru

Nikolay A. Zhirov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, zhirov-nikolai@mail.ru

Andrey V. Zakharov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Digital Humanitarian Research, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, elural@yandex.ru

Pavel V. Erin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia, erin1987@mail.ru

Valery V. Ivanov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Amur Humanitarian Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, sir.vv-ivanov@yandex.ru

Oksana V. Klevtsova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, ksenijmel@mail.ru

Dmitry Anatolyevich Kovalev – archaeologist of The Center for Conservation Archaeological Research, Voronezh, Russia, batrik36@gmail.com

Denis A. Lyapin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of the Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

Alexander N. Merkulov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, aleksandrmerkulov@mail.ru

Pavel A. Merkulov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Redner Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russia, merkulo-vpavelredaktor@mail.ru

Alena R. Melnikova – Junior researcher of the laboratory "Buninskaya Russia", master's student of the Institute of History and Culture of Yelets State University named after I.A. Bunina, Yelets, Russia, alena.melnikova.2000@list.ru

Yulia Y. Myagkova – Candidate of Biological Sciences, Researcher, RROO "Don Archaeological Society", Rostov-on-Don, Russia, muya2007@yandex.ru

Vadim P. Nikolashin – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Derzhavinsky Technopark of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, nikolashin.vadim@yandex.ru

Sergey A. Parakhin – Post-graduate student of the Tambov State Technical University, Tambov, Russia, vano12122@mail.ru

Dmitry Alekseevich Redin – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Center for Social History of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, volot@mail.ru

Vladimir Vasilievich Ryapolov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, ryapol_77.ist@mail.ru

Dmitry V. Sen - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, dsen1974@mail.ru

Natalya V. Chernysheva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS, Russia, Moscow, natiche84@mail.ru

Stepan K. Choriyan – Research Assistant at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, stepa.choriev@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке литературы указывается издательство и количество страниц.

После списка литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Более подробно об оформлении статей можно узнать на сайте: <http://historic-journal.ru/about/for-authors/requirement/>

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи.

Расылка печатных экземпляров редакцией не осуществляется. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Редакция отдает предпочтение статьям, связанным с историей повседневной жизни, работам, посвященным историко-антропологическим проблемам, микроистории и исторической культурологии.

Научное издание

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

№ 4 (29) / Елец, 2021

Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов

Технический редактор – Н. П. Безногих

Техническое исполнение – В. М. Гришин

Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 11.12.2021

Дата выхода в свет 12.12.2021

Бумага 84,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная

Тираж 1000 экз. Заказ № 105

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

E-mail: nauka@elsu.ru

Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1